

БЪЁРН АНДРЕАС
БУЛЛ-ХАНСЕН

ЙОМСВИКИНГ

Бьёрн Андреас Булл-Хансен

Йомсвикинг

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.113 .5
ББК 84(4Нор)

Булл-Хансен Б.

Йомсвикинг / Б. Булл-Хансен — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107499-9

993 год. На глазах юного Торстейна убивают его отца, а сам он попадает в рабство. Так начинается непростой путь будущего корабеля и война. Волею судьбы он оказывается в гуще исторических событий, ведь власть в норвежских землях постепенно захватывает новый конунг, огнем и мечом насаждающий христианскую веру, стейну представится возможность увидеть как самого властителя, так и его противников, но в своем стремлении выжить любой ценой, найти старшего брата и отомстить за смерть отца он становится членом легендарного братства йомсвикингов, которых одни называли убийцами и разбойниками, а другие - благородными воинами со своим нерушимым кодексом чести. Но в непредсказуемом и опасном мире Севера X—XI веков ничто не вечно, и смерть может поджидать везде, ведь перед ней бессилен даже самый бесстрашный викинг.

УДК 821.113 .5

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-17-107499-9

© Булл-Хансен Б., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	10
3	18
4	26
5	35
6	43
7	48
8	64
9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Бьёрн Андреас Булл-Хансен

Йомсвикинг

© Ольга Ермакова, перевод, 2022

© Ирина Таратонкина, перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Однажды мой отец сказал: свободный человек должен встречать каждый день без страха.

Так же надо встречать и смерть. Ведь норны уже обрезали нить твоей жизни в то мгновение, когда ты родился, и никому – ни мужчине, ни женщине – не дано прожить ни дня сверх отмеренного.

Мира, в котором я вырос, мира, в котором родились мои сыновья, больше нет. Древние королевства объаты огнем, а имена древних богов запрещено упоминать. Нить моей жизни скоро оборвется. Но прежде, чем дух покинет это немощное старое тело, я расскажу о былом. Ибо есть у меня надежда, что пришедшие за нами поймут: мы не были просто чудовищами, мы не просто враждовали со справедливыми королями. У меня есть надежда, что нас запомнят благодаря тому, во имя чего мы жили и сражались.

1

В рабстве

Мало я помню о своей жизни до плена. Но мне нравится думать, что это были счастливые годы. Я все еще помню те лесные тропинки и могу часами следовать за ними внутренним взором. Я могу остановиться у тиса, вдохнуть запах травы и разогретого болота. Я могу увидеть солнце за кронами деревьев, пробивающиеся сквозь них, отсвечивающие зеленым лучи. И так жарко, что чувствую тепло обнаженной кожей, пока пробираюсь сквозь подлесок. Голые ноги задевают стебли папоротника, я чувствую гладкость лука в руке и тяжесть колчана, бьющего по бедру. Захожу в густую рощу, здесь ступни погружаются во влажный мох, и я знаю, что в весеннее половодье сюда поднимается море, оставляя после себя водоросли, и ракушки, и крабов, закапывающихся в мох. И вот я уже у берега в самом конце залива, вижу, как на песок накатывают волны, а вверху, высоко в небе, парят чайки. Птицы висят неподвижно, будто их пригвоздили к небесному своду, но вот они бьют крыльями и устремляются в море или к лесу за моей спиной.

Здесь справа от меня расстилаются песчаные отмели, а неподалеку стоит отец с Ульфхаммом. Седые волосы отца треплет ветер. Он, как всегда, немного клонится вбок, но в его жилистом теле еще достаточно силы, и я думаю: нет в мире ничего, что могло бы сокрушить его. Ульфхамм лает, но по своему обыкновению не отходит от отца. Отец чуть заметно кивает мне, а затем наклоняется и подбирает ракушку. Я иду дальше по тропинке. Здесь она сворачивает и уводит меня к северной части залива. Я карабкаюсь по камням. Я еще мал, совсем ребенок, но ловок, руки и ноги мои крепки. Я перекидываю лук за плечо и без страха быстро поднимаюсь к вершине сопки, ведь я знаю, что отец наблюдает за мной, стоя на отмели. Он боится, что я расшибусь, ведь я остался у него один. Но мне надо доказать ему, что я могу, я не слабее его, ведь скоро сыновья бонда позовут меня в путь, так что отец должен знать, что я не посрамлю его.

На вершине сопки я смотрю на расстилающийся передо мной фьорд. Здесь наверху сложена пирамида из камней, в первые годы после распри отец должен был разводить здесь огонь всякий раз, как увидит боевой корабль. Он сторожил здесь каждую ночь. Я забираюсь под свод старого шалаша, прислоняюсь к стене и некоторое время смотрю на море. Пытаюсь проследить за линией между морем и небом. Она тоньше волоска и прямее клинка. Вот куда лежит мой путь. Туда, где встречаются небо с землей. По другую сторону океана, далеко на востоке, раскинулось островное королевство. Бьёрн, мой единственный брат, уплыл туда прошлым летом. В этом году наступит мой черед.

В шалаше я долго не задерживаюсь, вскакиваю на ноги, но теперь я бегу, и можжевельник царапает мне ноги и живот. Не помню, что на мне было тогда. Может, просто кусок ткани на бедрах. И вот я на северной стороне мыса, распутываю снасть, которую прикрутил к луку. На конце снасти привязан крючок, его я сделал из шипа. Я раздавливаю раковину улитки и насаживаю ее на крючок.

Я долго лежу на камне. Смотрю на себя в зеркале вод. На лицо падают длинные нечесанные волосы. Лицо еще округлое, в нем еще есть что-то детское, но скоро все будет по-другому. Я уже становлюсь похож на мужчину: лоб и скулы заострились, глазницы запали. Голубые глаза ярко выделяются на загорелом лице.

Иногда у моего крючка вертятся рыбки. Некоторые поднимаются к самой поверхности воды и пускают плавником рябь по зеркальной поверхности. Затем они вновь спускаются к крючку, но они мелкие, такими не наешься. Чтобы спугнуть их, я дергаю снасть, и они уходят.

Многие годы я не мог вспомнить ничего другого, что происходило до того, как жизнь переменилась. Путь подростка к месту рыбалки. Отец, собирающий ракушки на отмели. Многие годы я хранил эти скудные воспоминания о том времени. Лишь несколько лет спустя я вернулся на тот полуостров, царство моего детства, прошел по прежним тропинкам, которые не заросли благодаря оленям и косулям, и восстановил шалаш, сложенный когда-то моим отцом. И воспоминания стали возвращаться ко мне.

Должно быть, я тогда заснул на том бараньем лбу. Когда я внезапно проснулся, вокруг было тихо-тихо. Солнце все еще стояло высоко в небе, вряд ли я долго проспал. Помню, я повернулся и увидел, что наверху, у сторожки отца, стоит человек. На нем не было другой одежды, кроме потрепанных кожаных штанов, а тело было покрыто синими полосами. Вдруг он заметил меня. Полуобернулся, крикнул что-то на непонятном языке и побежал ко мне.

Помню, что попытался убежать. Вот я перескакиваю с камня на камень, спускаюсь к полосе прилива, падаю, разбиваю колено, задев морские желуди у воды, вскакиваю на ноги, оглядываюсь – теперь уже за мной гонятся трое, у одного в руках боевой топор. Двое других, полуголые, с рабскими ошейниками, прыгают с камня на камень; один из них воеет как собака. Вот они почти настигли меня, и я бросаюсь в воду. Но они уже рядом, хватают меня за волосы и утягивают под воду.

Должно быть, меня держали под водой, пока я не потерял сознание. Затем оттащили обратно, через мыс, вниз, к отмелям, где уже валялся труп Ульфхама со стрелой в груди. Его потом выкинули в море. Они пошли на южный мыс: впереди – воин с топором, за ним – два раба, тащивших меня.

Отец построил наш дом между прибрежных скал, мне казалось тогда, что он не хуже длинного дома бонда. Кто-то другой, наверное, поставил бы дом с подветренной стороны на мысу, но отец будто бы так и не смог сложить с себя обязанности сторожа. Он все время поглядывал на воды фьорда, ведь по опыту долгой жизни он знал, что враг всегда приходит оттуда. Но не в этот раз. Они напали на него внезапно, появившись из-за деревьев. Старый, потрепанный жизнью воин, одиноко стоявший на мысу, – на такого не стали тратить и одного удара меча.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на боку, а руки связаны сзади. Сначала я увидел тех троих: кто-то снимал вяленую рыбу, которую мы подвесили на сушильни, другой пробовал натянуть отцовский тисовый лук. Я извернулся и только тогда увидел отца. Он сидел прислонившись к стене, со стрелой в груди, и тяжело дышал. На бедре была глубокая рана, еще одна – на предплечье. Трясущиеся руки сложены на коленях. Когда я попытался встать, кто-то натянул веревку у меня на шее.

– На хуторе сказали, ты раньше сражался за ярла Хладира, – прозвучал голос позади меня. Я понял, что говорящий обращается к отцу. – Что ты делаешь здесь, в Вингульмёрке?

Отец не ответил.

– Это твой сын?

Отец поднял голову:

– Он еще молод. Оставьте ему жизнь.

Человек за моей спиной пролаял что-то своим рабам, те подошли и схватили меня за руки. Затем он заговорил с другими своими людьми, по-прежнему на незнакомом мне языке, двое из них опустили на корточки перед моим отцом и подняли его на ноги.

– Торстейн, – сказал отец. – Не смотри.

До сих пор я не видел того, кто говорил с отцом. Но теперь мне приставили к горлу нож, а один из чужаков вышел вперед. Это был высокий мужчина, облаченный в кольчугу, запятнанную кровью. Не вымолвив ни слова, он вытащил из ножен длинный изогнутый нож и вогнал отцу в живот.

Отец не издал ни звука, пока ему вспарывали живот. Только ноги задергались. Потом его отпустили, он рухнул и замер, найдя меня взглядом. Из глаз потекли слезы. Никогда раньше я не видел его слез.

– Сжечь, – велел человек в кольчуге.

Один из рабов зашел в наш дом. Я слышал, как он ворошил в очаге рдеющие угли, мы всегда засыпали их песком, чтобы они не гасли до вечера. Рабы вздернули отца на ноги, он хотел что-то мне сказать, но тут человек в кольчуге запустил руку в рану на животе. Отец застонал от боли, задыхаясь. Воин вытащил что-то, что походило на окровавленный шнур. Мгновение он смотрел на него, а затем пригвоздил ножом к стене.

– Пошел! – рывкнул он. – Пошел!

Отец сделал шаг, остановился, перевел дыхание. Затем шагнул еще раз, отвернувшись от меня, согнулся, и его вырвало. Но воин в кольчуге вновь крикнул, чтобы отец не останавливался, и тогда отец выпрямился и пошел, будто и не чувствовал, что у него из раны вываливаются кишки. Но вот ему под ноги вывалился целый клубок внутренностей, и он упал на одно колено. Вновь перевел взгляд на меня, повалился на бок и затих.

Рабы оттащили его к стене дома. От моего горла убрали нож, и я тут же бросился к отцу, но рабы схватили меня за руки и потащили за собой.

Помню, я обернулся, когда они волокли меня по скалам, и увидел, как над торфяной крышей взметнулись языки пламени. Потом мы углубились в лес. У ручья мы остановились, мне велели напиться, но я отказался.

Меня вели через поля, к хутору. Длинный дом был объят пламенем, вокруг лежали тела мертвых хуторян, а самого бонда повесили на старом дереве во дворе усадьбы, на том, которое должно было хранить семью от бед. Двух его дочек я не видел, а третья, Хильда, сидела на земле, со связанными, как и у меня, руками. Платье у нее было разорвано до самого пояса.

Меня повели в кузню и надели на шею рабский ошейник. Раб с полосами на теле вбил в отверстие для замка раскаленный гвоздь и согнул его щипцами. Помню, как я боялся пошевелиться, чтобы не обжечься о гвоздь. И вот я стоял, привязанный веревкой за рабский ошейник, а Хильду, как меня до этого, заставили встать на колени. В тот день она тоже стала рабыней.

Вечером меня приковали к скамье на корабле. Я и раньше видел большие корабли, а отец часто посылал меня с весточкой на хутор, когда во фьорде появлялся парус. Тогда я стоял на берегу в толпе других детей, дрожа от возбуждения, пока на берег сгружали бочки и шкуры, а торговец с серебряным браслетом на руке стоял у форштевня и расхваливал нам привезенные товары: драгоценный шелк, вино, стеклянные бусы и дамасскую сталь. Иногда он выводил и рабов с запада: мужчин, женщин и детей в рабских ошейниках, а на спинах у них видны были следы кнута и каленого железа.

Теперь я сам был одним из них. Когда меня приковывали к скамье, я взглянул вверх, на мачту, и увидел, что из дерева торчат три сломанные стрелы. Тогда я подумал, что это не обычный корабль, он участвовал в военных походах. Таких я никогда не видел, но мой брат и сыновья бонда рассказывали о них. Раньше я думал, что эти корабли такие большие, что могут легко переломить пополам обычные суда, но этот оказался таким узким, что гребцам приходилось сидеть на поперечных скамьях вместо сундуков, как на кораблях побольше, и осадка у этого была глубокая. Воины с боевыми топорами за поясом принялись загружать на корабль добычу с хутора, а у мачты сидел лысый человек, облаченный в стихарь и рясу, и пристально смотрел на меня. На шее у него болтался небольшой деревянный крест, и я понял, что это монах. К бонду как-то приходил такой, и он даже согласился, чтобы тот макнул его в ручей, но отец, услышав об этом, только головой покачал.

На корабле было еще шесть рабов, все подростки. Меня приковали к цепи, которая соединяла ошейники; к каждому ошейнику было припаяно кольцо, в него продевалась общая цепь, так что никто из нас не мог свободно двигаться – цепь тянула за собой других. Вот на борт

загнали Хильду. Ее посадили между мешками и сундуками, пока воины готовили корабль к отплытию.

Помню, я подумал: должно быть, этот корабль причалил к берегу под покровом темноты. Ведь иначе отец бы его увидел. В сумерках эти люди прокрались в усадьбу, мимо загона для коней и соколятни Лота, на сталь топоров и шлемы пала утренняя роса, затем они рассредоточились между строениями. А потом, словно хищники, ворвались в дома и стали убивать. Должно быть, они не встретили особого сопротивления и управились быстро, ведь на равнине вокруг усадьбы звуки разносятся далеко. Мы бы услышали звон мечей и громкие крики.

И вот на борт поднялся воин в кольчуге. В то время он был молод. Высокий, широкоплечий, он был бы ладным молодцем, если бы не удивительно маленькие свинячьи глазки. Стоя на носу корабля, он оглядел рабов, мешки с зерном и остальную добычу. С довольным видом кивнул сам себе. Вот к нему подошел монах и поднес свой крест к его лбу.

– Да благословит тебя Христос, – сказал он. – И твой меч.

В тот же вечер мы отплыли в открытое море. В ту пору мне было двенадцать лет.

2

Торжище

Все то лето я провел за веслами. Позднее узнал, что молодых рабов часто сажают грести, чтобы понять, насколько они сильны. Странно, пожалуй, что Рос и его люди не зарубили меня, ведь я был младше других мальчишек на борту. К тому же в то время я был тощий, долговязый и неуклюжий, да и в воинских забавах никогда не был силен. Сыновья бонда забавлялись, бегая со мной наперегонки, ведь я всегда приходил последним. Они просили, чтобы я прыгнул через ручей, просто чтобы повеселиться, когда я плюхался в воду. В таких случаях Бьёрн всегда ярился и срывался с места, чтобы задать им жару. Но они убегали, и он тоже не мог их догнать. Отец, бывало, говаривал: у нас в роду мужчины никогда не были быстры. Наша сила в руках.

И именно сила рук спасла меня тогда. Когда я напрягал спину при рывке, я греб почти наравне со взрослыми мужчинами. Я уже знал, что раб может получить свободу, ведь слышал, что двое из людей бонда были вольноотпущенниками. Один из них уплыл с купцами из Ирландии на поиски родичей. Другой, Тау, однажды летом навестил отца, и они весь вечер сидели у воды и разговаривали, а мы с Бьёрном остались у дома и следили за ними издали. На шее у Тау были шрамы – следы рабского ошейника.

Вскоре и у меня появились такие отметины. Ошейник содрал мне кожу в первый же день на веслах, поскольку я еще не вошел в ритм, и железо натирало шею. Передо мной сидел рыжеволосый парень с отрезанным ухом. Он говорил лишь сам с собой, бормотал по-датски. За мной сидел парень чуть старше меня. Если я ломал ритм, он плевал мне в спину.

В то лето я еще мало думал о мести. Помню, что всегда опускал взгляд, когда убийца моего отца проходил мимо. Другие называли его просто Рос, говорили, он юнцом пришел с восточных рек. Когда я изредка осмеливался взглянуть на него, я подмечал что-то восточное в его роже. Скулы были шире, чем у нас, норвежцев, под выпуклым лбом близко сидели маленькие глазки. Я ненавидел его за то, что он сделал. Но еще больше боялся его.

В третью ночь на корабле Рос изнасиловал Хильду. Он повалил ее ударом в живот, так, что она не смогла подняться. Потом он навалился на нее, его меховой плащ закрыл их обоих, торчали только их босые ноги. Все произошло недалеко от моей скамьи. Когда Рос кончил, он встал, держа в кулаке свой голый член, и рассмеялся, глядя на других мужчин. Помню, что меня всего трясло, я тяжело дышал. Хильда замертво лежала среди мешков, но для нее все только начиналось. Все последующие дни и ночи свободные люди пользовались ею, как только у них возникало желание.

Сперва мы поплыли на юг, к Ранрики. Там мы пристали к берегу, и Рос со своими людьми отправился в лес поохотиться. Через несколько дней пути мы приплыли к какой-то усадьбе. Когда мы подплывали к берегу, на шхерах стояли десятки лучников, готовые к битве. Здесь Рос приветствовал хозяина открытой ладонью, а его воины вытащили большой сундук, стоявший между шпангоутами, и спустили с корабля. Торговля шла на берегу, и мы, рабы, глазели на сокровища, которые Рос показывал бонду. В сундуке были золотые цепи, браслеты, жемчуга и винные чарки из цветного стекла. За все это бонд отдал широкий меч, два тисовых лука и кольчугу. Потом он указал на нас, рабов. Хильду вывели на берег. Бонд протянул Росу несколько кусков серебра, и Рос передал Хильду ему.

Позже я узнал, что Хильду ждала ужасная судьба, поскольку ее продали всего лишь в нескольких днях плавания от того места, где жил ее род: ей отрезали язык, чтобы она никому не могла рассказать, где появилась на свет. То же случилось бы и со мной, если бы меня продали тому бонду.

В пятое полнолуние с тех пор, как я оказался на корабле, рыжий датчанин передо мной заболел. Сначала он начал кашлять, потом всю ночь и все утро его трясла лихорадка. Один из воинов Роса пнул его ногой. Сам Рос в то утро был на берегу, у него была женщина в одной усадьбе неподалеку от того мыса, где мы стояли. Я слышал, как мужчины пробормотали, что, если датчанин не оправится, пока не вернулся Рос, его вышвырнут в море. Обессиленный раб на веслах никому не нужен.

Как ни странно, Рос не обратил внимания на датчанина, возвратясь на корабль. Он уселся у мачты и начал вполголоса переговариваться с монахом, но поскольку я сидел не дальше одной сажени от них, то уловил кое-что из сказанного. На хуторе Рос услышал новости о своем брате. Он давно уже пытался разузнать, где тот находится, и боялся, что он уже мертв, но бонд на хуторе сказал, что тот вступил в дружину «претендента на престол». Про престол я ничего не понял, ведь еще до того, как я родился, в Норвегии умер последний конунг. Об этом мне рассказывал отец. Его отец сражался на стороне ярлов Хладира в большой битве на севере и сам рассказывал, как конунг Хакон пал на колени и простер руки к небу в тот миг, когда его насквозь пронзило копьё. И с тех пор ни один конунг не осмеливался бросить вызов ярлам трёндов, сказал отец. Так кто был этот человек, о котором говорил Рос? Его рука потянулась к рукояти меча, взгляд был устремлен в открытое море, а монах вытащил свой деревянный крест и приложил к его лбу. Но Рос грубо отпихнул его и отошел к носу корабля.

В то время такие быстрые корабли, на одном из которых плавал Рос со своими людьми, назывались «карве». Они были легче торговых судов, с плоским дном и без трюма. Вдоль бортов шли железные крюки, на которые воины крепили свои щиты в преддверии битвы или приказа идти на абордаж, ведь надводный борт был слишком низок и не мог служить защитой. Мачта тоже была низковата, зато рея была широкая, ее крепили у верхушки мачты, и на нее надевали парус из плотной шерстяной ткани. Этот парус Рос и его воины хранили как зеницу ока. Они его убирали, когда ветер усиливался, а сходя на берег, всегда ставили кого-то сторожить его. Вскоре я узнал, что такой парус нередко стоил не меньше, чем сам корабль со всеми гребцами. При небрежном обращении он мог порваться, и тогда банду Роса легко могли захватить такие же разбойники, как и они сами, или их недруги. Рос долго и успешно разбойничал в Ранрики, Гёталанде, Сконе, Зеландии и на севере моего родного Вингульмёрка. По другую сторону фьорда он, напротив, остерегался грабить. На западном побережье он лишь вел торговлю, и, хотя люди, скорее всего, понимали, каким образом он добывает свои товары, никто не задавал ему лишних вопросов, ведь в то время подобное случалось нередко. Корабли ярла охраняли путь, по которому суда огибали южную оконечность Норвегии и дальше, на север, к Трёнделагу, но в Вик заходили нечасто. На западном побережье фьорда тянулись Вестфольд и Гренланд, а мой родной фюльки, Вингульмёрк, был на востоке. Эти края ни один конунг не мог долго удержать в своей власти, так что законов здесь не было, а мелкие конунги и вожди набирали в дружину столько воинов, сколько могли прокормить.

Мальчишка-датчанин греб, как мог, но мы все понимали, что долго он не выдержит. Мы взяли курс прямо на Скагеррак и успели отплыть от берега так далеко, что суши уже не было видно, когда датчанин совсем обессилен и отпустил весло. Я дернулся, натягивая цепь, надеясь так расшевелить его, но он не двинулся. Всей своей тяжестью он повис на цепи, так что мой ошейник тянул меня вперед и я сбился с такта.

Рос большую часть дня проводил на носу корабля, где, хмурясь, сидел в обнимку с поху-девшим мехом для вина. Теперь все взгляды обратились к датчанину, и Рос встал. Сначала он отвесил парнишке оплеуху. Тот застонал и расплакался. Рос подержал его ошейник, возможно, он хотел снять запор. Но тот был вбит в кольцо и согнут, без кузнечных орудий ошейник было не отомкнуть. Рос выругался на своем восточном языке, ухватил парнишку за волосы и запрокинул его голову за планшир. Затем вытащил из-за пояса нож и вонзил его глубоко в горло. Датчанин забился, ноги у него задергались, а Рос отпиливал ему голову. Кровь хлынула за

борт, обрызгала скамью и руки Роса и ручейком потекла по швам днища, подбираясь к моим босым ногам. Я обмочился, и запах моей мочи смешался с горячим, соленым запахом свежей крови. Рос подождал, пока парень не затих, и продолжал кромсать плоть. Теперь осталось только перерубить позвоночник. Это было труднее, так что монах протянул Росу меч, но тот крепче ухватился за нож, и вот голова датчанина упала в воду и поплыла лицом вниз. Затем Рос спихнул за борт тело, смыл с рук кровь и вернулся на нос корабля.

Не прошло много времени, как усилился ветер, так что воины спустили парус, накрыли его кожаным покрывалом и сели на весла. На корабле гребли не только мы, рабы. У карве было десять пар весел, так что большинство людей Роса тоже должны были грести. Но теперь мы, рабы, гребли еще усерднее, боясь, что можем разделить участь датчанина, если не покажем, что нас не зря поят и кормят. Помню, я греб так, что на руках потрескались мозоли. Нас все время захлестывало волнами, я натер волдыри, но греб так, будто той ночью за мной гнались все мертвецы из царства Хель. К рассвету руки онемели и распухли, будто приклеившись к веслам. Но вот на востоке над горизонтом взошло солнце, и люди стали указывать вперед и кричать: по носу показалась земля.

Рос стоял у борта и озирал берега и вскоре указал на группу островов. Нам вновь пришлось налечь на весла, и вот уже карве заскользил меж голых скал и шхер.

Отец раньше рассказывал о торжище в Скирингссале, но я не знал еще, что мы направляемся именно туда. Я смотрел на вершущки больших камней, выглядывающие из воды, и пирамидки из камней, в которые были воткнуты длинные палки с плещущимися на ветру потрепанными флажками. Они отмечали безопасный проход к гавани, которая когда-то являлась самым северным городом во владениях Годфреда, короля данов, но теперь была под рукой херсира Скирингссала, установившего свои законы.

Мы шли, держась берега по левому борту, а по правому у нас были острова. Вскоре мы оказались на подветренной стороне, и ветер стих. Места вокруг напоминали мою родину: каменистые холмы, кусты, согнувшиеся под ветром, и заросли можжевельника. По левому борту тянулся кряж, поросший сосняком, но, вглядываясь вглубь берега, я мог различить пышные лиственные деревья. Мы пока шли на хорошей скорости, Росу нравилось лихо заходить в гавань, и он всегда тянул до последнего момента, а потом рывкал, чтобы гребцы начинали табанить. Вот появились первые дома. Они были построены с подветренной стороны от лесистого кряжа и тянулись вдоль северо-западного берега залива. Эти постройки были меньше, чем те, к которым я привык дома, а стены и крыша были сколочены из досок, каких я раньше не видывал.

Должно быть, в ту пору на берегу залива было около сотни домов, но некоторые из них уже стояли заброшенные. Кое-где крыши рухнули под тяжестью снега, и я видел, как люди разбирали стены каких-то построек, ведь доски всегда можно пустить в дело. Как я позже узнал, в то время дни расцвета Скирингссала уже остались позади. Случается, думы вождей обрекают такие поселения на смерть, и тут именно это и происходило. Первыми здесь отстроились даны, в годы правления конунга Годфреда поставив несколько домов, ведь с самого начала предполагалось, что тут будет каупанг, торжище. Предприимчивый купец мог приплыть сюда из Северной Ютландии, расторгнуться и на следующий день с береговым ветром уплыть домой. Появились плавильные печи и кузни с огромными мехами, мастерская, где обрабатывали янтарь, и избенки, где с утра до вечера жужжали прялки. Но по мере того, как власть вождей Западного побережья и Трёнделага росла, даны стали терять интерес к своему форпосту в Вике. Конечно, корабли ярлов не так уж часто показывались в этих водах, в основном плавая на западе, но все же некогда оживленная торговля в Скирингссале начала замирать. Из девяти кузнецов, которые когда-то жили здесь, теперь огонь в горне раздувал только один, и из двенадцати мастеров-корабелов остался один-единственный. Впрочем, в корабелях нужда уменьшилась не только из-за упадка торговли. С годами залив все мельчал, и при низкой воде корабль

мог легко сесть на мель. Говорили, что в этом виноваты подземные жители. Это они поднимали землю, так что вода вытекала из залива.

До того как родился Бьёрн, отец нередко плавал сюда вместе с бондом, и он рассказывал мне о тех удивительных вещах, которые там видел. Он описывал красивые стеклянные бусины, янтарь из Ютландии, украшения из золота и серебра и шелк, который привозили из самого Миклагарда, а еще он однажды увидел здесь раба, у которого была почти черная кожа. Волосы его на ощупь походили на овчину, – рассказывал отец, – а тело и щеки покрывал узор из мелких шрамов.

Рос и его люди причалили к одной из длинных пристаней на сваях, выходящих в залив, и повели нас на берег. Седобородый старик в богатой синей куртке до колен стоял на набережной и приветствовал Роса и команду его корабля. Он ничего не сказал, только протянул руку, показав на набережную, и кашлянул, а затем спрятал ладони за широким кожаным ремнем. Показались несколько мальчишек, они стояли у края пристани. У их ног крутилась маленькая лохматая собачонка, ковыляющая на трех лапах, четвертая безжизненно висела, и собачка поджимала ее к брюху.

Седобородый повел нас по широкой улице, вымощенной досками. Она шла от пристаней к опушке леса. Ветра здесь совсем не было, и в нос нам ударил запах навоза и мочи. Мальчишек разогнали их матери, зато появились несколько мужчин. Был там детина с длинной косматой бородой в потрепанном кожаном фартуке, позже я узнал, что он был бочаром. Еще старый худой янтарщик и кряжистый мужик с раздвоенной бородой и огромными кулаками, и вдобавок несколько исландцев, чей корабль однажды ночью сел на мель во время шторма, и теперь они строили себе новый. Эти и другие следовали за нами в молчании, пока мы не дошли до дощатого помоста, поставленного примерно в центре торжища. Здесь нас, рабов, оставили, закрепив цепи на болтах, а Рос и его люди скрылись в каком-то доме в компании седобородого и прочих.

Улица, по которой мы шли с пристани, была совсем прямой, а поскольку мы сидели выше уровня большинства домов, поселение было видно как на ладони. Дома теснились друг к другу, вокруг валялись кости животных, кучки собачьего дерьма, щепки и прочий мусор. Я слышал визг свиньи, вскоре он оборвался, и видел, как в загоне бегают лошади. Старый янтарщик теперь сидел на скамье недалеко от нашего помоста, он вынес свою работу на улицу. В его руках поблескивало что-то золотистое, и я заметил, что он поглядывает на нас. Вдруг он поднял в руке кусок янтаря и показал нам, рабам, и мне показалось, что солнечный луч на мгновение запутался в этом золотистом комочке. Он улыбнулся нам, сжал руку в кулак, закрепил камень на скамье перед собой и принялся его шлифовать.

За все то время, что мы провели на помосте, ни один из нас не произнес ни звука. Мы не ведали, что нас ожидает, и это пугало, но страх был нашим спутником уже давно. Мы в какой-то мере уже привыкли к нему, как воины, покалеченные в битве, привыкают к своей боли и не упоминают о ней.

Вскоре выяснилось, что исландцы свой корабль уже достроили, оставалось только ссушить несколько снастей и вырезать пару весел, и можно будет отплывать. Но их было слишком мало, чтобы пускаться в плавание по океану. Половина команды утонула, когда они натолкнулись на мель, и теперь они уже пировали в золотых чертогах Ран, так что оставшиеся решили купить рабов вместо утонувших гребцов. Исландцы пришли к помосту большим числом, все девять, и парень с топором за поясом выложил шесть кусков серебра, браслет из грубо кованого золота и несколько стеклянных бусин. Рос рявкнул в ответ, что этого мало, но исландец возразил, что больше у них нет и за эту цену они хотят получить всех рабов. Он, должно быть, чувствовал, что Рос и его люди торопятся.

Рос отказался от сделки и поставил двух своих воинов сторожить нас ночью. В то время год уже клонился к осени, с ночной темнотой задул прохладный ветер с залива. Кое-где в

длинных домах сиял свет очагов, но большая часть была погружена во тьму. За последние годы львиная доля жителей покинула поселение, и еще несколько семей снялись с места той весной. На ущербном диске луны на мгновение вырисовался силуэт ворона, и птица прокаркала два раза.

В утренних сумерках вернулись исландцы, ведя пьяного Роса. Тот что-то невразумительно пробормотал нашим сторожам: как я понял, он столковался о продаже рабов, но жаловался, что исландцы – скряги, и с ними трудно торговаться. Последнее он подчеркнул смачным плевком, а потом заявил, что покупатели могут взять всех, кроме одного. Пусть сами выбирают, кто это будет, ему плевать, пусть отправляются в Хель со всеми рабами. Тут исландцы его отпустили, Рос осел на землю и остался лежать. Исландцы быстро подняли нас на ноги, осмотрели, перемолвились парой слов, а потом один из них подошел ко мне с молотом и зубилом. Мне пришлось опуститься на колени, и они отбили кусок цепи. Потом всех, кроме меня, увели к исландскому кораблю, который стоял у берега между дощатыми причалами.

Я просидел на помосте все утро. Теперь уже никто не приглядывал за мной. Цепь по-прежнему была прикреплена к кольцу на помосте, но вряд ли я смог бы бежать, даже если бы не был прикован. Меня охватило какое-то оцепенение, я словно был между жизнью и смертью. Я очнулся, только когда ко мне приблизилась трехногая собачонка. Совсем небольшая, если бы я стоял, она вряд ли бы достигала мне до колена. Я обратил внимание на ее скрюченную лапу. Похоже, ей подрезали жилу на пясти, там виднелся шрам. Она тщательно облизывала рабский ошейник убитого датчанина, который по-прежнему висел на общей цепи. Никогда раньше не видел такой жалкой собачонки. Под шкурой торчали все ребра, на теле много ран. Отец всегда говорил, что мужчина обязан заботиться о своих животных. А собака – это самое славное и преданное животное. Те, которых я видел раньше – собаки на некоторых торговых кораблях и охотничьи псы бонда, – никогда не голодали и мех у них блестел.

Сидя на помосте, я вдруг увидел, что Рос и его люди уже вернулись на свой корабль. Воины сели за весла, Рос встал на носу, и они уплыли с отливом. Рос, должно быть, решил, что я ему больше не нужен, и меня оставили здесь, вышвырнули как ненужный товар, мешающийся под ногами.

Вскоре за мной пришли двое. Это был двухбородый, встречавший корабль на причале, и еще один, похोдивший на него лицом, наверное, они были братьями. Я трусил за ними меж домов, мы дошли до самого конца вымощенной досками улицы. У дверей одного дома стоял старик, мрачно разглядывавший сосновую палку, очищенную от коры. Двор вокруг него был покрыт щепками. Во дворе было устроено кострище, там пылал огонь, а над ним поставили большую железную миску с кипящей водой.

– Хальвдан, – сказал двухбородый.

Старик повернулся к нам. Он взглянул на меня, тяжело вздохнул и подошел, будто подкатился на своих кривых ногах.

– Поверни-ка его, Рагнар.

Меня поставили спиной к нему. Я почувствовал, как он мнет мне ладони жесткими пальцами.

– Хм, – хмыкнул он. – Молодой парнишка. Придется обойтись этим. Сколько ты заплатил тому мерзавцу?

– Шесть серебряных, – сказал двухбородый.

Старик харкнул и сплюнул, а затем вразвалку направился к дому.

– Давай, заводи его в дом!

Меня повели к дому.

– А что делать с цепью?

– А ты как думаешь? Снимай ее! – донеслось изнутри.

Меня опять заставили опуститься на колени у колоды и срубили цепь с ошейника. Я сразу же почувствовал себя свободным. Мужчины на пару шагов отошли от меня, будто боялись, что я пойду вразнос и начну крушить все вокруг себя, но, когда они увидели, что я стою смиренно, они подошли, ухватили меня с двух сторон и повели в дом. Внутри было тесно, почти как у меня дома. Но отец всегда следил за порядком, и каждый предмет у него лежал на своем месте. А здесь же, куда ни глянь, валялись сломанные заготовки луков, чашки, треснувшие дубовые корыта и связки жил. Земляной пол был покрыт шкурами, на которых давным-давно стерся мех. Стол испачкан сажей, по углам разбросаны начисто обглоданные кости. Старик стоял у бочки в дальнем углу хижины и набирал в рог питье. Братья меня отпустили, а один из них сильно толкнул меня в спину, так что я полетел на пол. Я сел у очага и посмотрел на старика, тот уже отвернулся от бочки и стоял с рогом в руке. Он сделал глоток, почесал в бороде и начал мрачно меня разглядывать. Солнце заглянуло сквозь дверной проем, прочертило полосу на полу и будто разрезало старика на две половины: одна – в полумраке, вторая – на свету. Он выглядел уставшим. Как будто сила его молодости в плечах и предплечьях стекла вниз и скопилась в животе-бочонке и огромных кистях рук.

– Я – Хальвдан Корабел, – сказал он. – Сколько тебе зим?

– Двенадцать, – ответил я.

Хальвдан Корабел почесал бороду и подумал немного:

– Как тебя зовут?

– Торстейн.

– А твоего отца?

– Тормуд.

– Но его здесь нет. – Старик произнес эти слова чуть ли не скорбно и покачал головой.

– Отец погиб, – сказал я. – Тот человек на корабле, Рос, убил его.

От меня потребовалось все мое мужество, чтобы произнести это, глядя в глаза старику.

Он кивнул и взял с полки на стене толстый прут. Я сразу же увидел, что это тис, так как дерево было двухцветным: с внешней стороны светлым, ближе к сердцевине – темным.

Он протянул мне прут:

– Ты когда-нибудь делал лук?

– Да. Много раз.

– Так пойдем на улицу, Торстейн Тормудсон. Я покажу тебе, как вырезать такой тугой лук, чтобы можно было стрелой пробить кольчугу.

Я не лгал Хальвдану, я уже смастерил много луков, несколько из них из тиса, дерева богов, на нашем полуострове он рос на каждом шагу. Этому научил нас с Бьёрном отец. Именно поэтому мне не понравилось, что другой человек будет мне показывать, как это делается. Мне казалось, что отец стоит за моим плечом и с неодобрением качает седой головой. Хальвдан Корабел сел на скамеечку и зажал меж колен тисовый прут. Он не строгал его, как я, но легко водил ножом по древесине, отделяя стружки тонкие как волосок. За работой он рассказал мне, что к нему все реже приходили за корабельными досками и поэтому он занялся луками. На хорошие луки по-прежнему находились покупатели.

Показав мне, как скоблить дерево, он позволил мне попробовать самому. К тому времени я вспомнил, что отец однажды показывал мне такой способ, и сидел он тогда точно так же. Но я совсем позабыл о нем, потому что это занимало много времени, а я всегда был нетерпелив и хотел смастерить лук за один день.

Совсем не так работал старый корабел. Тот прут, над которым я трудился тем утром, лежал на просушке с прошлого лета, и мне пришлось возиться с ним три дня, пока Хальвдан не был доволен работой. Затем нужно было ссучить струну из конского волоса и натереть ее пчелиным воском, и мне пришлось отправиться в лес на поиски рощи, где росли прямые ветви, ибо Хальвдан Корабел брал заготовки для стрел только оттуда. Затем надо было прилаживать

перья и наконечники, и только тогда наконец мне позволили испробовать лук на полное натяжение. Только тогда старик кивнул с довольным видом.

К вечеру на двор явились двое мужчин, приведших меня с торжища. Они несли в корзине свежешвыловленную треску и запекли рыбу над очагом во дворе. К тому времени я не ел уже почти два дня, так что от вкусного запаха у меня забурчало в животе. Мужчины разделили рыбу на куски и насадили их на прутья, а старик Хальвдан пододвинул скамью ближе к очагу и сидел, глядя на пламя.

– Не позволяй мальчишке слишком долго сидеть с этим луком, – сказал Рагнар.

Старик пробормотал, что у него и яшень есть, нет числа всем сортам древесины, что он напилил и высушил. Тут он сплюнул на землю, усыпанную щепками, и прокашлялся.

Мне разрешили сесть за один стол с ними и разделить их трапезу. Стол стоял прямо во дворе. Солнце медленно садилось за верхушки деревьев, двое мужчин уплетали куски рыбы, а в фигуре старика появилось что-то скорбное. Он бросил взгляд на море, повел сутулыми плечами и вытер нос. Затем его взгляд вновь упал на деревья, прибрежный ветер сорвал с них несколько листьев, и они закружились над крышами.

– Парень, – сказал он. – Не злись. У всех своя судьба.

– Норны, – вставил Рагнар.

– Да, – кивнул старик. – Твой отец рассказывал тебе о норнах, парень?

– Да, – ответил я.

– Тогда ты знаешь, что норны прядут нить для каждого человека. – Хальвдан соединил большой и указательный пальцы, словно держал нить. – У некоторых на нити узелки, некоторые ровные, будто спрядены из тончайшего шелка. А потом... – он показал пальцами движение, будто режет ножницами, – ... они ее обрезают.

Хотя мне тогда было всего двенадцать, я понимал, что он хочет мне сказать. Я опустил взгляд на свой кусок рыбы, в надежде, что он замолчит. Это была угроза. Если я попытаюсь бежать, меня убьют.

– В мире три рода людей, Торстейн. Ярлы, свободные люди и рабы. Все мы потомки Хеймдалля, родоначальника всех родов, племен и народов на земле. Как ты думаешь, Торстейн, что ты за человек?

– Он вовсе не человек, – хмыкнул второй мужчина. Его звали Стейнаром, но тогда я этого еще не знал. – Он всего лишь мальчишка.

– Нет, он уже человек. Мужчина, – возразил Хальвдан.

Тут я вновь заметил трехногую собачонку. Пока мужчины разговаривали, она приковыляла с улицы ко двору Хальвдана, но не осмеливалась подойти к столу.

– Снова она, – сказал Рагнар. – Не надо ей ничего давать. Сама уйдет.

И тут на меня что-то накатило. В первый раз с тех пор, как я стал рабом, я почувствовал, что страх, поселившийся во мне, отступил. В руке я держал исходящий паром кусок рыбы и чувствовал на себе взгляды мужчин. У Рагнара в глазах появилось раздражение, он сжал кулаки. Но я ответил ему прямым взглядом, и кусок из моей руки шлепнулся на щепки, прямо перед мордой маленькой трехногой собачонки. Та немедленно ухватила рыбу и улепетнула.

Рагнар перегнулся через стол и ухватил меня за предплечье, но старик положил ладонь на его кулак и покачал головой. Тогда Рагнар разжал руку, поднялся и ушел прочь.

После трапезы двое мужчин ушли, а Хальвдан забрался в свою хижину. Сквозь открытую дверь я видел, как он сидит за столом с кружкой в руке. В первый раз с тех пор, как мою шею обхватил рабский ошейник, мне представилась возможность бежать. Никто не сторожил меня, и я мог бы убежать в лес на расстояние нескольких полетов стрелы, прежде чем старик бы успел выбраться из хижины и поднять тревогу. Я сделал несколько шагов к опушке леса, зная, что там, в тенях, меня ждет свобода. Но бежать я так и не осмелился.

– Мудрое решение, – сказал Хальвдан, когда я зашел в хижину. – Тебя бы нашли еще до зари.

Он сделал большой глоток из своей кружки. Так он просидел до позднего вечера, пока кружка не выпала у него из руки, а голова не свесилась на грудь.

Я провел ночь на шкуре у очага. Похоже, старик устроил там место для ночлега, но сам он спал на лежанке у стены, она была застелена одеялами, резко пахнувшими потом. Наверное, он бы лег там, подумал я, если бы не захрапел прямо за столом.

В ту ночь мне снился брат. Он стоял на носу корабля. Его темные длинные волосы падали ему на спину. Взгляд был устремлен вперед, и тут я будто бы вселился в его тело и смотрел его глазами. Над горизонтом расплзалась полоса тьмы, она все ширилась и превратилась в тысячи боевых кораблей.

Я проснулся на рассвете. Поднялся и вышел во двор. Оттуда был виден залив и корабль, идущий прочь от гавани. Это были исландцы. У них на борту оказались мальчишки, гнувшие спину на веслах вместе со мной. Мне не суждено было больше увидеться с ними, и я так и не узнал об их судьбе.

3

Предсказание

Отец никогда не рассказывал много о своем прошлом. Но мы с братом понимали, что на его долю выпало много горя. Сыновья бонда говорили, что он был воином, разъезжал и убивал людей по приказу ярла Хладира из Трёнделага, об этом рассказывал им их отец, но и он был немногословен, когда речь заходила о таком. Мне всегда думалось, что они оба участвовали в походах викингов, так как отец иногда отправлялся в усадьбу, и они с бондом сидели за длинным столом, мрачно поглядывая в свои пивные кружки, и толковали о прошлых временах, а сыновьям, женщинам и слугам в это время было велено держаться подальше. Я чувал, что эти двое заключили своего рода соглашение; меня и Бьёрна нередко отправляли в усадьбу за мешком зерна, репы или даже за кринкой меда – бонд о нас не забывал, мы не голодали. Но должен ли отец взамен вести наблюдение за фьордом или это была своего рода плата за то, чтобы отец держался подальше от усадьбы, я так и не выяснил. Говаривали и то и другое. Об отце вообще ходило много слухов, но сам он хранил молчание. Мы узнали, что мать умерла, рожая меня, она была красивой женщиной, и скорбь по ней чуть не убила отца. В последние дни ее терзала лихорадка, и я сам чуть было не заразился и не последовал за ней. Когда отец говорил об этом, он всегда держал меня за руку, смотрел в глаза и добавлял: не смей только думать, что ты в чем-то виноват. Норны прядут нити жизни и мужчинам, и женщинам – мы не можем ничего изменить.

О своей жизни до нашего рождения он, как уже сказано, почти ничего не поведал. Но мы ведь видели шрам на его спине, полосу шириной в ладонь прямо под лопаткой. Брат считал, что этот шрам похож на отметину от датской секиры. Ничем другим это быть не могло, он же сам видел человека с похожим шрамом, воина на борту одного из длинных кораблей, приставших однажды к усадьбе. «Именно так и случается, – уверял Бьёрн, – когда человек, облаченный в кольчугу, получает сильный удар секирой. Лезвие не всегда прорубает броню насквозь, вместо этого кольца сгибаются под ударом и впечатываются в тело».

Отцу не нравились подобные разговоры, и ему не нравились наши настойчивые просьбы научить нас управляться с топором и щитом. «Сейчас время мира», – отвечал он. Но сам не мог избавиться от привычки бросать настороженные взгляды на фьорд. Иногда мне начинало казаться, что он выглядывает вовсе не врагов, а родичей. В глубине души я лелеял надежду, что мать на самом деле не умерла при родах, что она, по каким-то непонятным нам причинам, отправилась в путь на запад, и именно поэтому отец всегда смотрит на море.

Теперь пришла моя очередь выглядывать кого-то во фьорде. Уже в первый день после того, как Хальвдан Корабел купил меня, он обмолвился: большая редкость, когда рабов захватывают прямо в Вике, и еще более необычно, что меня продали недалеко от того места, где я вырос. Но если у отца и были родичи, я о них не слыхал, я был последним в роду, не считая брата. И раз уж здесь, на материке, у меня родичей не было, никому и дела нет до того, что я живу рабом на другом берегу фьорда. Никому, кроме Бьёрна. Он был старше меня на пять лет: я сосчитал, что, раз день моего рождения приходится на девятый месяц, мне уже исполнилось тринадцать. Значит, Бьёрну восемнадцать. Должно быть, он возмужал, стал сильным, и, если он только вернется домой, он вскоре узнает, что наш дом сожгли, а усадьбу бонда разорили. Он будет копать золу и наткнется на отцовские кости, но не найдет моих следов. Так что он примется разыскивать меня. Он будет расспрашивать повсюду, не знает ли кто-нибудь, куда девался тот, кто напал на нас. И, может быть, он наконец приплывет сюда, к торжищу, на боевом корабле, он сойдет на берег, будет ходить по улицам, смотреть меж домов. И вот он находит меня. Голубые глаза блестят, в них читается и радость, и гнев. Радость из-за того, что нашел

меня. Гнев – при виде рабского ошейника у меня на шее. Вот он быстрыми шагами подходит ко мне, выхватывает из ножен сверкающий на солнце широкий меч. Он рычит на старика, как волк Одина, и обнимает меня так, как может обнять только старший брат. И тут я понимаю, что я наконец-то в безопасности. И вот мы уходим прочь по дощатой улице. Он обнимает меня за плечи, мы проходим мимо мастера янтарщика, тот склонился над своей скамьей и боится поднять глаза. А потом мы восходим на его корабль и уплываем.

Я часто представлял себе это. Когда я стоял и снимал стружку с заготовок для лука, я уплывал в мечты. Я добавлял слова, которые он бы мне шептал по дороге, представлял ряд разноцветных щитов по борту корабля – у него будет двадцать пар весел! Там, на борту, нет рабов, все, как и мой брат, свободные люди, они улыбаются в бороды, и все похожи на отца, каким он мог выглядеть, когда был молодым.

При виде меня, погруженного в мечты, Хальвдан Корабел качал головой.

– Мир – это жестокое место, – говаривал он. – Все не так, как в сагах, парень. Вовсе нет.

В то время я начал понимать, что жители Скирингсала вовсе не считали ярла Хладира мудрым и справедливым правителем. Мне это казалось удивительным, ведь отец всегда вспоминал о нем с теплотой. Он называл его просто Хакон, будто близко знал его, и говорил, что именно благодаря ему в нашей стране воцарился мир. Конечно, Хакон-ярла мало заботило то, что происходило в Вике, но он с уважением относился к решениям, принятым на тинге, и не слишком притеснял людей податями. В то время я мало чего понимал во всем этом, но был уверен, что и бонд, и отец считали Хакон-ярла хорошим человеком.

Поэтому я удивился, когда Рагнар Двухбородый однажды пришел к нам на двор: взгляд его был мрачен, руки сжаты в кулаки. Хальвдан сидел на стволе сосны, которую мы накануне срубили, и наливался пивом. Рагнар тяжело опустился рядом с ним и начал вполголоса рассказывать, что утром в гавань зашел кнорр, люди на нем пришли с запада и слышали вести из Халоголанда. Один могущественный бонд, звали его Харек, отказался платить налоги, и говорили, что Хакон-ярл велел в отместку разорить его усадьбу. Ни одного мужчину не оставили в живых. Женщин изнасиловали прямо в крови их мужей, а затем продали в рабство за море, на запад.

Хальвдан, услышав это, только головой покачал. Мне он потом сказал, что о ярле всегда распускают много слухов: историй о его жадности к женщинам и золоту немало, и, пожалуй, какая-то истина в них есть, но, переходя из уст в уста, эти истории множатся и обрастают новыми подробностями. Правда, теперь таких историй становится подозрительно много. Если ярл действительно начал брать чужих женщин, он вскоре обратит против себя могущественных людей.

В тот день я был занят, обтесывал доску, но теперь опустил топор, чтобы лучше слышать, о чем они говорят. Тут к нам на двор приковылял давнишний трехногий пес, и я, сев на корточки, стал подзывать его. Я каждый день понемногу подкармливал его из своей доли, и это, наверное, поддерживало в нем жизнь. Янтарщик дал мне кое-какие травы, их я засунул в кусок сала и скормил псу, эти травы должны были помочь тощему песьему животу избавиться от червей. Я и сам пожевал эти травы, но, к счастью, не увидел ни червей, ни яиц в своих испражнениях. У Хальвдана-то они водились, я видел, как они шевелятся в отхожей яме после того, как он там побывал.

Той осенью мы слышали и другие истории о Хакон-ярле. Вряд ли кто-то на торжище точно знал, правдивы они или нет, но в любом случае ярл и его сыновья стали пользоваться дурной славой по обе стороны Вика. Это обеспокоило Харальда Рыжего, херсира и хёвдинга Скирингсала. Он мало что мог противопоставить могущественному ярлу из рода Хладирских правителей и его сыновьям, а если он покажет, что не может защищать свой город, люди начнут говорить, что он и херсиром быть недостоин. Он ведь тоже собирал подати, правда, не столь уж

большие, но ведь люди платили ему именно за то, чтобы его дружина держала наготове свои мечи и копья на случай, если в гавань войдут грабители.

Я был рабом Хальвдана вот уже три месяца, год клонился к зиме. Утром, пока старик лежал на шкурах и заходилась кашлем, я обычно шел к деревьям. Там я отливал, а затем стоял и смотрел на просветы за стволами. Больше всего в те мгновения мне хотелось забрать несколько стрел, лук моей работы и убежать. Но я знал, что за мной отрядят верховую погоню, и тогда мне либо придется сдаться и принять клеймо, либо сражаться за свою свободу. Я уже неплохо стрелял, но смогу ли я убить человека? Отец говорил, что это не так легко, как думают некоторые. Так что я просто стоял и смотрел в лес, в просвет между могучими стволами дубов и ясеней, пока запах моей мочи выветривался, а утренний туман ковром лежал на мху, зарослях папоротника и пнях срубленных деревьев.

Хальвдан начал делать маленькую шнеку – легкое узкое судно с двумя парами весел, на борту было место для двух-трех человек, нескольких бочек с водой и кое-какого припаса. Он строил судно на дворе у своей хижины и пока подогнал только доски днища. Но у этого кораблика уже был форштевень, соединенный с килевой доской, а под самим килем были подложены деревянные катки из дуба. Хальвдан обмолвился, что строит судно для своих сыновей, и, когда они вернутся с западного пути, все уже будет готово. Если в бухте их будет ждать этот кораблик, им не нужно даже скидывать вещевые мешки. Они спустят шнеку на воду и тут же уплывут, а Хальвдан отправится вместе с ними.

Мне пока не разрешали работать над шнекой Хальвдана. Ему помогали Рагнар Двухбродый и его брат, Стейнар. Вместо этого мне велели валить деревья, обтесывать доски и искать дерево, пригодное для луков. В полудне пути от дома была тисовая роща, и Хальвдан часто отправлял меня к ней. Он будто бы совсем не боялся, что я решу сбежать. Но лошади мне не давали, мне приходилось носить вырубленные шесты на плече. На следующий день я всегда расщеплял их при помощи клиньев, а затем складывал на полки в хижине, чтобы они сохли до будущей весны.

Хальвдан ввел такой обычай, что из тиса делался только один лук из четырех. Он считал, что щепки этой древесины могут испортить легкие, именно так он заполучил свой надрывный кашель. Так что я в основном работал с ясенем, сосной и горным вязом. Тогда я и не подозревал, что учусь ремеслу, которое потом пригодится мне в жизни, но в ту осень я понял, что мне нравится работать с деревом. Хотя я и был рабом и по-прежнему чувствовал тяжесть рабского ошейника у себя на шее, я нередко забывал о времени, забывал, где я нахожусь, работая с деревом. Когда делаешь лук, надо следовать вдоль жилок дерева. Надо видеть, как линии изгибаются вокруг сучков, понимать, с какой стороны на дерево дул ветер и где напряжение древесины сильнее всего. В суровые годы дерево становится сильным, на таком прожилки идут ближе друг к другу, а в изгибе кроется больше силы. А если дерево к тому же выросло на скудной почве или пробилось из расщелины скалы, то в твоих руках может родиться лук, которым не погнушается и великий воин. С помощью такого лука можно пробить кольчугу и щит, а если у владельца меткий глаз и твердая рука, он и конунга убьет, одним выстрелом одержав победу в битве. Но в луке не будет нужной крепости, если у мастера, его сделавшего, нет любви к своему ремеслу и к куску дерева, что он держит в своих руках. Хальвдан говорил мне об этом в один из первых вечеров, заплетающимся языком, допивая третью кружку пива. Тем вечером я не понял, о чем он говорит. Прошло несколько недель, прежде чем я поймал себя на том, что стою и разглядываю свой первый боевой лук, и только тогда я испытал то чувство, о котором он говорил. Этот лук – не чета тем, что я торопливо выстругивал дома, на полуострове, тем, которыми забавлялись мы с братом. Этот лук был оружием, и, когда я взял его и попробовал натянуть тетиву, мне почудилось, что я держу в руке живое существо. Скоро его продадут внизу, у пристаней, и он уйдет в море. Возможно, он станет верным спутником своему хозяину, может, доплывет прямо до Ютландии; я представлял, как воин стоит на страже на

гребне Даневирки, могучего укрепления, пересекающего всю страну, и пускает стрелы в диких франков. А может, он уплывет по западному пути, к лесам в Англии. Так и я, раб корабела в Скирингссале, тоже некоторым образом побываю там.

Хотя я той осенью вырезал много луков, Хальвдан и впрямь был корабелом. Старик будто потерял интерес ко всему, кроме своей шнеки, так что товар на продажу пришлось делать мне. Кроме луков и стрел, я мастерил щиты, их Хальвдан обивал по кромке оленьей кожей. Также я вырубал шпангоуты и тесал корабельные доски. Сперва я начал мастерить маленькие лодки, которые даже конопатить не надо было. Эти делались не для плавания, а для похорон. Ведь я сам видел, что в числе ремесленников на торжище много стариков, и Хальвдан говаривал, что в эти дни, когда люди покидают торжище, их лодки чаще опускают под землю, а не на воду. Затем он начинал жаловаться, что сыновья его покинули и он остался одиноким в старости. Однажды он, напившись так, что потерял остатки ума, спросил меня, могу ли я представить себе, как ужасно жить вот так, не имея рядом никого из родни. Я ему не ответил.

Когда старик не был занят своим судном, он часто пропадал в лесу. Там он сложил себе хижину. То были просто стены из палок с крышей из коры, но внутри он поставил несколько бочек, в которых бродило пиво. Он нередко говорил, что продаст напиток хёвдингу и другим богачам, но я никогда не видел, чтобы он продал хотя бы одну бочку. Думаю, он сам выпивал всё до последней капли.

Я возился со своей четвертой погребальной лодкой, когда Хальвдану стало хуже. Первый снег лег на землю, помню, Хальвдан выдал мне кожаную куртку, пропитанную пчелиным воском, вязаные шерстяные носки и пару старых башмаков. Тем утром я встал рано, ведь дни стали короткими, а я хотел успеть сшить борта до темноты. Но Хальвдан не вышел во двор. Он остался на своей лежанке, и я слышал, как он заходился кашлем.

Вскоре пришли Рагнар Двухбородый и Стейнар. Они услышали, как старик харкает, и обменялись тревожными взглядами, а затем вошли в хижину. Они недолго там пробыли, а затем с мрачным видом направились к шнеке. Рагнар провел рукой по форштевню. Оставалось еще много работы, борта еще не были обшиты. Мне казалось, что судно походило на огромного зверя, который околел лежа на спине, а потом вся плоть его истлела, так что на земле остался только позвоночник.

В тот день они не обмолвились со мной ни словом. Они потихоньку обтесывали топором доски, повозились с коловоротом, а потом Рагнар вновь зашел к старику. Выйдя из дома, он прищурившись посмотрел на залив, на заходящее солнце, а затем махнул брату, и они ушли.

Тем вечером я долго стоял во дворе. Залив уже подернулся льдом. Теперь торговля прекратится до весны, ведь когда станет лед, кораблям в гавань уже не войти. Большинство торговцев уже уехали, на зиму остались только старики ремесленники. Их судьба была схожа с судьбой Хальвдана: сыновья отправились по западному пути, а старикам было некуда податься.

Меня охватило беспокойство, и я стоял во дворе до тех пор, пока последние лучи солнца не потонули в воде, а на торжище не спустилась мгла. Когда я зашел в дом, Хальвдан сидел за столом, надрывно кашляя. В промежутках между приступами его трясло. Мне было велено взять кочергу и сунуть ее в его кружку с пивом, он был уверен, что такое средство помогает от всяких болезней.

Колченогий пес уже улегся на мою шкуру у очага. Я назвал его Фенриром, в честь огромного волка, отгрызшего руку отважному Тюру. Эту историю отец нередко рассказывал нам с Бьёрном, когда мы были детьми. Услышав это имя, Хальвдан расхохотался, ему казалось, что с моей стороны было глупо делиться едой с псом, которого следовало бы убить из жалости. Но я видел, как он гладил Фенрира, когда ему казалось, что я не вижу, а теперь, когда на улице стало холодно, он позволил псу спать у нас в доме.

Тем вечером Фенрир заснул, прижавшись теплым боком к моему животу. Иногда во сне он дрыгал лапами, и его покалеченная лапа тоже дергалась. Когда-то отец поведал мне о

том, что значит «сердце воина». Быть бесстрашным недостаточно, в сердце воина должно быть место и доброте. Без нее он – не воин, а чудовище, наподобие тех, с которыми сражались сыновья Одина. Отец тогда указал на небо, был вечер, южный ветер шелестел листьями деревьев, а над прибрежными камнями поднимались брызги прибоя. Над фьордом собирались темные тучи, и вдруг мы увидели молнию, ломаное копьё, ударившее во фьорд. «Это Тор, – сказал отец. – Тор опять вышел на бой. Он охотится на чудовищ, мужей без доброты в сердце. Вождь, свободный человек или раб – ему все равно. Мужи, не ведающие доброты, – кем бы они ни были – к ним Тор не знает пощады. Он разит их своим могучим молотом Мьёлльниром».

Той ночью я заснул у очага, и сон перенес меня в Асгард. Я бродил с отцом по березовой роще в облаке весенней листвы. У опушки рощи перед нами раскрылся широкий вид, мы оказались на гребне холма. Отсюда мы видели Гладсхейм, чертоги самого Одина. Между нами и кольцом крепостных стен расстилалась долина, но нам были видны золотые шпили и блики солнца, отражавшиеся от шлемов и щитов стражей крепости. «Теперь это мой дом», – сказал отец. Тут я повернулся, услышав прямо за собой громкий стук, и подумал, что это, должно быть, враги Одина и его сыновей, они пришли разрушить стены Гладсхейма.

Я вздрогнул и проснулся. Казалось, что сон продолжался. Хальвдан застонал на своей лежанке:

– Раб, пойди посмотри, кто там явился. Я болен.

В двери у нас была щель, и я сначала глянул в нее. У дома стоял человек, держа узду лошади. Я видел его раньше, это был Свейн, один из сыновей хёвдинга, так что я отворил перед ним дверь. Свейн был высоким, широкоплечим парнем с кудрявой золотисто-рыжей бородой. За поясом у него был меч, я заметил, что из-под синего шерстяного плаща выглядывают ножны.

– Торстейн, – сказал он. – Так тебя называют?

Я кивнул.

– Что Хальвдан, он дома?

Я вновь кивнул.

– Подойди-ка, раб. Подержи мою лошадь.

Я повиновался. Свейн откинул капюшон и зашел.

Я остался стоять во дворе. Двое в хижине тихо переговаривались, но кое-что я все же услышал. Они говорили о хёвдинге, похоже, с ним что-то случилось. Я побоялся подобраться поближе, это касалось взрослых свободных мужей. Иногда Хальвдан заходилась кашлем. Кашель усилился, казалось, он свил гнездо в его груди.

Через некоторое время Свейн вышел. Он прикрыл дверь, покосившуюся от непогоды, и тяжело вздохнул. Затем подошел к своему коню, вытащил из седельной сумки небольшую палку, конец которой был обернут берестой и пропитан смолой.

– Пойди сунь его в угли, – сказал он, протягивая мне ее.

Я повиновался, раздул угли в очаге и ткнул в них факелом. Тот мгновенно загорелся.

Когда я вышел, Свейн уже сидел в седле.

– Беги вперед, раб. Посвети мне.

Снег еще был неглубоким, не выше ладони, так что я легко побежал по скованной морозом земле. Я боялся остановиться, чувствуя, что дело спешное. Свейн держался прямо за мной и время от времени окликал меня, чтобы я был внимательнее – то ветка торчала слишком низко, то под ногами оказывалась кочка или рытвина, будто я сам этого не видел. Теперь уже я хорошо знал этот лес, а тропинкой ко двору хёвдинга ходил много раз. Но мне по-прежнему было невдомёк, что это за спешка посреди ночи.

Когда мы добрались до пашен у усадьбы, нас встретили братья Свейна. Они стояли с горящими факелами и быстро провели нас мимо конюшни и свинарника во двор, к палатам, где, как я знал, проживал Харальд Рыжий. По дороге Свейн сообщил братьям, что Корабел заболел и послал вместо себя раба.

Дом хёвдинга возвышался прямо посередине двора. У двери сторожили двое с факелами. Дом терялся в темноте, но я уже бывал здесь и помнил, какое впечатление произвели на меня просторные палаты – таких огромных я никогда не видывал. Крыша была похожа на корпус огромного корабля, перевернутого и водруженного на стены из досок. Опорой для стен служили несколько толстых столбов, они чем-то напоминали весла, поднятые из воды и вкопанные в землю.

Я узнал сторожей у входа. Один из них был Кальв, тоже сын хёвдинга. Второй – человек с очень странным говором. Когда-то он был рабом хёвдинга, но тот освободил его много лет назад. Поэтому я всегда считал Харальда Рыжего хорошим человеком.

Внутри было тепло и пахло дымом костра. Земляной пол был хорошо утоптан и сух, к балкам, подпиравшим крышу, крепились факелы. Вдоль стен шли скамьи, такие широкие, что на них можно было спать головой к стене и ногами к очагу, представлявшему собой продолговатую яму, заполненную горящими углями, вокруг которой лежали горшки и вертела. Харальд Рыжий сидел на почетном месте по другую сторону от очага, облаченный в синий плащ и верхнюю туннику, вышитую золотом, он смотрел на горящие угли и едва обратил на нас внимание.

Людей здесь было немного. Несколько мужчин сидели на скамьях, мрачно уставившись перед собой. В глубине зала, в сумраке, стояли три женщины, тихонько переговариваясь. Сыновья хёвдинга провели меня вдоль очага и оставили стоять перед вождем. Харальд Рыжий поднял глаза, посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на сыновей.

– Где Хальвдан? – спросил он.

Свейн подошел к нему и положил ладонь на руку отца.

– Он болен, отец. Он прислал вместо себя раба.

Харальд вновь взглянул на меня. Он был уже немолод: косматая седая борода, мешки под глазами, но плечи и руки по-прежнему налиты силой. Он ткнул в меня рукой, испещренной шрамами.

– Тебя зовут Торстейн, так?

– Да, – ответил я, – Торстейн.

– Хальвдан хорошо отзывался о тебе.

Я не ответил. Слышать такое было странно. Хальвдан не был щедр на добрые слова, но я и не ожидал их, ведь я носил рабский ошейник.

– Ты видишь этого человека? – Харальд указал в глубину зала, и со скамьи у стены поднялся мужчина, выступил из сумрака и встал под свет факела. Он был худ, с длинными руками и ногами, с раскрашенным лицом, облаченный в плащ из волчьей шкуры. Я тут же его узнал. Он приплыл на торговом корабле несколько недель назад и привлек всеобщее внимание на торжище. Но люди сбегались со всех концов поселения не только для того, чтобы глянуть на его раскрашенное лицо. Он нес посох с вырезанными на нем рунами и утверждал, что он – знающий руны, ведун. Услышав это, Хальвдан закрыл глаза и заявил, что не выйдет за порог, пока чужак не исчезнет из торжища. Но долго ждать ему не пришлось. Ведун не собирался прорицать простым людям. Его занимали короли и вожди. В крайнем случае он мог снизить до херсира Скирингссала. Так что он отправился к хёвдингу, и с тех пор мы его не видели.

Харальд Рыжий взмахом руки подозвал к себе разрисованного чужака. Тот взял со скамьи свой посох и подошел ближе. Сыновья отступили, будто опасаясь ведуна.

– Знающий руны, – сказал Харальд, – Расскажи этому мальчишке о моем сне.

Ведун обратил ко мне свое раскрашенное лицо. Когда он сходил на берег, я не смог подобраться достаточно близко, чтобы как следует разглядеть рисунки на его коже, но теперь его худое лицо освещали факелы и огонь очага. Он сделал шаг ко мне и уставился своими большими глазами; во взгляде читалось безумие, губа отвисла, так что стали видны передние зубы внизу. Так он замер, не издавая ни звука, и я увидел, что Хальвдан говорил правду: люди ошибаются, называя ведуна раскрашенным. Ведь краску можно стереть. Эти же знаки будто

вырезаны на его лице. И то были вовсе не бессмысленные линии, а руны. Отец обучал меня им, но я позабыл почти все, кроме тех, что составляли мое имя. Теперь же я видел весь футарк, вырезанный на лице прорицателя.

– Харальд Рыжий, херсир Скирингссала, заснул этим вечером и увидел... – ведун полу-обернулся к старому вождю, а затем опять уставился на меня, – дракона...

Он протянул руку к входу в зал, обращенному к заливу:

– Он плывет из океана. Из глотки вырывается пламя. Когти крушат дома и палаты. Харальд Рыжий берет за меч. Он сражается. И погибает.

– Я попросил, чтобы ведун раскинул руны. – Харальд положил ладонь на рукоять меча. – Я хотел узнать, был ли сон вещим.

Ведун засунул руку в мешочек на поясе, вытащил горсть камешков и показал их мне. На каждом из них была высечена руна.

– Руны – это дар Одина нам, людям, – сказал Харальд. – Он обрел их, повешенный на Иггдрасиле. Спустившись с Мирового ясеня, он сразу же высек их и передал знание о них трем родам Хеймдалля.

– Руны поведали мне, что сон вещий. – Ведун высыпал руны обратно в мешочек и отвел взгляд. – Дракон грядет. Харальд Рыжий будет сражаться и падет в битве.

Одна из женщин, прячущихся в сумраке, залилась слезами. Свейн подошел к ней и обнял.

– Я не понимаю, – сказал я. – Почему вы рассказываете это мне? Я ведь всего лишь...

Я хотел сказать «мальчик», но Харальд опередил меня:

– Раб? Это верно. Поэтому я призвал Хальвдана Корабела. Я хотел поведать свое дело ему, но раз уж он сам не смог явиться... Время не ждет. Надо начинать немедленно. Ведун сказал, что дракон уже приближается.

– Но... Я-то что могу с этим поделать? Я ведь не воин.

Когда я произнес это, ведун поднял глаза. Он так пристально на меня уставился, что мне показалось, будто глаза у него вот-вот выскочат из глазниц, но он лишь отступил в тень.

– Мне не нужно оружие в твоих руках, парень. – Губы Харальда искривились в усмешке, а сыновья его стали пересмеиваться. – Я хочу, чтобы ты вернулся домой и сказал Хальвдану: я велю ему доделать шнеку, которую он сейчас мастерит. Я надеялся, что корабль для моего последнего пути будет побольше. Но вряд ли у нас есть время строить новый.

– Куда же лежит твой путь? – спросил я.

– В Асгард. Шнека будет моим погребальным судном.

Я склонил голову. Хальвдану не понравится такая весть. У него были свои планы на эту лодку.

– Иди же, мальчик. И попроси хозяина не прикладываться к пиву так часто. Я не хочу, чтобы у моего корабля были кривые борта.

Я повернулся и пошел к выходу. За моей спиной сыновья хёвдинга подсаживались к очагу. Наверное, они сейчас будут обсуждать свои серьезные взрослые дела. Но дракон? Что бы это значило?

Я притворил за собой дверь и оказался в одиночестве, объятый зимней ночью. Над двором хёвдинга сияли звезды. Это костры, которые зажигают наши мертвые родичи, чтобы мы их не забывали. Так рассказывал мне отец. Теперь и он ушел туда, наверх. Может, и он каждую ночь разводил там костер, чтобы мы с Бьёрном его не забывали? Я никогда не забуду его. Каждый день я чувствую, что он рядом со мной. Работая топором или снимая щепу с очередного лука, я представлял, будто он стоит за моей спиной. Он молчал, но, благодаря его присутствию рядом, моя рука становилась уверенней, удары топором сильнее. «Ты набираешься сил, – сказал бы он. – Скоро ты возмужаешь, как твой брат».

Стоя на пороге, я вдруг заметил какую-то фигуру во дворе. Месяц осветил плащ из волчьей шкуры.

– Подойди-ка, парень. – Он протянул ко мне руку.

Я заколебался. Этот человек пугал меня.

– Подойди поближе. Мне нужно сказать тебе кое-что.

Я с опаской подошел. Сейчас он больше всего походил на зверя или на оборотня из легенд. На плаще его был капюшон, выделанный из волчьей головы. Сейчас капюшон был накинута ему на голову, и, когда он стоял вот так, ссутулившись, мне казалось, что он вот-вот опустится на четыре лапы и убежит по снегу.

Я уже подошел на расстояние вытянутой руки, и вдруг он схватил меня за руку. Он упал на колени, крепко ухватил меня за кисти рук и уставился на ладони. Вдруг по его телу прошла волна дрожи, глаза закатились.

– Кровь двух королей... На твоих руках.

Ведун отпустил мои ладони, повалился на бок и остался неподвижно лежать на снегу.

Вдруг от дверей послышался возглас. То был Свейн, он вытащил меч и подбежал к нам.

– Раб! Что ты натворил?

Мне хотелось убежать, но я понимал, что, если убегу, они сочтут меня виновным. Вместо этого я попытался поднять ведуна, ухватив за плечи. Свейн уже был рядом. Он повалил меня в снег и приставил к горлу меч. Но ведун уже пришел в себя:

– Раб невиновен. Оставь его.

Свейн с неохотой отпустил меня. Он вернул меч в ножны и, поддерживая ведуна, повел его в палаты.

4

Жертвоприношение

Много лет прошло, прежде чем я осмелился поведать кому-то о прорицании ведуна. Но сон о драконе я рассказал Хальвдану на следующее утро. Хальвдан баюкал в руках седую голову и бормотал, что херсир, должно быть, сошел с ума. Этот ведун – просто мерзавец, ему надо, чтобы ему дали приют и кормили всю зиму. А сейчас он просто подпевает Харальду Рыжему, вся эта чепуха о драконе – просто байки, которые любят слушать старые хёвдинги. Харальду Рыжему все равно суждено умереть от старости с пивной кружкой в руке, как и большинству хёвдингов.

Требование продать корабль также не воодушевило Хальвдана.

– Я строю корабль для своих сыновей, – бормотал он, плетясь к столу и наливая себе в кружку еще пива. – Когда они вернутся с западного пути, они возьмут с собой своего старого отца. Этот город... – Старик сделал большой глоток и опять рухнул на лежанку. – До следующей осени он, может, еще протянет... Но не больше.

Я спросил его, что мне передать хёвдингу.

– Пойди к нему и проси серебра. Скажи, что работа займет все мое время и что нам нужна плата вперед. Что-нибудь такое, во всяком случае. А потом ты вернешься и продолжишь тесать доски. Их надо просмолить. Корабль будет держаться на воде. Но Харальду Рыжему об этом знать не надо.

Все утро я набирался мужества вернуться в палаты хёвдинга. Он же мог приказать меня высечь или придумать чего похуже, разозлившись на такие наглые требования. Хальвдан лежал в доме и заходил в кашле, а вскоре я увидел, как по улице поднимаются Рагнар Двухбородый и его брат. Когда они заходили в дом, вид у них был мрачный. Я слышал, как они что-то пробормотали, а затем вышли. Рагнар кивнул мне на прощание, и они ушли. Вскоре я увидел, как они направляются куда-то на лошадях. Они проехали мимо свинарника, затем по тропинке вдоль границы поселения и исчезли в лесу. Больше я никогда их не видел.

В тот же день я явился к Харальду Рыжему и попросил дать нам серебра. Я стоял перед сидящим хёвдингом, уткнувшись взглядом в земляной пол. Мне пришлось повторить просьбу два раза, ведь я боялся повысить голос. Когда Харальд наконец понял, чего я хочу, он погладил борзую собаку у своих ног и осведомился: действительно ли Хальвдан настолько болен, что вновь прислал своего раба? А может, на старости лет его одолела трусость, раз он побоялся сам явиться и просить об оплате? Ведь раньше он никогда не стеснялся такого. От этих слов сыновья конунга усмехнулись, а Харальд Рыжий потребовал, чтобы я поднял глаза. Я повиновался. Старик снял серебряное кольцо и бросил к моим ногам. Затем он добавил, что даст и больше, если во дворе у Хальвдана Корабела будут звенеть топоры.

При виде кольца Харальд оживился и сразу же отправил меня отнести его кузнецу и заказать заклепки. Затем он схватил топор и принялся вытесывать новые доски.

В эти дни вокруг самых дальних островов уже установился лед, а Харальд качал головой и бормотал, что надеялся на мягкую зиму и раннюю весну. Пора бы уже его сыновьям вернуться, он становится старым и чувствует, как Хель дышит ему в спину. Он проработал три дня, а затем опять свалился с кашлем, валялся на лежанке и стонал, так что продолжать работу пришлось мне самому. Я не был против: если бы ошейник не напоминал о себе, я бы в эти моменты чувствовал себя вольным человеком, ведь мне иногда казалось, что я строю свой собственный корабль. Когда он будет готов, я вырублю катки, положу перед носом корабля, запрягу лошадей, и они потащат его вниз по дощатой улице, стройный, с длинным килем, под его тяжестью проломится лед. А потом я уплыву.

Но это была всего лишь мечта. Уже холодало, вечером я слышал, как потрескивает лед на заливе. Все больше людей потянулись прочь из города. Это были те, кто летом подрабатывал у ремесленников, охотники, снабжавшие нас, горожан, мясом и шкурами, и горстка воинов, приплывших на торговых кораблях поздней осенью и ожидавших, чтобы кто-то взял их на корабль в Ирландию.

В один из таких вечеров, вернувшись в дом после дня работы, я увидел, что Хальвдан лежит уставившись в потолок. Он спросил, помогали ли мне Рагнар Двухбородый и его брат, так что я решил, что он бредит.

– Они ведь уехали, – сказал я, и старик пришел в себя, но только на мгновение.

– Да, – вздохнул он. – Они уехали. Но я ведь не рассказал им о серебре. Моего серебра они не получают.

Я раздул пламя в очаге и положил несколько поленьев. Когда огонь разгорелся, я отрезал пару ломтей свиного окорока и нанизал на вертел над очагом. Хальвдан никогда не отказывал мне в пище. Возможно, он был пьянчуга и ворчун, но мелочным не был. А теперь, больной, он перестал обращать внимание и на то, что я подкармливал мясом Фенрира.

Тем вечером я опять скормил Фенриру несколько кусков. Пока я работал, он крутился рядом со мной во дворе, но с темнотой всегда возвращался домой. Теперь он заполз ко мне на колени, прижав искалеченную лапу к моему животу, как будто ей требовалось немного больше тепла. Хальвдан перевалился на бок и смотрел на меня полуприкрыв глаза. Наконец он сказал:

– Думаю, Торстейн, мне осталось немного.

Я отвел взгляд. Говорить об этом не хотелось. Что случится со мной, если он умрет? Ведь с его смертью я не получу свободу – уж это-то мне было известно. Все добро старика получит кто-то другой. Если бы его сыновья вернулись, они бы заявили о своих правах на наследство. Но если они так и не вернуться, что будет со мной?

Он как будто понял, о чем я думаю.

– Вот что мы сделаем, – забормотал он. – Когда я умру, ты оттащишь меня в лес. Подожди, пока стемнеет, и проследи, чтобы никто тебя не увидел. Меня оставишь в каменной осыпи. А затем вернешься и продолжишь строить корабль. Если кто-то спросит обо мне, скажешь, что я ушел нанять помощников.

Я понял. Ничто не должно помешать строительству корабля, даже смерть самого Хальвдана.

На следующее утро старик лежал с раскрытым ртом, упершись взглядом в потолок. Я подошел к нему и взглянул в его обросшее бородой, обветренное лицо. В груди послышался хрип, он втянул воздух и заморгал.

– Валькирии не спустятся за мной, – прошептал он. – Но Хель... Я вижу ее лицо. Каждый раз, когда я закрываю глаза, оно стоит передо мной.

Я оставил его лежать и вышел. Фенрир побежал следом. Двор завалило снегом, так что мне пришлось расчистить его, чтобы приняться за работу. Я достал особое орудие плотника, Хальвдан называл его «тесло» – оно выглядело как обычный топор, но лезвие было насажено поперек топорница, как у кирки. Им было удобно грубо обтесывать доску, а уж потом можно было браться за плотницкий топор с широким, скошенным лезвием. Вот и сейчас я взялся за тесло и принялся обтесывать расколотые половинки бревна, которым предстояло стать корабельными досками.

К этому времени год уже вступил в свою самую темную пору. Последние охотники покинули торжище, я видел, как они уходили, скользя на своих длинных лыжах. Стих звон в кузне, а янтарщик уже не сидел у своего дома, склонившись над золотистыми комочками. Лед в заливе укрыло снегом, а деревья вокруг двора Хальвдана тянули к небу голые ветви; мне казалось, они походят на руки, застывшие в попытке дотянуться до последних лучей солнца.

Наверное, на меня подействовало то, что вокруг не было ни души. А может, мысль об умирающем старике в доме. Во мне поднялась волна ужасной тоски, и я застыл с теслом в руке над своим бревном. Она захлестнула меня с головой, тело обмякло, и я упал на колени. Перед глазами всплывали картины: труп Ульфхама на берегу, последние шаги отца. Я вновь видел, как горит наш дом, ощущал жесткие руки на своих плечах. Из рта вырвался сдавленный крик, меня затрясло. Я вновь почувствовал удары молота, которым загоняли болт в затвор рабского ошейника, и ухватился за него обеими руками, пытаюсь сорвать его с себя. Когда я понял, что ничего не выходит, я кинулся к кораблю и начал биться затылком о форштевень. Фенрир залаял, не понимая, что со мной. Я и сам этого не понимал. Все, что я знал, – это то, что хочу на свободу. Хочу прочь отсюда. Хочу домой.

Я бился головой о форштевень, покуда безумие не оставило меня. Тогда я свалился без сил и остался лежать на снегу. Не помню, сколько я пролежал так. Но вдруг на дворе появился Свейн, сын хёвдинга, верхом на лошади. Он взглянул на меня с высоты своего седла, направил лошадь к недостроенному кораблю и объехал его кругом, внимательно изучая. Затем он вновь исчез в лесу.

Тем вечером солнце зашло рано. Когда мы с Фенриром вернулись в дом, Хальвдан по-прежнему лежал, уставившись в потолок. Так он и лежал, пока я раздувал огонь в очаге и ставил воду. Он что-то бормотал себе под нос, иногда кашлял, его начинала бить дрожь, а потом вновь застывал в безмолвии с широко раскрытыми глазами. От еды он отказался, но, когда я спросил, не налить ли ему пива, к старику вдруг вернулись силы. Он поднялся на локте, взглянул на меня мутными глазами и серьезно кивнул. Я налил пива в одну из его кружек и поднес ему. Хальвдан знатно к ней приложился, а затем вновь застыл как мертвый. Потом он прохныкал, что я должен подойти к нему поближе.

– Слушай, – сказал он, ухватив меня за руку дрожащей рукой. – Не старей. Умри на поле брани. Обещай мне это, парень.

Я ответил, что такую клятву сдержать будет трудно, ведь я – раб. Рабы же не сражаются в битвах. Но Хальвдан, наверное, не услышал моих слов, его глаза вновь блуждали, хватка на моей руке ослабла, и он застыл, обмякнув. Мне пришлось приложить ухо к его губам, чтобы понять, дышит ли он.

Хальвдан валялся в горячке. На следующее утро он пробормотал, что мне следует отправиться к кузнецу, заказать еще заклепок на случай, если тот решит уехать с торжища на зиму. Так что я прихватил Фенрира и пошел к кузне, она располагалась прямо у причалов. Кузнеца звали Рольф, он был немногословным человеком. Когда я сказал ему, что нам нужны еще гвозди, из его густой бороды донеслось только: «Еще серебра». Он скрестил на груди могучие руки и исподлобья взглянул на меня.

Мне не удалось передать Хальвдану его слова. Старик хрипел на своей лежанке и не слышал, что я говорю. Я сел на стул рядом с ним, думая, что вот сейчас горячка его доканает. Но, похоже, Хальвдан был на удивление крепок, и поздно вечером ему стало лучше. Он ничего не говорил, только тяжело дышал. Жар наконец спал, дрожь утихла, на лбу больше не проступала испарина.

На следующий день приехал Свейн. Падая снег, сын хёвдинга закутался в синий плащ, обитый волчьим мехом. Я по-прежнему возился с той доской, которую начал накануне. Одну сторону я уже почти закончил, она стала плоской и гладкой, и вскоре мне предстояло повернуть доску и начать обтесывать ее с другой стороны. Свейн зашел к Хальвдану, но скоро вышел и взобрался в седло. У него был большой белый жеребец с заплетенной гривой, на правой лопатке виднелась выжженная руна – клеймо хёвдинга.

– Он вновь посылает тебя, – выговорил Свейн наконец.

Я опустил тесло, не понимая, что он имеет в виду.

– С заходом солнца мы наполним кружки. Помойся, прежде чем прийти. Раз уж ты будешь выполнять долг свободного человека, не следует вонять, как раб. – Свейн направил коня в мою сторону, изучая меня взглядом. – И лохмотья свои смени. Да вшей вычеши.

– У меня нет вшей, – ответил я. Свейн усмехнулся, не отводя взгляда. Затем он легко ткнул пятками в брюхо коня и исчез за деревьями.

В то время я был несведущ в обычаях властителей. Отец никогда нам не рассказывал о подобном. Наш залив был для нас целым миром, и мы не знали войны с тех самых пор, когда в стране свирепствовали сыновья Эйрика. Но Харальд Рыжий был достаточно стар, чтобы помнить другие времена, когда все мужчины держали оружие при себе, а сыновья и дочери учились сражаться, как только начинали ходить. Он сам был в лейданге при Хаконе, воспитаннике Адельстейна. В ту пору он был очень молод, но помнил, что каждая деревня должна была держать корабль с людьми и вооружением. Еще он помнил, как по осени в гавань иногда приплывали люди, заявлявшие, что принадлежат к королевскому роду, и требовали, чтобы их кормили всю зиму. Потом в распрях и заговорах погибли почти все потомки конунгов, и Хакон, ярл Хладира, захватил власть над Восточной Норвегией. С той поры Вик оставили в покое, а даны и норвежцы равно считали его своей вотчиной, вели там торговлю, но не пытались прогнать остальных. Они ведь хотели торговать, а умные купцы не гонят своих покупателей. Харальд Рыжий получил титул херсира Скирингссяля в наследство, но он больше не подчинялся ярлу или конунгу, как это было во времена его отца. Так что Харальд правил по своему разумению.

Я растопил снег и обмылся перед очагом мочалкой из ягеля. Когда я собирался надеть прежнюю одежду, Хальвдан кашлянул и указал на шкуру под столом:

– Под ней. Увидишь там крышку.

Я встал на колени и поднял старую засаленную овчину. Под ней, как он и сказал, я увидел крышку вровень с земляным полом. То был дубовый сундук, похоже, нездешней работы, ведь на крышке был вырезан большой крест. Такой знак мне как-то показывал отец: знак Белого Христа.

– Открой.

Я повиновался. В ноздри ударил резкий запах прогорклого жира. В сундуке лежала одежда. Из тонкой ткани, не такой, которую носишь каждый день. Поверх лежал кожаный ремень шириной в три пальца с круглой бронзовой пряжкой. Я достал его и показал Хальвдану.

– Это мой старый пояс, – сказал Хальвдан. – Когда идешь на жертвоприношение, надо надевать добротный пояс и красивую одежду. Надень коричневые штаны и длинную рубаху. И плащ.

Я искоса взглянул на него.

– Парень, я не могу идти на праздник. Но мне надо отправить кого-то вместо себя, иначе я нанесу оскорбление Харальду Рыжему. Одевайся.

Я вновь повернулся к сундуку и достал аккуратно сложенный плащ, коричневые штаны и серую рубаху из толстой ткани. Такие вещи носили знатные люди. Ворот рубахи был украшен тканой каймой. Под этой одеждой лежал еще один плащ, а под ним еще что-то. Я осторожно приподнял плащ, чтобы взглянуть, что там, и увидел шлем, кольчугу и топор без топорща. И он не походил на тот топор, которым мы тесали доски во дворе. Он был легче и тоньше, изогнутое лезвие длиной в две мои ладони. Угол кромки заострен, как будто для колющих ударов.

Но это еще не все. На самом дне лежала тщательно свернутая ткань. Я ее пощупал. Она была толстой, жесткой и походила на парус.

– Остальное не трогай.

Я положил топор на место и закрыл сундук. Накрыв крышку овчиной и начал одеваться.

– Ты хороший парень, – пробормотал Хальвдан. – Были бы другие времена, я бы, пожалуй, снял с тебя ошейник.

Я не отозвался. Подумал, что это просто пустые слова. Извинения. Ему выгодно держать меня в рабстве, особенно сейчас, зимой, когда почти все свободные люди давно ушли отсюда. Но разозлиться на него не получалось. Он не был злым человеком. А теперь, лежа на кровати и кашляя, он смотрелся просто жалко.

Снега уже навалило столько, что я мог надеть лыжи, которые смастерил этой осенью. Хальвдан сам велел мне это, он знал, что пробираться по глубокому снегу будет трудно. А теперь, похоже, зима наступила по-настоящему, снег так валил, что я едва различал кончики собственных лыж. В одной руке я держал факел, в другой – лыжную палку и пытался идти по тропинке, проложенной в лесу, но факел скоро погас, так что я уже не знал толком, куда иду.

Некоторое время я пытался найти дорогу в кромешной темноте леса – и вдруг услышал чей-то крик. Казалось, то была лошадь, но я никогда не слышал, чтобы лошадь так кричала. Я пошел на звуки и вскоре оказался на опушке леса у двора хёвдинга. Жертвенный камень во дворе окружили мужчины, я узнал и Бьёрна Бочаря, и Отгара Янтарщика. Я снял лыжи и с опаской подошел поближе. Вскоре меня увидел Свейн. Он грубо ухватил меня за руку и потащил к остальным, они расступились, давая мне место в кругу.

Харальд Рыжий стоял склонившись над лошадью. Он уже перерезал ей горло и сейчас отрубал ей голову ударами меча. Вот он поднял ее за гриву, воздел окровавленный меч к ночному небу и крикнул во весь голос: «Один!»

Потом подошел к жертвенному камню и окрасил руны конской кровью. Глаза его были закрыты, и тихим голосом, почти шепотом, он произнес:

– Дай мужества моему сердцу и силы моим рукам, Один. Позволь мне умереть так, как я жил, без страха. Позволь моим сыновьям жить и видеть, как растут их сыновья.

Вокруг камня царила мертвая тишина. Харальд Рыжий уронил конскую голову в снег, ладонью стер кровь с меча и прижал его к камню, а затем обернулся к окружающим его людям:

– Пойдемте же в дом и поднимем здравицу!

Внутри пылал очаг, несколько женщин жарили на вертеле свинью. Казалось, что здесь собрались все обитатели усадьбы херсира: наверху, между потолочными балками, лазали мальчишки, в полумраке у стен перешептывались и хихикали молодые девушки и пара десятков жен и наложниц, облаченных в свои лучшие платья, с янтарными ожерельями на шеях и блестящими серебряными браслетами на руках. Мужчины, участвовавшие в жертвоприношении, подошли ближе к очагу. Харальд тяжело опустился на почетное место и прислонил меч к подлокотнику. Женщины стали обносить мужчин рогам с питьем. Харальд Рыжий поднял свой рог, но не произнес ни слова, лишь по очереди взглянул на каждого из гостей: сначала на сыновей и тех, кто занял место ближе к очагу, затем обратил взгляд в полумрак, где держались женщины, дети и рабы. По-видимому, пить с вождем могли только мужчины у огня: ни рабы, ни женщины, ни дети не держали в руках рогов.

– Эй ты! – вдруг окликнул хёвдинг. – Торстейн, так тебя зовут?

Я не осмелился ответить. Все оборотились и посмотрели на меня.

– Торстейн? – Харальд указал на меня окровавленным пальцем.

– Да, – ответил я.

– Я хочу, чтобы ты сидел здесь, – он указал пальцем на свободное место рядом со Свейном. – Ты пришел взамен Корабела и должен выпить за него.

В этот момент мне больше всего хотелось, чтобы меня поглотила тьма. Здесь сидели лучшие мужи Скирингссыля, и по их взглядам я понимал, что они вовсе не согласны с решением хёвдинга, что раб может пировать вместо своего хозяина.

– Подойди. – Харальд поманил меня закрученным окровавленным пальцем.

Я повиновался. Ничего другого мне не оставалось. Я сел на скамью рядом со Свейном, мне сунули рог, и кто-то за моим плечом наполнил его.

Все это время Харальд Рыжий держал рог в поднятой руке, но теперь наконец прозвучала его здравица:

– Выпьем же за то, чтобы дни становились длиннее.

Мужчины поднесли рога к губам и выпили.

– За раннюю весну, – продолжал Харальд и сделал еще один глоток. – И за урожай.

И вновь мужчины выпили.

– Да нальет Фрейр зерна в колосьях на наших полях и дарует плодородие нашим женщинам!

Все снова выпили. Хотя у нас дома бонд каждый год устраивал зимний праздник жертвоприношения, я никогда в нем не участвовал. Отец считал, что нам с Бьёрном лучше оставаться дома, а сам, возвращаясь на утренней заре домой, всегда был сонным и нетвердо держался на ногах. На следующий день он сидел у очага, стонал, жаловался на головную боль и требовал, чтобы мы с Бьёрном поклялись ему держаться подальше от пива и меда, когда вырастем. А если нам все-таки придется участвовать в пирушках, мы должны пить только с равными нам, родичами и друзьями. Иначе легко нарваться на ссору.

Мужчины опустошили свои рога. Пока женщины вновь наполняли их, Харальд Рыжий заметил, что я не притронулся к питью.

– Ты должен выпить, – сказал он. – Ты сидишь здесь взамен своего хозяина.

– Отец говорил... – выпалил я, прежде чем успел подумать.

– Да? – Харальд покосился на меня со своего места. – Что говорил твой отец?

– Он говорил, что пить можно только с равными.

Харальд пригладил бороду, взвешивая мои слова.

– Твой отец дал тебе хороший совет, – вымолвил он наконец. – Но я все же хочу, чтобы ты сейчас выпил.

И вновь все обратили взгляды на меня. Я поднял рог, приветствуя мужчин, сидящих вокруг очага, как это раньше делали другие, поднес его к губам и сделал глоток. На вкус пиво было слаще, чем я думал. Горечи совсем не чувствовалось.

В тот вечер здравицы звучали много раз. Обычай был таков, что сначала мужчины чествовали Одина и его сыновей, а поскольку молот Тора призывали и для того, чтобы на поля пролился дождь, и для того, чтобы он защитил от подземных жителей и другой нечисти, таящейся в темноте, за него пили и два, и три раза. Пили также за Фрейра, за его сестру Фрейю и за их отца Ньёрда, который приносил удачу купцам и мореходам. Когда мы подняли рога за них всех, мужчины уже опустошали свой третий рог, и нетрудно было заметить, что они начали пьянеть. Я пытался отхлебывать понемногу, но и я уже допил первый рог и приканчивал второй. Голова налилась тяжестью и начинала кружиться. Я чувствовал, что мне пора выйти помочиться, но был не в силах подняться. Когда кубки наполнили для нового круга, Харальд Рыжий перегнулся через подлокотник своего кресла и взглянул на меня.

– Пей больше, – сказал он, – пива еще вдоволь.

Помню, что я не успел ответить: Свейн с рогом в руке, пошатываясь, поднялся на ноги. Теперь настал черед обетов Браги: мужчины поднимались и клялись совершить какое-нибудь славное деяние. Свейн протянул рог в сторону хёвдинга, пролив пиво, и заорал, что встанет плечом к плечу со своим отцом, когда явится дракон. Затем он вытащил меч из ножен и принялся им размахивать, пока отец не велел ему сесть. За ним поднялся Бьёрн Бочар и поклялся найти того негодяя-шведа, который украл его жену. Его слова вызвали насмешливый шепот у окружающих. Эту историю я знал от Хальвдана. Жену бочара никто не крал, ей просто надоел ее старик и она убежала с торговцем с Готланда. Когда Бьёрн Бочар опустился на место, Отгар, старый янтарщик, решил, что и ему нельзя ударить в грязь лицом, поднялся на ноги и начал что-то бормотать, грозить кулаком, а потом плюхнулся на зад. Казалось, что это какая-то игра, в которой каждый участник пытается перещеголять другого. Мужчины поднимались один за

другим и говорили о своих отважных замыслах. Месть за убитых родичей, путешествия на восток и запад, клятвы встать рядом с хёвдингом, когда объявится дракон. Я подумал, что такие клятвы давать безопасно, хоть я и мальчик, но уже не дурак. Драконов не существует – уж это мне давно известно.

Ведуна я не заметил. В полумраке между балками стояли в основном женщины и дети. Кое-кто улегся на скамьи вдоль стен, возможно, ведун был среди них? Мне хотелось найти его и расспросить о его странных словах, но тут я почувствовал руку Свейна на своем плече:

– Теперь ты, парень.

Я заколебался, и Свейн вздернул меня на ноги, так что я стоял с рогом в руке и чувствовал, что пол подо мной качается, как палуба корабля. Мужчины захохотали, кое-кто стал тыкать в меня пальцем.

– Подвиг во имя Браги, – произнес Харальд Рыжий. – И не забудь, слова, произнесенные здесь, ты должен исполнить.

Я повернулся к старому вождю.

Харальд Рыжий отхлебнул из рога:

– Твой отец был убит. Возможно, ты поклянешься отомстить за него?

Я шагнул в сторону, держаться на ногах было трудно. Кто-то ухватил меня за руку, помогая удержать равновесие.

– Я не могу, – пробормотал я, опустив глаза. – Ведь я всего лишь раб.

– Боги помогут тебе найти выход. Нить твоей жизни спряли еще до твоего рождения, парень, а я считаю, что каждый добрый муж достоин мести.

Я схватился за голову. Перед глазами встала ужасная картина кишок, вываливающихся из живота отца. Подбородок задрожал, но я изо всех сил пытался сдержаться, нельзя позволить себе расплакаться на глазах у всех.

– Поклянись отомстить за своего отца, парень! – Теперь голос Харальда Рыжего стал суровым. – Он тебя видит, он слышит твои слова!

– Я... клянусь, – услышал я собственные слова будто со стороны.

– Хорошо. – Харальд поднял рог. – Выпьем же за это!

Все выпили. Я стоял, поднеся рог к губам, но не мог глотать. Пиво текло по подбородку, и я бы упал, если бы не жесткая рука, поддерживающая меня. Желудок перевернулся. Я уронил рог и услышал собственный стон.

– Похоже, парню надо проблеваться, – услышал я голос Свейна, и он поволок меня наружу.

Свейн вывел меня во двор. Я упал на четвереньки, меня вырвало. Обессиленный, я повалился в снег.

Я валялся на земле, вдыхая холодный воздух зимней ночи. Закрывая глаза, я видел перед собой образ отца и рыдал как ребенок. В доме начали горланить, мужчины и женщины завели песню. Слов я разобрать не мог, только возгласы «Один!» между куплетами. Теперь эти люди вызывали во мне лишь злость. Значит, я должен отомстить за отца? Если хёвдинг действительно желает этого, почему он не вернет мне свободу? Ведь я, обращенный в рабство, в любом случае не смогу ничего сделать. Мне хотелось ухватиться за ошейник и сорвать его с себя, мне хотелось орать от ярости, но я едва мог двинуть рукой, а крик перешел в рыдания. У жертвенного камня лежал труп коня в луже собственной крови. Вдруг я почувствовал к нему жалость. Что он сделал, чтобы заслужить такую судьбу? Но животные, как и рабы, живут, пока их хозяин им позволяет.

Я попытался подняться на ноги, но смог только встать на четвереньки, а потом снова упал на бок. Вдруг я увидел человека, сидящего на жертвенном камне. Труп лошади исчез, на белом снегу было и пятнышка. Я пополз туда. Человек сидел, положив одну руку на колено. Другую он опустил на меч в ножнах. Рукоять блестела в лунном свете, будто сделанная

из золота. Длинные темные волосы падали на плащ на спине. Казалось, будто он спит сидя. А может быть, он устал после долгого пути, ведь он сидел склонив голову и не двигался.

Я полз дальше. Мне хотелось спросить, кто он такой, но пиво, должно быть, связало мне язык, и я не смог вымолвить ни слова. Человек вздрогнул будто спросонья. Он поднял голову и взглянул на меня. То был Бьёрн. Он улыбнулся в короткую бородку. «Торстейн. Брат».

Наконец мне удалось встать на ноги, и я, пошатываясь, побрел к нему, а Бьёрн поднялся и пошел мне навстречу. Но вдруг я споткнулся и упал в кровь рядом с мертвой лошадьё. Теперь Бьёрн стоял в нескольких саженях от жертвенного камня. Он вытащил меч из ножен, бросил взгляд вверх, на звезды, и указал мечом в ночную тьму. На запад, подумал я. Он указывает на запад. Затем он повернулся, и глаза у меня закатились.

Я проснулся на земляном полу в палатах хёвдинга. Сквозь отверстие в крыше падал столб дневного света. Огонь в очаге догорел. Праздник закончился. Мужчины и женщины спали пьяным сном на скамьях у стен.

Я сел, и в голове будто застучало. Во рту стоял мерзкий привкус. Взгляд упал на кожаный мешочек, лежащий между моих ног. Величиной с два кулака, он был крепко завязан.

– Отнеси его Хальвдану, – услышал я голос от противоположной стены. Там лежал Свейн, укрывшись плащом и положив голову на зад одной из женщин.

Я поднял увесистый кошелек.

– Теперь иди домой, раб. И не думай, что можешь смыться с этим серебром. Я найду тебя. – Свейн пошарил рядом с собой и опрокинул кружку, но все-таки нащупал свой пояс с мечом. Он положил руку на ножны, будто показывая, что имеет в виду. – Не забывай, парень. Прямо домой. И чтобы каждый кусочек серебра был на месте.

Я с трудом поднялся на ноги, держа в руках кошелек. Пиво по-прежнему плескалось у меня в животе, ноги заплетались и будто тащились за мной следом, когда я ковылял прочь из длинного дома. У двери я увидел ведуна. Он лежал головой к стене, на груди расплзлось пятно рвоты. На усах и костяшках рук запеклась кровь.

Во дворе, у жертвенного камня, хлопотали женщины, разделявая тушу коня. Я спросил у них, не видели ли они молодого человека накануне вечером. Они не поняли, о чем я. В усадьбе много молодых людей, сказали они.

Я отыскал свои лыжи и палку. С кошельком в одной руке и палкой в другой, я заскользил между деревьев и вскоре наткнулся на две линии в снегу – мои следы, ведущие к торжищу.

Я объехал двор хёвдинга по широкой дуге, не нашел ни одного следа, и остановился в лесу. Действительно ли я видел Бьёрна тем вечером или то был пьяный бред? Он указывал на запад. А может, меч его был обращен к небу? Ждет ли он меня там, на западе, или стал уже одним из эйнхериев Одина или Фрейи? Я чувствовал тяжесть серебра в руке, в лицо дул холодный ветер. Он пах солью, он дул с моря. С этим серебром я мог бы купить себе место на корабле. А может, я мог бы даже купить собственный корабль. Всего несколько дней пути отсюда, и я приду туда, где никто не знает меня. Если мне удастся избавиться от рабского ошейника, если я найду место, где гавань не скована льдом, я смогу уплыть прочь отсюда, и никто никогда не узнает, что со мной случилось.

Начинался снегопад. Я обернулся. Все мужчины в усадьбе хёвдинга спали или мучились от похмелья.

Я повернул лыжи и пошел туда, где, как мне казалось, был запад. Вскоре усадьба за спиной скрылась из виду, склонившиеся под снегом ветви елей заглушали все звуки. Я вновь остановился. Снег все падал. Вскоре мои следы совсем пропадут. Если я только продолжу свой путь, усадьба хёвдинга и торжище исчезнут, будто их никогда и не было, а время моего рабства останется лишь дурным воспоминанием.

Я углубился в лес еще на одну длину полета стрелы. Потом остановился и оглянулся. Я будто увидел, как ко мне между елей приближается Свейн верхом на лошади. Он вытащил меч

из ножен, издал устрашающий клич, я попытался умчаться на лыжах, но за спиной раздавался стук копыт, и вот я ощутил удар в спину и увидел, как лезвие вышло из груди. Он насадил меня на свой меч как цыпленка на вертел.

Я едва успел расстегнуть пояс. Стоял и поливал снег перед собой, а в голове крепло понимание того, что я слишком труслив, чтобы стать свободным. Для таких, как я, не нужны цепи. Я вернусь в рабство, так как боюсь поступить иначе.

5 Дракон

Я вернулся на торжище и отдал Хальвдану кошелек. Он по-прежнему хрипел и кашлял на своей лежанке и едва взглянул на меня, когда я вошел, но оживился, получив в руки серебро. Выпутался из шкур, высыпал на стол серебро из мешочка и начал раскладывать кусочки серебра и монеты. Одновременно он тщательно рассматривал каждый кусочек и каждую монетку. Некоторые из них он узнавал, показывал мне и бормотал, что это его собственные деньги, он заработал их честным трудом, но сыновья Харальда пришли и забрали их как подать. А платим-то ни за что, – добавил он с горечью, пробурчав, что Харальд Рыжий хуже клопа высасывает кровь из людей. Может, херсир когда-то и заслуживал податей, когда вдоль побережья ходили разбойники, но уж точно не теперь. Теперь он просто сидит в своих палатах, жирный и жадный.

Я спросил у Хальвдана, приезжал ли кто-нибудь на торжище, пока я отсутствовал. Молодой человек с длинными темными волосами и мечом на поясе, не приезжал ли он, пока я был на празднике?

Хальвдан покачал головой. В поселение никто не приезжал. Сюда ведь никто не навещается зимой. Затем он бросил на меня взгляд искоса. Почему я спрашиваю?

Когда я рассказал, как увидел своего брата во дворе хёвдинга, он посмеялся надо мной и вернулся к своему серебру. «От пива и не то привидится», – пробормотал он и поднял одну монетку против света. А зная Харальда Рыжего, можно быть уверенным: на здравицы там не скупилась.

Я работал над обшивкой весь тот день до позднего вечера. Когда пришла пора крепить новую доску, Хальвдан выполз из дома и принялся показывать и объяснять, как готовить корабельный вар и заливать им стыки досок. Это была вязкая масса из шерсти, конского волоса и дегтя. В тот день меня выворачивало, и не один раз, из-за едкого запаха состава, смешивающегося с послевкусием праздничного пива.

Потом я придерживал доску, а Хальвдан вбивал первые заклепки. Затем он велел мне закрепить ее деревянными планками и положить сверху камни для веса и заковылял обратно в дом. Когда я наблюдал за братьями, эта работа казалась такой легкой, но для того, чтобы доска легла ровно, нужна была и сила, и сноровка.

На следующий день я начал вытесывать новую доску. Хальвдан не вставал, но все время требовал, чтобы я не жалел вара. Когда я спросил, для чего ему конопатить лодку, это же будет погребальный корабль для Харальда Рыжего, он пробурчал что-то неразборчивое в свои шкуры и повернулся ко мне спиной.

Может, он по-прежнему лелеял надежду, что его сыновья вернуться и увезут его. А если они отплывут на этом судне, то оно должно быть более надежным и крепким, чем погребальный корабль. Я подогнал доску, которую мы начали закреплять накануне, и вбил последние заклепки. Потом отошел на несколько шагов назад и долго, внимательно разглядывал кораблик. Мне казалось, он походил на зверя. Хвостом был ахтерштевень, головой – форштевень. Он лежал во дворе, зарывшись брюхом в снег, и с тоской смотрел на залив, скованный льдом. Но там, подумал я, ему так и не доведется побывать. Лошади оттащат его в лес, а слуги хёвдинга обложат камнями, чтобы все было готово к тому дню, когда Харальд Рыжий вступит на путь в Асгард.

К вечеру в тот день на залив обрушился шторм. Ветер повалил самые ветхие хижины торговцев, те, которые уже несколько сезонов стояли заброшенными. Хальвдан не выходил из дома, лежал, уставившись перед собой пустым взглядом, и выглядел мрачным. Я вытесал

еще одну доску для обшивки и приготовил все, чтобы закрепить ее, а потом отнес серебро кузнецу: нам не хватало заклепок. В последующие дни из кузницы доносился звон, и казалось, он пробудил поселение к жизни, пусть даже на короткое время. К нам на двор явился старик Отгар, долго смотрел, как я работаю, а потом зашел к Хальвдану и опрокинул кружечку с ним на пару. Явился Бьёрн Бочар, прикатил бочонок и стал уверять, что он нам понадобится. Думаю, он прослышал, что хёвдинг дал Хальвдану серебра. Но тот отправил бочара восвояси со своей бочкой. Хальвдан не собирался покупать бочки, он трясся над своим серебром и, наверное, хотел припрятать его для своих сыновей.

Шторм бушевал больше недели. Затем вновь ударил мороз, и двор покрылся наледью. Поначалу Фенрир пытался скакать на трех ногах, но лапы его все время разъезжались, и в конце концов он начал передвигаться, усевшись на зад и отталкиваясь передними лапами. Наконец выбрался из дома и Хальвдан, в первый раз за долгое время. Некоторое время он стоял в дверях и шурился на солнце. Затем заскользил к верстаку, где я оставлял инструменты. Схватил один молот и зубило, закашлялся, сплюнул и потащился к опушке леса. Там он обернулся и взглянул на меня, будто хотел убедиться, что я не бросил работы, а затем исчез за деревьями. Вскоре я услышал удары зубила по камню.

До вечера он не возвращался, а потом вдруг появился во дворе и поманил меня за собой. Мы с Фенриром пошли за ним в лес. В одном полете стрелы от нашего двора он выбрал камень и высек на нем руны. «Сейчас он вмерз в землю», – сказал он. Но по весне мне надо будет забрать его. Ведь я молод и крепок, мне будет по силам притащить камень на его могилу. Он прочитал мне надпись рунами: «Здесь покоится Хальвдан, сын Магнуса, отец Хакона и Сигурда».

Похоже, сами норны нашептали старику, что его дни сочтены. На следующее утро он снова горел в лихорадке, беспомощно шарил руками по шкурам и просил, чтобы я подал ему пива. Потом он принялся жаловаться на холод, глубоко вздохнул и замер с широко открытыми глазами. На мгновение мне показалось, что он умер, но тут хилое тело дернулось.

– Корабль, – прошептал он. – Иди строй корабль.

На следующий день я начал работу с первым проблеском рассвета. Хальвдан уже не мог объяснить и показать мне, что надо делать, приходилось справляться самому. В тот день я решил, что лодка будет достроена моими руками, и не только из-за просьб Хальвдана. Во время жертвоприношения Харальд Рыжий обошелся со мной почти как со свободным человеком. Если он увидит, что корабль для него построил я, может быть, он снимет с меня ошейник? Когда Хальвдана не станет, я смогу стать новым корабелом на торжище.

Так что я трудился, трудился долго и усердно. Я конопатил стыки досок так, как велел Хальвдан. Хоть он и был теперь немощен, я не осмеливался перечить ему в этом. Да, я знал, что для погребальных кораблей нужды в этом нет, но на всякий случай приготовил объяснение. Однажды на двор приехал Свейн, направил коня к лодке и покосился на законопаченные стыки. Почему я трачу время на то, чтобы конопатить погребальный корабль, осведомился он.

– Кто знает, может, по дороге к Асгарду придется плыть через море, – сказал я, и сын хёвдинга перевел на меня свои голубые, глубоко сидящие глаза. Он подъехал вплотную ко мне, не сводя с меня взгляда, и пнул в плечо носком сапога. Я отошел на шаг назад. Его конь сделал шаг ко мне, и он пнул меня снова. Затем губы искривились в усмешке, и он уехал.

Весь следующий месяц на двор не наведывались ни посланники со двора хёвдинга, чтобы взглянуть, как продвигается работа, ни кто-нибудь еще. Хоть на торжище еще оставались люди, им хватало и своих хлопот с зимовкой. Они ходили в лес, рубили дрова и ставили ловушки. Я видел, как они съезжали на лыжах с горных кряжей, на поясе болтались тушки лесных птиц и зайцев. Они сидели на льду залива и рыбачили. Вскоре и мне придется добывать себе еду – запасы Хальвдана, зерно и вяленое мясо, подходили к концу. Но сейчас все мое время уходило на строительство судна. Наша лодка была не из больших – короткая и узкая. Но ведь я

никогда раньше не делал ничего подобного, и, когда я прибывал доски, они через некоторое время отрывались. Хальвдан подал голос со своей лежанки и велел оторвать их и положить на несколько дней в воду. Потом их надо нагреть над огнем и соединить в клинкер.

Я последовал его советам. Пять дней вымачивал доски, а потом сложил продолговатый костер, длиной почти с корабль, и долго нагревал над ним исходящие паром доски. Теперь они стали податливыми как глина.

Дни становились длиннее, и я успевал сделать больше. Я закрепил верхние доски обшивки и вырубил банки. Пришла пора искать заготовки для поперечных ребер судна, некоторые называют их шпангоутами, их устанавливают внутри судна, чтобы закрепить доски обшивки. Еще нужно было найти подходящую древесину для мачты и весел. Это заняло у меня больше половины месяца, чему я только радовался, ведь мне приходилось подолгу пропадать в лесу. Если бы Свейн вновь приехал, он бы, конечно, осведомился, зачем я делаю шпангоуты, мачту и весла, ведь для погребального корабля они не нужны. А потом он бы опять меня пнул или еще чего хуже.

Вернувшись домой с последним веслом, я увидел, что Хальвдан сидит в дверном проеме.

– Обшивка, – простонал он, когда я помог ему встать. Он махнул рукой в сторону лодки. – Они пригнаны недостаточно ровно, парень. Я и отсюда это вижу. Корабль даст течь.

Я довел его до лежанки и укрыл шкурами. Он тяжело выдохнул и закрыл глаза.

В последующие дни я содрал все доски, кроме тех, которые закрепляли братья и сам Хальвдан. Сначала попытался счистить вязкий вар, но он уже застыл. Пришлось нагревать доски на огне, чтобы их очистить, но некоторые от этого покорежились, а некоторые загорелись, так что половину я испортил. Пришлось идти в лес и рубить новые деревья. Третий месяц зимы подходил к концу, становилось теплее. В заливе трескался лед. Я вдруг поймал себя на том, что стою неподвижно, глядя на море. Раньше я рассчитывал, что дострою корабль к приходу весны, но теперь это казалось невозможным.

И все же мне тогда было тринадцать лет, и даже рабский ошейник на загривке не смог убить мой юношеский задор. На следующее утро я проснулся воодушевленный и отправился в зимний лес. Прежде чем солнце скрылось за западным краем неба, я срубил и очистил от веток достаточно деревьев, чтобы вытесать новые доски. За это я взялся на следующий день.

Ближе к вечеру явился Свейн. Он сидел в седле и, шурясь, осматривал содранные мной доски, а я сидел в доме с Фенриром в охалке, боясь высунуть нос наружу. Наконец он уехал.

На следующий день с юга подул теплый ветер и принес с собой оттепель. Я был в лесу, тесал ствол сосны, который, как мне казалось, подходил для рулевого весла. На эту работу ушел весь день, и, только вернувшись домой, я увидел: лед в бухте тронулся. И будто сами боги решили даровать торжищу раннюю весну, я почувствовал, что ветер поменялся. Теперь он дул с берега, и льдины медленно поплыли прочь, к морю.

– Весна пришла, – прозвучал вдруг голос Хальвдана тем вечером. Он лежал под шкурами, взгляд был необычно ясен. – Скоро приплывут мои сыновья и заберут меня с собой.

Снег таял, вскоре на березах проклюнулись зеленые листочки. Я тесал доски с утра до вечера, волдыри на ладонях лопнули и кровоточили, но мне было все равно. Я осторожно, ровно обрезал доски по краям, уложил их рядом и подправлял края до тех пор, пока стыки не стали совершенно ровными. Приехал Свейн, он объехал вокруг, посмеиваясь надо мной. В гавань вошел первый кнорр, на причал выкатили бочки. В поселение пришли двое охотников, из тех, что ушли осенью, с длинными луками за плечами, а Отгар Янтарщик опять вынес свою работу на улицу. Я варил шерсть, конский волос и деготь и тщательно промазывал стыки. Те заклепки, что были забиты в испорченные доски, я вытащил и использовал заново. Теперь я знал, как это делается, и работа пошла быстрее.

В первый месяц весны на торжище вернулись большинство из тех, кто уехал из него до зимы. В гавани стояли, бросив якорь, пять кнорров и длинный корабль аж из Ютландии, и

вскоре жизнь пошла по-старому. По улицам расхаживали мужи из далеких гаваней, из кузни с утра до вечера доносились удары молота. Пряжи вновь принялись сучить шерстяные нити, а охотники потянулись в лес ставить ловушки. Рагнар Двухбородый и его брат еще не вернулись, и я надеялся, что они не появятся. Теперь, когда строительство судна близилось к концу, я не хотел, чтобы все почести достались им, а не мне. Когда лодка будет готова, я пойду к Харальду Рыжему и скажу, что построил ее я. Я знал, что Свейн, да, пожалуй, и другие сыновья хёвдинга сочтут это наглостью, но на жертвоприношении хёвдинг обошелся со мной почти как с равным. Поэтому я лелеял надежду, что он даст Хальвдану немного больше серебра и выкупит меня на свободу, если я только покажу себя умелым работником.

С Хальвданом я об этом не говорил. Я и вообще почти не говорил с ним той зимой – так уж все сложилось. Он обращался ко мне, только когда требовал еды, пива или лохань, чтобы облегчиться.

И возможно, нелепо с моей стороны думать о свободе. Зачем Харальду Рыжему давать мне свободу? Ведь в любом случае решал это не он. Я принадлежал Хальвдану. Помню, как на меня накатила волна горечи, когда я размышлял об этом, в тот момент я стоял с топором в руках и тесал очередную доску. Я резко остановился, поднял топор и представил, что сейчас уйду, а если кто-то попытается меня остановить, то убью его. Но гнев тут же покинул меня, и я понял, что это бессмысленно. Я не такой, как Харальд Рыжий и его сыновья. Совсем не воин.

Тем вечером я долго сидел и рассматривал старика на лежанке. Он, по своему обыкновению, лежал на спине. Иногда он дергал рукой или ногой. Наверное, ему снился сон.

Ночь я провел под шкурой у очага, под боком лежал Фенрир, я ощущал его тепло. Но покоя в ту ночь я так и не обрел. Я постоянно просыпался. Может, виной тому был ветер, шумевший в ветвях деревьев, я слышал, как он усиливается. А может, я каким-то образом предчувствовал грядущее, то, чему было вскоре суждено перевернуть мою жизнь.

На утренней заре я уже был одет. Я раздул угли, напоил Фенрира, кинул ему кусок рыбы и сел за стол, ожидая пробуждения Хальвдана. Налил пива в его кружку и разглядывал неподвижное тело. Одна рука свесилась с лежанки. Обычно он так не лежал. Я поднялся, подошел к нему и взгляделся в старое усталое лицо. И все понял. Вернувшись за стол, я пытался осознать то, что случилось. Потом вновь подошел к нему, пощупал лоб. Он уже остывал. Должно быть, он умер ночью.

Долго я сидел за столом. Скорби по мертвому старику не было. Может, я бы и скорбел, если бы не боялся так сильно. Что теперь станет со мной? Может, мне следует прямо сейчас побежать к хёвдингу и рассказать, что случилось. А что, если они мне не поверят? Что, если они решат, что я убил его в надежде обрести свободу?

Но вот я услышал во дворе поступь лошади. Кто-то спрыгнул с седла, обрезки древесины у двери затрещали.

– Хальвдан?

Это был голос Свейна. Фенрир зарычал. Свейн ему не нравился.

Дверь толкнули. Я подскочил:

– Мы здесь! Мы... Сейчас выйду!

Я метнулся к двери и выскочил наружу. Свейн оказался прямо передо мной, полы его плаща развевались на ветру. Одну руку он держал на рукоятке меча, другую засунул за пояс.

– Раб, – сказал он с презрением и сплюнул на щепки. – Хальвдан дома?

– Он... он спит, – ответил я.

Свейн, прищурившись, посмотрел на залив:

– Я ищу ведуна. Ты его не видел? Он упоминал тебя ввечеру, и я решил, что он пошел сюда.

Я помотал головой.

– Его не видели со вчерашнего дня, – пробормотал Свейн. – Если увидишь его, дай знать.

Свейн вернулся к своему коню и тяжело взгромоздился в седло. Только теперь я осмелился поднять глаза. Сын хёвдинга взялся за поводья, несколько мгновений он не двигаясь рассматривал кораблик. Он был почти готов. Я уже согнул верхние доски, оставалось только закрепить их заклепками.

Я подождал, пока Свейн исчезнет за деревьями, а потом принялся забивать заклепки. Ничего другого мне не оставалось. Если я не буду работать, люди поймут, что что-то не так. Может, они придут сюда и спросят, как там Хальвдан, может, зайдут прямо в дом и увидят, что он мертв. А что, если Свейн скажет, что виноват я, что я убил старика? Тогда меня прикончат.

За работой я то и дело поглядывал на дощатую улицу. А что, если Рагнар Двухбородый и его брат вернуться прямо сейчас? Они тут же явятся сюда и захотят переговорить с Хальвданом. Рагнару я не нравился. Он тоже может свалить всю вину на меня.

Закрепив верхние доски, я сел спиной к двери и принялся точить топор. Фенрир заполз мне между ног и свернулся там клубочком, будто и он боялся. Когда стемнеет, мне надо оттащить Хальвдана в лес. Там я его спрячу, и, возможно, все решат, что он уехал. Потом я убегу, мне нельзя останавливаться, пока я не окажусь как можно дальше отсюда.

С приходом ночи я опять сидел за столом. Я не ел весь день, но голода не чувствовал. За этот день у Хальвдана отвисла нижняя челюсть, изо рта шла кислая вонь. Будто внутри у него что-то протухло.

Я попытался собрать все мужество, чтобы подойти к нему и вытащить наружу. Но мужества во мне, похоже, не было, и я так и не двинулся из-за стола. Какое-то время я размышлял, не отнести ли остатки серебра Харальду Рыжему. Если я верну ему серебро, он не будет меня подозревать. Но, может, это, наоборот, и будет выглядеть подозрительно, будто я хочу предложить виру за убийство.

Так что я остался сидеть. Тем вечером не зажигал огня в очаге, не ложился на шкуру вместе с Фенриром, как обычно. Сидел в полной темноте.

Должно быть, я в конце концов и заснул там, за столом. Когда проснулся, уже брезжил рассвет. Отблески зари пробивались в щели вокруг двери. Мне показалось, я слышу вдалеке чей-то крик, мужской голос, но затем вновь стало тихо. Я поднялся. Ноги затекли, ведь я всю ночь просидел за столом. Фенрир уже проснулся. Он стоял у двери с беспокойным видом, наверное, просился наружу.

Вдруг я вновь услышал крик. Казалось, он шел от причалов.

Я увидел его, как только вышел наружу. В гавань заходил боевой корабль. Весла двигались в такт, парус и мачта убраны. Гребцы на веслах двигались в совершенном согласии. На форштевне скалилась красная голова дракона. И тут я все понял. Вот о каком драконе говорил ведун.

Корабль врезался в причалы. Он протаранил первый и увяз носом во втором. На берегу стоял человек, кажется, один из охотников. Не успел он что-то прокричать, как один из воинов на корабле поднялся с длинным луком в руке. Охотник отступил на пару шагов и свалился в воду, я успел разглядеть стрелу в его груди.

Воины на корабле разобрали щиты, висящие у борта. Я слышал их вопли, когда они запрыгивали на причал. Многие из них были вооружены топорами, только двое держали длинные луки. Мужчины рассредоточились между домами, выбивали двери, я слышал женские крики. На улицу вышел Отар Янтарщик и тут же получил стрелу в бок, но будто не заметил этого и побежал вверх по улице, в мою сторону, крича, что надо пробираться к усадьбе хёвдинга, предупредить Харальда Рыжего. Но я не шевелился, будто вопли яростных воинов сквали мне тело и я мог только смотреть, как они рубят всех, кто выходит наружу – сонных, полуголых, не в состоянии толком защититься. У кого-то в руках были палки и молотки, другие пытались натянуть луки. Бьёрн Бочар выскочил из своей мастерской и попытался рубануть топором по голове одного воина, но не успел и размахнуться, как другой вонзил ему в горло

копье. Из одного дома выволокли девочку, она приехала на торжище с матерью-пряхой совсем недавно. Возможно, чернобородый воин, тащивший ее по улице, собирался захватить ее в рабство. Но она изо всех сил отбивалась, выворачивалась из его рук, и он вдруг вытащил нож и полоснул ей по горлу. Из раны струей забила кровь, чернобородый поднял глаза и заметил меня. Он вытер нож о волосы девочки и вернул его в ножны, а затем вытащил топор.

Помню, что я рыдал. Стоял у дома Хальвдана Корабела и плакал как ребенок. Я опустил глаза, в ушах стояли крики из домов, но пошевелиться я не мог. Я слышал, как чернобородый приближается. И знал, что это идет моя смерть.

Однажды отец обмолвился, что хороший пес в битве стоит двух мужчин. Я вдруг услышал рычание. То был маленький колченогий Фенрир, он стоял передо мной, оцетинив загривок и оскалив клыки. Никогда раньше не слышал, чтобы он так рычал. Это был удивительно низкий, глубокий звук. От рыка Фенрира с меня спало оцепенение, я поднял глаза и увидел, что чернобородый уже в нескольких шагах от меня. Я проворно подхватил Фенрира и помчался к опушке.

Я был уже на полпути к усадьбе хёвдинга, когда увидел старого Отгара. Он, обмякнув, лежал на тропинке. Я выпустил Фенрира и подошел, чтобы помочь ему подняться, но он отпихнул меня.

– Нет, оставь меня. Беги отсюда, мальчик.

Я побежал дальше. По пятам за мной скакал Фенрир, он не отставал даже на трех лапах. Вскоре я добрался до двора хёвдинга, но Харальд с сыновьями, должно быть, уже услышали крики, ибо облачились в кольчуги и селились на коней. Харальд Рыжий два раза объехал вокруг жертвенного камня, повернув острие меча к рунам, высеченным на нем. Вокруг него стояли челядинцы, многие с колчанами, набитыми стрелами, и с тисовыми луками. В некоторых я узнал свою работу.

Я остановился у края двора. Какая-то старуха рыдала. Две женщины, намного моложе, поддерживали ее с двух сторон. Харальд Рыжий будто и не видел ее. Он надел протянутый ему шлем. Щиток с пятнами ржавчины скрывал его лицо до бороды. Теперь он уже не был старым пузатым херсиром торжища, он походил на эйнхерия из Асгарда. Он направил коня туда, где стоял я, и, проезжая мимо, промолвил:

– Убирайся отсюда, парень. Нет нужды умирать тебе сегодня.

Так что я убежал. Но единственным не был. Пока Харальд Рыжий с сыновьями и всеми мужчинами из усадьбы направлялись к торжищу, женщины и дети пошли в противоположную сторону. Они несли одеяла, шкуры, луки, колчаны; у одной девочки под мышкой был щенок.

Некоторое время я бежал вместе с ними, а потом остановился. За нами остался след из примятого папоротника, сломанных веток, отпечатков ног на влажной почве. Если Харальд Рыжий со своими воинами не сможет остановить нападавших, они придут грабить усадьбу хёвдинга. И тогда найдут следы, пройдут по ним и захватят женщин и детей.

Сейчас мы находились на ровной местности в бухте залива, заросшей лесом. Всего в нескольких полетах стрелы от нас возвышался горный кряж, служивший своего рода границей между торжищем и необжитыми землями. Разбойники не уйдут далеко от берега, подумал я. Вряд ли они захотят отдаляться от своего корабля.

Вначале я попытался докричаться до других. Надо поворачивать, надо подняться на кряж. Эти слова изменили что-то во мне. Теперь я думал не как раб, а как мужчина. Я спасу женщин и детей хёвдинга и уведу их в безопасное место. Не помню, надеялся ли я, что Харальд Рыжий в благодарность дарует мне свободу, или я просто боялся остаться один. В любом случае, с тем же успехом я мог ничего не говорить, ведь они не услышали меня. Будто стадо напуганных оленей, они не видели и не слышали ничего вокруг.

Мы с Фенриром поднялись на кряж. Там я взобрался на сосну и принялся наблюдать за тем, что творилось на торжище. Боевой корабль нападающих по-прежнему стоял у разби-

тых причалов. Несколько мужчин кидали в него какие-то предметы. Кажется, это были ковры, шкуры, мешки с зерном. Один поднял руку к солнцу, и в ладони что-то блеснуло – золото или серебро. Кажется, это был кубок или большая кружка. На таком расстоянии разглядеть было трудно. Я услышал чей-то крик. Голос был мужским, но я никогда не слышал, чтобы человек издавал такие звуки. Я понял, что слышал предсмертный вопль человека. Потом крики стали тише, перешли в страдальческий плач, а затем все стихло.

Я остался на дереве. Спустя некоторое время я попытался слезть, но опять почувствовал оцепенение, руки и ноги не двигались, и мне оставалось только сидеть на той сосне. Я видел, как воины обыскивают дома. Один из них пришел на двор к Хальвдану, долго рассматривал мою лодку, а затем пинком открыл дверь и зашел в дом. Он там пробыл недолго, вскоре воины начали собираться внизу, у пристаней. Двое волокли кого-то, должно быть, раненого. Его вынесли на причал, сначала я решил, что это один из них. Но они затащили его на корабль и накинули на шею петлю. Двое ухватили его за руки и поставили лицом к мачте, а третий подошел с длинным ножом в руках.

Когда нож вошел в его спину, пленник закричал. Он призывал Одина, и я узнал этот голос. Это был Харальд Рыжий. Крик перешел в хриплый вой и вдруг оборвался. Он висел на веревке, а нападавшие рубили и полосовали его спину. Затем они вывернули что-то красное из спины, его повесили за шею, и он задергал ногами, еще живой. Воины на палубе подняли над головой топоры и издали протяжный вопль:

– О-о-о-у-у-у, о-о-о-о-у-у-у!

Я слез с дерева, повернулся спиной к торжищу и пошел дальше, вверх по кряжу. Здесь почва была каменистой, так что я мог идти не оставляя следов. Добравшись до верхушки кряжа, я остановился и обернулся. Разбойники поймали лошадей. Они уже ехали вверх по дощатой улице. Всем лошадям не досталось, поэтому остальные следовали за всадниками пешком. У каждого в руках был десяток факелов, и они поджигали по дороге крыши домов.

Дом Хальвдана тоже подожгли, а потом разбойники скрылись в лесу. Тропинка выведет их к усадьбе хёвдинга, а оттуда им будет легко пойти по следам женщин и детей. Скоро они вернуться к кораблю с добычей и новыми рабами.

Я продолжил свой путь. Нужно было уйти отсюда не оглядываясь. Если кто-то на торжище и выжил, они решат, что меня тоже убили, что тело сгорело в доме. Или что меня увели в рабство и увезли далеко-далеко. Никто и не вспомнит обо мне. Если только мне удастся скрыться, я обрету свободу.

Вдруг я ударился ногой о корень и упал. Быстро вскочил на ноги, но дальше не пошел. Серебро. Сундук Хальвдана надежно спрятан. Может, они и не нашли его.

Я повернул обратно к заливу. На корабле оставалось двое воинов, больше я никого не видел. Если только у меня получится пробраться в дом, пока они не вернулись, жизнь моя переменится. Ведь в сундуке лежало не только серебро. Там были шлем и кольчуга, а еще парус. Как я слышал, такой парус стоил не меньше, чем корабль. Если я смогу его унести, да вдобавок избавлюсь от ошейника, я уже не буду мальчишкой-рабом. Я стану свободным и богатым, богаче многих. Я смогу отправиться по западному пути на поиски Бьёрна.

Я побежал к торжищу, но вскоре остановился. На меня вновь накатил ужас, я представил себе искореженное тело Харальда Рыжего, как оно болтается на мачте, и решил повернуть обратно. Но, может, отец нашептал мне из Асгарда, что это мое испытание, что боги хотят посмотреть, что я за человек. Кто я – рабская душонка или воин? Фенрир уже пробежал вперед по склону и ждал меня.

Когда я добрался до торжища, почти все дома пылали. Я пробирался, прячась за деревьями, и вскоре оказался у двора Хальвдана. Его дом тоже был в огне, но мне показалось, что пламя еще не полностью охватило стены. Я не заметил во дворе ни души, на улице тоже никого.

Вначале я укрылся за своим корабликом и вновь бросил взгляд вниз по улице. По-прежнему никого. Я рванул в дом. Там клубился густой дым, нужно было торопиться.

Фенрир остался в дверях. Он скулил от испуга. Я и сам боялся, в лицо ударил жар. Хальвдан лежал точно так же, как я оставил его, грабители его не тронули. Все остальное в хижине было перевернуто. Кружки и миски валялись на полу, одеяла и инструменты разбросаны. Но стол они не тронули, а шкура, скрывавшая крышку сундука, оставалась на месте.

Я откинул крышку. Все лежало как и раньше. Мешочек с серебром, шлем, кольчуга, топор, а в самом низу – сложенный парус.

Поднять сундук было невозможно, он был слишком тяжелый, так что я завернул все добро в шкуру и выволок ее во двор. Глаза ел дым, я задыхался. Крыша затрещала, пламя взметнулось вверх. Спиной вперед я вывалился наружу и плюхнулся на зад. Фенрир залаял. Я протер глаза и собрался было вытащить шкуру, но тут увидел, как кто-то стоит прямо надо мной. Над головой просвистело что-то блестящее, я едва успел увернуться. Воин поднял топор и примерился для следующего удара. Я поднялся на ноги, и, когда он взмахнул топором, метя мне в живот, я успел отскочить. Но топор вернулся как маятник, воин взмахнул тыльной стороной топора и ударил меня в бедро. Толчок сбил меня с ног.

Поначалу я не почувствовал боли. Видел только воина, его усмешку в зарослях золотисто-пшеничной бороды, грубые грязные пальцы, обхватившие топориче. Я подался назад и, поскольку другого пути не было, ввалился в горящий дом.

Помню, что по щекам текли слезы. Сквозь дым я видел воина снаружи. Фенрира я не видел и не слышал. Не слышал ничего, кроме воя пламени.

Не знаю, что за мысли проносились в моей голове в то мгновение. Думаю, что мне на ухо нашептали боги, иначе как бы я обрел мужество сделать то, что сделал? Вот я поднимаюсь на ноги. В руке у меня топор из сундука Хальвдана. Меня опаляет жар пламени, ослепляет дым. Но я по-прежнему вижу угрожающую тень снаружи, и вдруг бросаюсь вперед. Налетаю на него. Вонзаю топор ему в лицо, еще и еще. Он уже лежит навзничь подо мной, а я сижу на нем верхом, бью топором, пока лицо не исчезает в крови, а борода не превращается в кровавый клубок. Я возвращаюсь в хижину, едва замечая жар, и выволакиваю шкуру. Потом облачаюсь в старую кольчугу Хальвдана, надеваю на голову шлем и заворачиваю в парус мешочек с серебром и окровавленный топор. Вдруг слышу приближение множества людей. Я их вижу между деревьями, они ведут женщин из усадьбы. У них связаны руки, на шеи наброшены веревки.

Я быстро подхватываю парус и убегаю.

6 Свобода

Я видел, как разбойники уплывали, увозя своих пленников, но не осмеливался вернуться на торжище, пока не минуло два дня. Я оставался в лесу. Когда они обнаружили убитого мной, то разразились злобными криками, я слышал, как они вопили там, между пылавшими домами, и похромал вглубь леса, лицо и руки по-прежнему были в крови. Я так испугался, что намочил штаны. Но вскоре я увидел, как они волокут вниз, к кромке воды, какого-то бедолагу, окружают его и забивают до смерти. Вероятно, это был последний из выживших на торжище. Они, пожалуй, решили, что это он убил их брата по оружию, и это спасло мне жизнь.

Когда они уплыли, воцарилась тишина. Я помню, как на следующий день небо заволокло сизыми тучами. Над заливом ударила молния, в небо, крича и хлопая крыльями, поднялись стаи ворон и чаек, но потом они снова вернулись пировать на трупах. Даже вверху, на сопке, мне чудился этот запах, запах крови, кишок и намочших под дождем головешек. Но хуже всего была тишина. Когда к вечеру следующего дня дождь перестал, вокруг стало так тихо, будто весь мир остановился. Не было ни шелеста ветра, ни звука зверей или людей. Я стоял под мокрой сосной и смотрел, как на залив надвигается темнота, и меня охватывало удивительное оцепенение. Я вдруг подумал, действительно ли я остался жив, или я просто призрак, еще не понявший, что его жизнь так рано оборвалась.

В эти дни у меня распухло бедро. Поначалу ничего толком не ощущалось, но утром третьего дня, когда я поднялся, меня пронзила резкая боль. Обух топора оставил на правом бедре почти квадратный, иссиня-черный отпечаток, кожа онемела.

Кольчугу я носил не снимая. Конечно, она была мне великовата, но так я чувствовал себя уверенней. Теперь я надел и шлем, взял топор, парус и кошелек и начал спускаться по склону. Страх, угнездившийся во мне за последние дни и подтачивающий силы, начал потихоньку исчезать, и я почувствовал голод. Мне надо раздобыть лук и стрелы, чтобы поохотиться.

Пока я шел, нога раздувалась все больше, даже через ткань это было заметно. У подножия кряжа мне стало так больно, что пришлось вырубить палку и идти, опираясь на нее. Так я пробирался сквозь лиственный лес, пока мы с Фенриром не оказались на опушке у двора Хальвдана.

Все поселение превратилось в пепелище. Торчали только обгорелые балки. Причалы разрушены, у рыбацких лодок пробито дно. В воде плавал труп, на его груди сидели чайки и выклевывали плоть. Среди головешек я тоже увидел трупы: женщины, мужчины, дети. Над ними уже попиروвали птицы и хищные звери, из животов вывалились кишки.

Мой кораблик высился, как и прежде. Похоже, его они не тронули. Форштевень повернут прямо к морю, и весь он был овеян какой-то гордостью, бесстрашием.

Во дворе я не задержался. Забрался в шнеку, ведь я помнил, что оставлял там тесло. Я прихватил его и отправился обратно в лес, а там срубил толстую ветку и наспех вытесал из нее грубую рукоятку. Теперь в одной руке я сжимал топор, а в другой была палка. Чтобы уехать отсюда, мне нужна лошадь. Возможно, наверху, у усадьбы, осталась еще хоть одна.

На тропинке в лесу я натолкнулся на янтарщика. Он лежал в зарослях папоротника, недалеко от того места, где я видел его в последний раз. Старик лежал навзничь, мертвый взгляд открытых глаз прикован к листовым кронам. Живот был разворочен, кишки выедены. В этом лесу водились и лисы, и волки, должно быть, именно они попиروвали здесь. Но руки ему отрубили вовсе не хищники.

Мгновение я постоял, глядя на него. Казалось, что в лесу по-прежнему гуляет эхо его криков. Я не мог понять такой жестокости. Если они пришли, чтобы убивать, почему они не

убили быстро? Зачем вырывали легкие у Харальда Рыжего, зачем отрубали руки старику? Для того, чтобы нагнать ужаса на других, или им просто нравилось такое?

До самой усадьбы меня преследовал образ изуродованного старика. Куда ни глянь, везде натолкнешься на жестокость – думал я. Она разлита в земле под моими ногами, ею дышит легкий ветерок, колыхающий ветки берез. Повсюду стоял тяжелый запах крови, вонь вырванных кишок и терпкого страха. Надо как можно быстрее убираться из этого места.

Лошадей в усадьбе я не нашел. Все строения превратились в головешки. Я пошел по следам в лесу и вскоре услышал хриплые крики сорок и ворон.

Некоторое время я бродил между трупами. С них сорвали пояса и браслеты, сняли обувь. Фенрир заинтересовался какими-то красными ошметками и быстро их сжевал. Я не мешал ему, но разглядывать, что это такое, мочи не было.

Вскоре я вернулся на торжище. Прошел по дощатой улице до берега и долго стоял у кромки воды, разглядывая искореженное тело Харальда Рыжего, плавающее среди разбитых досок. Легкие у него уже выели, болтались лишь несколько лоскутов.

С трудом оторвав взгляд от мертвого хёвдинга, я вдруг заметил мешок с зерном. Он валялся у сторовшей кузни. Мешок порвался, из прорехи зерно просыпалось на землю.

Я захромал к нему, упал на колени, ладонями сгреб зерно и начал торопливо жевать. Воду-то было не так трудно найти, в лесу встречались ручейки, а вот еды я не видел больше двух суток.

Насытившись, я пустым взглядом уставился на пепелище. Наверное, я слишком долго пробыл в рабстве, так что мысль, что я наконец свободен, никак не доходила до сознания. Но когда я поднялся, тяжесть рабского ошейника показалась нестерпимой. Обернувшись, в обгорелых развалинах кузни я увидел наковальню, большой грубо вытесанный камень.

Помню, как я положил голову на наковальню и начал бить по ошейнику обухом своего топора. С каждым ударом я не мог удержаться от крика, топор рвал кожу на щеке, но я не останавливался, пока не почувствовал, что стержень, скрепляющий мой ошейник, выпал из замка. И вот я поднимаюсь на ноги, а ошейник падает. Я свободен. Это было чувство невероятной легкости. Даже сегодня я помню ветер, погладивший шею там, где раньше был ошейник. Я стою на пепелище кузни, а он лежит у ног. Ветер взметнул пепел, я повернулся к своей лодке, так гордо вздымающей форштевень на дворе Хальвдана.

В этот момент я перестал быть ребенком. Я до сих пор помню, как руки вдруг налились силой. Я по-прежнему хромал, едва волочил ноги, но нисколько не колебался. Добравшись до нашего двора, я быстро вырубил несколько круглых поленьев, положил их перед носом лодки на расстоянии руки друг от друга, они были такими же, как дубовые колоды, на которых покоился киль судна. Затем я уперся ногами в землю, налег плечом на штевень и толкал до тех пор, пока больная нога не подломилась. Лодка не сдвинулась ни на пядь. Какое-то время я продолжал стоять, прислонившись плечом к штевню, и думал, может, мне лучше податься в лес? Но куда мне идти? На шее остались отметины рабского ошейника, люди подумают, что я сбежал. А что, если кто-то с торжища уцелел и я столкнусь с ними? Тогда я вновь почувствую тяжесть железа на шее. А может быть, и острое топора.

Я собрал все свои силы и толкал, пока в глазах не потемнело. Но вот, когда я уже готов был сдаться, лодка сдвинулась.

Весь тот день я толкал лодку вниз по дощатой улице. Когда она наконец соскользнула в воду, опухоль на ноге стала с кулак величиной, а я трясся как в лихорадке. Лицо тоже опухло и кровоточило там, где я поранился о топор, пока сбивал ошейник, но я не хотел останавливаться, пока не покину это место. Может, мне следовало остаться на пару дней, как следует подготовиться к путешествию, но я не мог думать ни о чем другом, кроме как о свободе. Я сложил кольчугу, серебро, парус и топор, насыпал зерно в шлем и поднял на борт Фенрира, а

затем вскарабкался в лодку и сам. В верхних досках обшивки вырубил пару выемок и вставил туда весла. А потом уплыл из гавани в ночь.

В ту пору мы не исчисляли года так, как это принято среди христиан. Время мы отмеряли поколениями, да еще считали, сколько зим прошло с каких-то важных событий – битв или гибели вождей. Но позднее, когда люди спрашивали меня, когда я в первый раз уехал со своей родины, я отвечал, что это случилось в 994 год от Рождества Христова. Всего год спустя родился Олав Харальдсон, но до него был другой Олав, во имя Христа поднявший меч на древние роды Норвегии. Всего за несколько лет до наступления нового тысячелетия Норвегия изменилась навсегда.

В ту первую ночь я греб очень долго. Моей лодкой мог управлять и один человек, и теперь, в воде, она казалась гораздо меньше, чем на суше. Крутая волна могла без труда перехлестнуть за борт, а ширина была такая, что я мог достать до обоих бортов вытянутыми руками. Не думаю, что Хальвдан собирался переплыть на ней море, он хотел идти вдоль побережья Северного моря и так достичь английских островов.

На рассвете я был уже далеко, и суша превратилась в серую полосу на горизонте. Нога разболелась по-настоящему, опухоль посинела. Пить хотелось ужасно, ведь в спешке я позабыл набрать в дорогу воды. Я и мачту забыл, но хуже всего была жажда. Так что я направился к берегу, хотя все это время меня мучал страх: а вдруг люди, напавшие на торжище, заметят меня? Если наши пути пересекутся в море, они тут же меня поймают.

Северный ветер и прилив подгоняли мою лодку на юг, так что я доплыл до суши только к вечеру. Я нашел мелкую бухточку и причалил к песчаному берегу. Фенрир быстро умчался за деревья, а я похромал за ним, в надежде, что он, как и я, хочет найти воду, и не ошибся. Вскоре я нашел его, он стоял в ручье. Я лег на живот и напился, а надо мной северный ветер шелестел листьями. Казалось, что деревья перешептываются. Порыв ветра налетел на осины, ветки согнулись, будто руки, пытающиеся удержаться друг за друга.

Там мы с Фенриром и заночевали. Мне и в голову не приходило, что прилив может унести нашу лодку. Я лежал на спине у ручья, подо мной мягко пружинил мох. Я до сих пор помню ощущение, что лес присматривается ко мне, что это живое существо, позволившее мне отдохнуть там, у ручья, что осины наблюдают за мной и перешептываются, обсуждая побег мальчика-раба и обретенную им свободу. Закрыв глаза, я слышал отцовский голос. Он повторял названия далеких земель, которые раньше казались такими же чужими и удивительными, как и Асгард или Ванахейм. Я вновь видел, как заглубивший палец отца выводит линии в золе у очага. Северное море... Море, соединяющее королевства северных народов. На востоке живут норвежцы, гёты, обитатели Сканей, свеи и даны. На западе Дании шли песчаные отмели, ровная местность тянулась на несколько дней плавания. К юго-западу на том побережье была земля фризов, а потом – королевство Хрольва Пешехода, вождя, которого прогнал из Норвегии Харальд Прекрасноволосый. Всего лишь узкий пролив отделял эту землю от Англии на севере. А сама Англия делилась на несколько королевств. Отец разделил линиями очертания острова на золе. На юге располагался Уэссекс, Восточная Англия и город Люнденбург, он был построен на широкой реке, и купцы там бывали богаче ярлов. К северу от Уэссекса и Восточной Англии простиралась Мерсия, когда-то ее восточная часть принадлежала данам, но теперь она вновь объединилась под английским владычеством. К северу от Мерсии было еще несколько мелких королевств, одно из них – Нортумбрия, а на самом севере простиралась страна, которую часто называли Альба, но народ, живущий там, звал ее Шотландией, страной скоттов. Однако это еще не всё. На западе был еще один остров. Ирландия принадлежит Норвегии, рассказывал отец, а его отец как-то упомянул, что там живет его сводный брат.

В водах, омывающих Англию, было разбросано несколько островов, принадлежащих норвежским хёвдингам. Южные острова и остров Мэн в море между Ирландией и королевствами скоттов и англов, а к северо-востоку от Шотландии – Оркнейские острова и Хьяльта-

ланд. Отважные мужи на хорошем корабле могли с попутным ветром добраться до Исландии, а к западу от нее была Гренландия, где можно было нажить богатство охотой на моржей.

Когда я проснулся, нога болела еще сильнее и ступить на нее было невозможно. Но я добрался до своей лодки и выплыл в море. Когда день клонился к вечеру, я заметил на берегу усадьбу. К тому моменту я устал грести и понимал, что, если хочу плыть дальше, мне сначала надо раздобыть еды и бочку с водой. Я почти доплыл до каменистого берега, но вдруг испугался. Торжище еще было близко. Меня могли узнать, здешние жители наверняка торговали в Скирингсале. Так что я поплыл дальше.

Еще ночь и день на веслах. На рассвете жажда заставила меня пристать к берегу. В шлеме у меня была вода, но большую часть вылакал Фенрир. Я не знал точно, где нахожусь: либо у южной границы Вестфольда, либо на северо-восточной границе Гренланда – в любом случае всего в полудне пути от торжища. Но терпеть дальше не было сил. Я то и дело оглядывался в страхе, что разбойники меня заметят. Кроме того, я уже перестал чувствовать ногу. Отек не рос, но и не спадал, а болезненно-синеватое пятно стало расплзаться вниз по ноге, и это меня пугало. Я слыхивал о ранах, от которых начиналось воспаление. Бьёрн мне рассказывал об одной старухе, которая жила в усадьбе у нас дома, она была однорукой. Лошадь укусила ее за большой палец, воспаление от раны распространилось, и ей пришлось отрубить всю руку целиком.

Я плыл вдоль побережья, пока не заметил какие-то дома, и погреб к ним. Подплыл к бревенчатому причалу, у которого уже стоял маленький кнорр. У конца причала стояли двое мужчин, держа луки. Тетиву они не натягивали, но у каждого в руке были по три стрелы, и они не спускали с меня глаз, пока я подтягивал лодку к причалу. Веревки у меня не было, так что я стоял и держался за доски причала. Но ветер подхватил мою лодку, а больная нога подломилось. Я как упрямый глупец не разжал рук, лодку погнало прочь, и я свалился в воду.

Меня вынесли на берег и устроили у очага в главном доме. Челядь собралась вокруг, ко мне подошла седоволосая женщина с большой связкой ключей у пояса. Она протянула мне мой кошелек и спросила, откуда я взял это серебро. «Я его заработал», – ответил я. От моих слов люди вокруг очага засмеялись, но женщина осталась серьезной. Она встала на колени рядом со мной и протянула Фенриру ладонь, успокоив маленького песика. Она почесала его за ухом и вдруг откинула мне волосы с плеч. Тыльной стороной ладони она дотронулась до шрамов у меня на шее, следов рабского ошейника.

Меня так и не спросили, откуда я сбежал. Может, они решили, что не стоит меня пока пугать. Когда женщина увидела мою опухоль, с меня сняли штаны, и она озабоченно покачала головой. Потом вытащила нож, висящий у пояса. Она калила лезвие в пламени, а работники прижали меня к земляному полу и закрыли глаза.

Она надрезала опухоль, и я закричал. Потом она прижимала бедро, так чтобы вытекла кровь, скопившаяся внутри. Она сказала, что мне повезло, перелома нет. Я молод – улыбнулась она. Косточки еще не затвердели, это меня и спасло. Теперь мне надо отдохнуть. Обо мне позаботятся, бояться нечего.

Меня оставили у очага, накрыли одеялом, накормили мясным супом и дали воды. Вскоре пали вечерние сумерки, и жители усадьбы потянулись в дом. Здесь, в длинном доме, вдоль стен по обыкновению тянулась скамья. Вскоре меня перенесли на нее, а местные расположились у огня. Они так долго сидели, тихонько переговариваясь и запекая рыбу. Один держал в руках мое тесло, другой разглядывал боевой топор. Иногда они поворачивались и смотрели на меня, а я лежал, обняв Фенрира, и боялся пошевелиться.

Улеглись все рано. Эти люди жили тем, что дарила земля, а сейчас ночи были короткими, а дни долгими. На рассвете одни отправлялись в поля, другие – в лес, проверять ловушки и охотиться, а третьи – на море, рыбачить.

Когда все уснули, я подполз к очагу и забрал топор и тесло. Кошелек и след простыл, так что я тихо выбрался из длинного дома. Было прохладно, ярко светила луна. С севера дул легкий ветерок и гнал зыбь по воде. Моя лодка была привязана к причалу. Там же стоял и кнорр местных.

Я поднялся на ноги, похромал к причалу вместе с Фенриром и забрался в свою лодку. Сразу было видно, что местные побывали на борту и попользовались моим добром. Парус с торжища исчез. Не смог я найти и кольчугу со шлемом. Помню, как стоял в лунном свете и с ненавистью смотрел на усадьбу, но вдруг я заметил гик на кнорре. К нему был привязан парус. На корабле были четыре бухты каната и маленькая бочка.

Вытащить мачту мне не удалось, она была прочно забита в днище и закреплена с двух сторон сильно натянутыми канатами. Но отвязать гик и ослабить фал не заняло много времени. Я перекинул канаты в свою лодку и прихватил бочку. Затем я посадил на борт Фенрира, отвязал швартовы и уплыл.

Позже в тот день я опять пристал к берегу. Почти весь день провел, пробираясь между деревьями со своей бочкой, хромая и спотыкаясь, пока наконец не набрел на ручей. В бочке было полно рыбьей слизи, но я выполоскал ее дочиста, а затем наполнил водой. Большую часть этой воды я расплескал, пока тащил бочку обратно к лодке, но на небе уже собирались темные тучи, и я подумал, что меня заметил сам Тор и решил даровать мне пресную воду.

Канат я распустил и сплел рыболовную снасть, из вилочковой кости дохлой чайки смастерил крючок. Для приманки собрал горсть ракушек, срубил ровную березку и установил ее вместо мачты. Натянул штаг, ахтерштаг и ванты. Мне неоткуда было взять блок для поднятия гика, так что на верхушке мачты я закрепил веревочную петлю, через которую пропустил фал. Затем закрепил на ахтерштевне весло на петле, так чтобы у меня было и рулевое весло. Когда я наконец поднял парус, его тотчас же подхватил северный ветер и погнал мою лодку прочь от берега.

На востоке, в нескольких полетах стрелы, я заметил парус. Но, должно быть, корабль шел другим курсом и вскоре исчез за горизонтом.

7

Островное королевство

Отец рассказывал нам, мальчикам, о странах на юге. Он поведал о жадных конунгах, о кровожадных диких племенах, об ордах всадников, нападавших на всех без разбора. Поведал он и историю о конунге франков, Карле, который сначала обратил в христианство пять тысяч саксов, а потом велел их всех зарубить. Даны построили Даневирки как раз для того, чтобы защитить свою страну от франков. Эти укрепления шли через всю Ютландию. Южане живут под властью своих повелителей как рабы, говорил отец. У них нет тингов, на которых встречаются и договариваются свободные люди и на которых можно заявить на суде о несправедном деянии и получить виру. На материке правили конунги. А поскольку они ненасытно алкали все новых земель, люди в тех краях не знали мира.

Я знал, что между дикими племенами на юге и более цивилизованным севером проходит граница. Она шла вдоль Даневирки, а оттуда вдоль побережья к Валланду. Там было норвежское королевство, и, по моему разумению, именно это королевство не позволяло южанам пересечь канал и напасть на Англию.

Английские королевства были поделены между многими конунгами и ярлами, рассказывал отец, но норвежцев хорошо встречали во всех этих королевствах. Были там и земли, где обитали норвежцы, как в Валланде. Отец поведал, что народ начал селиться на этих западных землях из-за бесчинств Харальда Прекрасноволосого и его родичей; Норвегию покидали целыми кланами. Но то были знатные люди. Они выстроили себе большие усадьбы, владели боевыми кораблями, набирали дружины, и вскоре я сам убедился, что изгнанники-норвежцы обрели власть не меньшую, чем ярлы дома, в Норвегии. На западе люди владели такими богатствами, какие я и представить себе не мог, а еще там был один человек, морской король, обративший взоры к родине своих предков.

Помню то мгновение, когда Норвегия исчезла за горизонтом и я впервые оказался так далеко в море, что не видел вокруг себя ничего, кроме воды. Моя лодка не предназначалась для открытого моря, и я прекрасно понимал, что, если поднимется шторм, мне придет конец. Но меня манила свобода там, в дальних краях, и мучал страх, что меня поймают и вновь сделают рабом; такая участь пугала сильнее, чем опасность утонуть. На западе, на английских островах, никто меня не узнает, там можно жить в безопасности. Так что я взял курс на запад. Помню, что поначалу дул северный ветер, он относил лодку к берегам Дании. Но потом ветер поменялся, подул с востока и погнал лодку в Северное море. Солнце всходило у меня за кормой, а ночью над правым плечом светила Северная звезда. С таким ветром я надеялся, что доплыву до Англии, прежде чем иссякнет пресная вода. Нога по-прежнему ныла, но, когда я ложился на дно лодки, а ногу клал на планширь, боль утихала; еще становилось легче, когда я лил на опухоль соленую воду. Боль напоминает человеку, что он еще жив, – так учил меня отец. И, наверное, я только теперь в полной мере осознал почти невероятное: я выжил в боине на торжище, своими руками убил викинга в полном вооружении и отвоевал свободу.

В первые дни на море эта мысль опьяняла. Меня наполняла невыразимая радость, и тогда боль как будто забывалась. Я рыбачил, делился сырой рыбой с Фенриром и поглядывал назад, размышляя, что никогда больше не вернусь в Норвегию. Теперь там остались только горькие воспоминания.

Но вскоре радость угасла. Должно быть, это произошло, когда я был уже на полпути к Англии: в первый раз в своей жизни я испытал беспричинную тоску. Тогда я не понимал, что со мной происходит. Позже мне рассказали, что такое случается, когда мальчик или девочка вступают в возраст зрелости, а я как раз достиг этих лет. В промежности и под мышками стали

пробиваться волосы, руки и плечи наливались силой. Я видел, как мой брат превратился из мальчика в мужчину всего за одно лето и осень, а теперь настал мой черед. Но у меня все началось иначе, и это было предвестием того, что стало проклятием всей моей жизни. Я проснулся, охваченный невыносимым ужасом, лежал и чувствовал, как ломит ногу. Ощущал, как лодка покачивается на волнах и смотрел на тучи, проплывающие по серому небу. Видел, как хлопает парус, но был не в силах подняться и сделать что-нибудь с ним. Долго я так лежал, охваченный чувством одиночества и удивительной горечи. У меня всё отняли. Для чего мне жить? Сбежавший раб с хромой ногой, беглец, изгнанный с родины своего отца. Куда бы я ни приплыл, люди увидят шрамы у меня на шее и всё поймут. Они опять наденут на меня рабский ошейник или вообще убьют в наказание за побег.

Какое-то время я представлял себе, как просто лежу и плыву по воле ветра и волн, пока какая-нибудь волна не перевернет мою лодку или я не умру от жажды. Может, я бы так и не двинулся с места, если бы не Фенрир. Маленький колченогий песик провел ночь, свернувшись у меня на руке, но сейчас он подошел к бочке с водой, ткнул ее носом и заскулил.

Позже я не раз думал, что в тот день он меня спас. Дело не только в том, что я поднялся на ноги ради него, ведь когда я посмотрел на море, я заметил, что к нам скользят несколько китов. Похоже, это была стая молодых бычков, как их называем мы, моряки, и они, кажется, приняли меня за своего соперника, отдыхающего на поверхности воды. Я быстро спустил парус и уселся на среднюю банку, подняв весла. Киты оказались прямо рядом с бортом лодки, один из них посмотрел на меня одним глазом, почти человеческим, а потом выпустил в воздух струю воды и пихнул лодку носом. Я опустил весла в воду, и трое бычков ушли под воду. Помню, у меня промелькнула мысль: они вовсе не чудовища, как мне когда-то рассказывали. Они могли разбить мою лодку одним ударом хвоста, но поняли, что я в их мире чужой и не желаю им зла, и пощадили меня. Эта мысль лучом света прогнала мою тоску, и, хотя страх перед грядущим меня не покинул, я по крайней мере пришел в себя. Я напоил Фенрира, напился сам, поднял парус и забросил рыболовную снасть.

Поначалу ветер пригнал мою лодку к северному побережью Шотландии. Здесь берег был крутым, я не увидел ни одного места, где можно было бы причалить, а ветер тащил меня дальше на север. У северной оконечности течение оказалось таким сильным, что я бы и не смог повернуть на запад, впрочем, мне этого и не хотелось – небо в той стороне заволочило грозowymi тучами. Но вот на севере появились очертания нескольких островов. Я еще не знал, где оказался, но вода у меня закончилась, а живот подводило от голода. Нужно было причаливать как можно скорее, а добраться до островов на горизонте казалось легче, чем причалить к обрывистому берегу.

Иногда течение у Оркнейских островов может быть очень сильным, но в тот раз мне повезло. Тем вечером море было спокойным, дул устойчивый ветер с юго-запада. Я сидел на кормовой банке и вглядывался в странные очертания берегов. Здесь не было гладких, покатых скал, к которым я привык дома. Казалось, будто эти острова когда-то построили великаны. Они нагромодили друг на друга темно-бурые каменные плиты, и именно из таких плит были созданы острова и шхеры, между которых я плыл. Здесь обитали тысячи морских птиц, я видел их гнезда на выступах скал. На камнях отдыхали тюлени, их были сотни. Заметил я и маленьких китов, похожих на тех, что водились в Норвегии. Они скользили под носом моей лодки. Деревьев не было, местность казалась пустынной. Некоторое время я плыл между островами, не понимая, куда я попал. Неужели здесь никого нет, кроме меня? Я надеялся, что это так, но вскоре заметил какие-то белые пятна у кромки воды. Подплыв поближе, я увидел, что это овцы. Они стояли на берегу и жевали водоросли.

Я обогнул мыс и оказался в широком заливе. В глубине залива, на берегу, вырисовывались очертания длинного дома, крытого торфом, на фоне зеленых деревьев. Дом стоял на

верхушке холма, и не успел я подплыть ближе, как увидел двух людей, вышедших из дома и направляющихся к берегу, где стояла лодка.

Они столкнули лодку на воду и взялись за весла. Я было решил повернуть и плыть обратно, но тут же понял, что не смогу скрыться от них, плывя против ветра и течения. Так что я остался сидеть на кормовой банке, держа прежний курс, и вскоре они оказались рядом со мной. Это были высокие худые мужчины, облаченные в поношенные кожаные туники. Они сидели рядом на средней банке, каждый греб одним веслом. Волосы и бороды у обоих были темными, но один будто перерос свои волосы, так что на макушке появилась лысина.

– Кто ты? – спросил лысый, выговаривая слова так, как обычно у нас на западе. Он пихнул своего соседа, и тот быстро зацепил весло у моего ахтерштевня, так что две лодки сошлись вплотную.

– Я – Торстейн.

Лысый ухватился за правый вант моей лодки и заметил Фенрира:

– Смотри-ка, собака. Она больна?

– Нет, – сказал я. – Просто такая.

– Ты откуда?

– Из Норвегии.

– И ты доплыл на этой крошечной лодочке?

– Да.

– А где остальные?

– Я один.

Лысый заметил шрамы у меня на шее. Он опять пихнул соседа, указал на них и что-то прошептал ему на ухо, а потом опять повернулся ко мне:

– Так ты говоришь, из Норвегии? А откуда именно?

– Вингульмёрк в Вике.

– Вингульмёрк? Разве им не владеют даны? Но ты говоришь не так, как даны.

– Ну да...

– Ты, видно, совсем замерз. Сбился с пути?

Я не ответил, не имея представления о том, куда попал. Двое гребцов внимательно меня разглядывали.

– Скоро начнется прилив, – сказал лысый. – Давай, причаливай.

Я поплыл за ними к берегу и привязал свою лодку к шесту, воткнутому в песок. Затем последовал за гребцами в длинный дом. Здесь меня встретил белобородый старик, назвавшийся Гримом и сказавший, что я приплыл в усадьбу Грима, Гримсгард. На стол выставили воду, лепешки и вяленую рыбу, и не успели мы прожевать первый кусок, как Грим стал меня расспрашивать, куда я плыву и как звали моего отца. Последний вопрос был обычным у людей на западном пути, у всех в Норвегии оставалась родня, так что всегда была вероятность, что чужак окажется дальним родственником. Но я тогда не знал этого обычая и испугался: отец ведь в молодости участвовал в распрях, возможно, он и здесь побывал. Кто знает, может, он сражался с родичами и друзьями этого старика, а может, и с ним самим.

Так что я ответил, что не знаю своего отца. В ответ Грим пробурчал: «В том срама нет». Но он перевел взгляд на мою шею, заметил шрамы и понял, что я – беглый раб.

Двое гребцов оказались сыновьями Грима, их звали Хакон и Харек. Они показали мне всю усадьбу. Таких мест, как это, я еще не видывал. Трава была густой, зеленой и походила на ковер, но я не увидел ни одного дерева, а на плоской местности не было ни одного укрытия от ветра. Поднимался прилив, овцы ушли с берега и паслись на траве. Было здесь и несколько лошадей, коротконогих, с густой шерстью.

Гримсгард располагался в середине островного королевства, на самом большом острове, который назывался Россэй. Здесь было больше всего людей. Залив, в который я приплыл, делил

остров на две части, и всего в нескольких полетах стрелы к северу от усадьбы находился еще один залив. Там была главная гавань с длинной каменной пристанью, а на большой площади с костровищем стояло несколько домов. Остальные островитяне жили в своих усадьбах, построенных в основном на берегу залива, как и Гримсгард. В самых теплых уголках острова распахивали поля, и колосья клонились под ветром, но на этих островах урожай никогда не был богатым.

Когда я спросил, куда же все-таки попал, Харек, тот лысый, подпер кулаками бока, окинул взглядом свою землю, и в этой высокой, тощей фигуре вдруг появилась уверенность и гордость. В нем не было страха, и рука не тянулась к топору или мечу на поясе. Никогда не видел человека, исполненного такого спокойствия.

– Оркнейи, – ответил он. – Ты приплыл на Оркнейи.

На Гримсгарде я провел много дней, и, хотя кое-кто на острове и шептался о беглом рабе, никто не спрашивал меня о моем прошлом. Но об одном Грим все же спросил в первый же вечер, когда мы сидели за длинным столом: он хотел знать, обучен ли я какому-нибудь ремеслу. Должно быть, белобородый заметил мозоли у меня на ладонях. Я ответил не скрывая, что учился работать по дереву, могу мастерить и луки, и лодки. Я был учеником корабеля, заявил я, и это в какой-то мере не было ложью.

Заканчивался пятый месяц года. То, что я оказался на Гримсгарде весной, было большой удачей, ведь для людей, затерянных в море, это хорошее время. Зимой меня вряд ли встретили бы с таким же гостеприимством, каждый кусок тогда был на счету, ведь море часто штормило, и рыбачить становилось опасно. Но Грим и его домочадцы приняли меня так радушно не только из-за времени года. Той зимой Харек и Хакон попали в шторм и напоролись на скалу. Ран пощадила их, они выбрались на берег, но их лодка, маленький рыбачий кнорр, получила пробоину. Харек, хороший пловец, доплыл потом с веревкой до поврежденного судна и дотянул ее до берега, и Грим теперь счел большой удачей, что я, беженец из старой доброй Норвегии, появился у его порога и заявил, что умею строить лодки. Пожалуй, именно по этой причине Грим велел, чтобы мне не жалели хорошей еды, отвели теплое место у очага, а мою рану омыли и смазали целебной мазью.

Лечили меня дочери Грима, два на редкость красивых создания. Сам Грим не мог похвастаться привлекательной внешностью: у него был кривой нос, глубоко посаженные глаза, а рот был слишком велик. Но правду говорят, у уродливых мужчин рождаются красивые дочери, а они были так прекрасны, что могли бы быть сестрами самой Фрейи. Матерью их была вторая жена Грима, рыжеволосая, статная женщина по имени Герд. Таков был ее нрав, что она вечно хлопотала, не успевая присесть: таскала корзины, рубила еду для свиней, а то и спускалась к берегу и собирала водоросли. Ее дочери, с такими же густыми рыжими волосами, всегда следовали за ней; эту троицу было заметно издалека по их пышным развевающимся на ветру волосам. Старшей, Астрид, было восемнадцать, у нее уже был жених с соседней усадьбы, звали его Кара. Кара постоянно наезживал к ним на своей мохнатой лошадке и предлагал свою помощь в усадьбе, так что Грим считал его славным парнем. Младшая сестра, Сигрид, была младше на несколько лет. Однажды вечером, смазывая мою рану, она спросила, сколько мне лет. Я ответил, что скоро будет четырнадцать, и на ее лице появилась улыбка, а девичья застенчивость уступила место детской радости. «Мне тоже!» – воскликнула она. Оказалось, что мы с Сигрид не только ровесники, но и дни рождения наши приходятся на один и тот же месяц.

Сигрид была еще скорее ребенком, чем девушкой. Плоскогрудая и тоненькая, но очень высокая, как росток, тянущийся к небу и не выбрасывающий побеги вширь. Стройную фигурку венчали пышные рыжие волосы, которые будто вели собственную жизнь. Они взвивались под самым легким дуновением ветра и, похоже, недолюбливали шапки и капюшоны, Сигрид стягивала их, стоило только матери отвернуться. В усадьбе Сигрид отвечала за то, чтобы овцы не забредали в скалы, так что ее нередко можно было найти на берегу, она волокла упрямую

скотину на берег, по колено в приливной волне. Передвигалась она бегом и казалась такой легкой, что мне казалось, ее скоро подхватит порыв ветра и унесет в небо. В доме она была тихой, говорила мало – этим мы тоже походили друг на друга. Смазывая мою рану, она едва осмеливалась поднять на меня глаза. Наверное, в те мгновения мы представляли собой странное зрелище, и домочадцы часто посмеивались над нами.

Я все еще помню запах ее пышных волос, когда она наклонялась над моей ногой. Сначала он напоминал о ветре и море, каменистых пустошах, болотных бочагах и водорослях, но под этими запахами крылось что-то еще, близкое и теплое. Этот запах пьянил меня слаще меда. Запах и прикосновения ее пальцев к коже... От них моя боль тут же стихала. Но вскоре я узнал, что нога моя никогда не излечится до конца. Топор раздробил мышцы до самой кости, и эта нога навсегда осталась слабее второй. Я так и не избавился от хромоты.

Кроме Грима с женами и детьми, в усадьбе было еще трое обитателей: жены Хакона и Харека, они были сестрами родом из приграничных земель к северу от Нортумбрии. По вечерам они чаще всего сидели за ткацким станком, пряли шерсть или вязали иглами и переговаривались на своем языке, который не понимал ни я, ни кто-нибудь другой в этом доме. Как я понял, они появились в этом доме совсем недавно и понести еще не успели. Третьим был Гард, дальний родственник Грима, в молодости он был большим пьянчугой, попал в должники к оркнейскому ярлу и лишился и дома, и скота. Говорили, что, если бы Грим не взял его в услужение, он бы умер с голоду. К тому времени Гард был уже взрослым мужчиной, но жил один, его жена бросила его и уехала на материк.

Пару недель мне дали отдохнуть. Рана заживала, и боль перестала меня мучать. Едой и питьем меня потчевали вдоволь, а Грим поведал мне историю, как его предки бежали от Харальда Прекрасноволосого и едва выжили в ужасном зимнем шторме на море. Мы с Фенриром отъелись и отдохнули, и однажды Грим вывел меня на пустоши за домом. Теперь, когда я уже выздоровел благодаря его заботам, может быть, я посмотрю, нельзя ли починить его лодку? Инструменты есть, а на конюшне лежат несколько бревен, привезенных им с материка. Если я приведу в порядок его старый кнорр, он позаботится о том, чтобы и другие семьи на острове об этом узнали. У них водится серебро, ведь они продают тюленьи шкуры торговцам с кораблей, иногда заходивших на остров, так что за оплатой дело не станет. Но сперва ему надо кое-что узнать. Тут Грим ухватил меня за плечо. Ладонь была тяжелой, серо-голубые глаза удержали мой взгляд. То, что я бежал из рабства, они поняли уже в первый день, и никто об этом ни словом не обмолвился. Но Гриму надо знать, не убил ли я кого, когда убежал? Под его взглядом я не смог солгать и утвердительно кивнул. Грим тяжело вздохнул, между бровями прорезалась глубокая морщина. Тогда он спросил, не упоминал ли я кому-нибудь, куда собираюсь бежать? Может, кто-нибудь следует за мной, чтобы отомстить? Я помотал головой. Никто. Он может быть уверен, там, откуда я сбежал, живых не осталось. И я никак не мог рассказать кому-нибудь, куда лежит мой путь, ведь я и сам этого не знал. Я просто плыл на запад. Конечно, я надеялся найти своего брата, но не сказал об этом ни Гриму, ни кому другому. И, по правде говоря, мне казалось, что с моей стороны было бы сумасшествием уплыть отсюда в ближайшее время. У меня есть крыша над головой, я свободен. Лучше пожить здесь.

На следующий день Харек и Хакон вынесли из конюшни два бревна. Древесина была отличной: ровные стволы берез, срубленные в Шотландии, в нескольких днях пути. Мы привязали эти бревна к моей лодке, и я отплыл туда, где стояло пострадавшее судно. Со мной отправился Харек, а Фенрир свернулся клубочком под кормовой банкой. В тот день над заливом дул свежий бриз.

Путь до кнорра был недолгим. Хакон мне рассказывал, что шторм пришел внезапно, они с братом заплыли в воды между островами и едва сумели провести лодку мимо мелей на западе. Но здесь, между Хаэй на юге и Грамсэй на западе, их подхватил прилив и бросил на скалы.

Кнорр стоял на берегу рядом с домом Хутта. Когда мы гребли к берегу, Хутт, невысокий мужчина, стоял между накладами торфа, и мне показалось, что он, в своем длинном меховом плаще, с густой кудрявой бородой больше всего походил на подземного жителя. Но Харек сказал, что, хоть его отец с Хуттом дружбы не водит, Хуттыш, как его прозвали, не собирался предъявлять права на чужое добро, вынесенное штормом на его берег, он считал это позорным делом. Он держался наособицу, этот Хуттыш, а на жизнь зарабатывал продажей сухого торфа, который островитяне сжигали в очагах вместо дров.

Позже я узнал о распре между старым Гримом и Хуттышом: как все началось с шотландской девушки, из-за которой они поссорились, еще когда были так молоды, что едва заслужили называться мужчинами, о драке на празднике зимнего жертвоприношения и о взаимных обвинениях в том, что противник сбросил со скалы овец своего соперника, так что те утонули в приливе. В то мгновение я об этом еще не знал, но видел, что Харек на этом берегу чувствует себя неуютно – он то и дело бросал взгляды на Хуттыша, пока я рассматривал разбитое судно.

Да, досталось ему знатно. Похоже, кнорр получил сильный удар ровно посередине, он почти развалился на две части. В левом борту была большая пробоина, ахтерштевень разбит, большинство досок в обшивке расшатались. Но хуже всего, что сломалась килевая доска. Такую доску можно было вырубить только из хорошей древесины, лучше всего из дуба. Наши бревна не годились не только потому, что дерево было другим, они не подходили по толщине.

В тот вечер Грим спросил меня, смогу ли я починить его кнорр. Мы сидели за столом, Фенрир лежал у меня на коленях, а я смотрел на Сигрид и Астрид: они сидели у огня и латали рваные башмаки. Другой отец отвесил бы мне оплеуху за то, что я глазею на его дочерей, но Грим был к подобному снисходителен. Может, он считал, что я стану неплохой парой для его младшей дочери через несколько лет, когда возмужаю и прославлюсь как корабел. Об этом он пока не заговаривал, сейчас ему надо было знать, есть ли надежда починить его маленький кораблик в заливе Хутта. К концу лета, когда из океана к островам приплывут рыбные косяки, без него придется туго.

Я тут же ответил, что к рыболовному сезону смогу спустить кнорр на воду. Тогда Грим воздел свою кружку и провозгласил здравицу: «За Торстейна, нашего корабела!»

Все последующие дни я уплывал из дома на рассвете и возвращался только поздно вечером. Поначалу задача казалась невозможной, и в первые дни я просто бродил по берегу, время от времени покачивал лодку, ощупывал разбитые доски обшивки и размышлял, как бы полочее взяться за все это. Разочаровывать Грима не хотелось, он со своими домочадцами принял меня в своем доме и обошелся со мной лучше, чем можно было мечтать, так что я считал, что должен отплатить ему, починив его кораблик. Хотя, может, все было не так, может, мне просто хотелось показать Сигрид, что я – не безбородый мальчишка-раб, я – мужчина.

Назавтра я вновь увидел Хуттыша у накладов торфа: он стоял там, пока я не уплыл в сумерках. Вернувшись утром, я опять его заметил, он стоял там же, облаченный в тот же мохнатый плащ. Казалось, он обратился в камень там, наверху.

В тот день я снял доски обшивки и отвез их в усадьбу, опасаясь, что Хуттыш хочет украсть заклепки. На следующее утро его не было видно, но я слышал звук ударов по металлу где-то за горами торфа. Этот шум раздавался весь тот день и весь следующий. Не то чтобы он звучал непрерывно, просто несколько твердых ударов время от времени. Эти звуки были мне хорошо знакомы – то был стук кузнечного молота.

До этих пор я перемолвился с Сигрид лишь несколькими словами. И не удивительно: я жил под кровом ее отца, на молодого паренька это уже нагоняло страх, и, хотя Грима, по видимому, мало заботили мои торопливые взгляды в сторону его дочери, на большее я не осмеливался. Взгляд Грима из-под кустистых бровей мог быть жестким и пристальным, и он не производил впечатления человека, которому легко можно идти наперекор. Но он слыл справедливым, в округе его любили. Еще его знали как щедрого хозяина, и зимой, когда запасы еды

иссякали, люди могли потихоньку от ярла прийти к нему на двор, ведь Грим никого не оставлял умирать с голоду. Это поведала мне Сигрид однажды утром, когда мы с Фенриром отправлялись к нашей лодке. Она шла к ручью за водой, кроме нас, из усадьбы еще никто не выходил. То утро, ее речи... Даже сейчас, спустя все эти годы, я закрываю глаза и вновь слышу ее слова, чувствую запах водорослей от берега и мокрой земли. На Оркнейских островах земля пахнет по-другому, будто все острова вымачивали в соленой воде. Я вдыхаю эти запахи, смотрю на утренний туман, поднимающийся от залива вверх, к длинному дому, и вдруг тишину пререзает какой-то звук. Это ее свист. Долгая нота, потом тишина, потом я слышу шаги по земле, где овцы уже подъели всю траву. И вот она стоит всего в нескольких шагах от меня.

В это мгновение я еще не понимаю, мне ли она свистела или просто подзывала овец, ведь она обычно посвистывала, собирая их в стадо. Она стояла передо мной с ведром в руке, и под тяжестью ее стройная фигурка гнулась как ветка на ветру.

– Просто хотела сказать... – начала она, но тут подбежал Фенрир, и она присела перед песиком на корточках и погладила его. Фенрир поздоровался с ней и заковылял обратно ко мне. Сигрид вновь взглянула на меня, все еще сидя на корточках. – Отцу нравится помогать людям. И ты... ты тоже ему нравишься.

Эти слова я вспоминал снова и снова, пока плыл к заливу Хутта, и мне чудилось, что она говорила не об отце, а о себе самой.

Наверное, именно из-за этих слов я в то утро твердо решил, что почию кнорр. Как говорилось, эта задача казалась невозможной. Те два бревна не годились для кия. Кроме того, из них можно было вытесать всего четыре доски, а мне требовалось вдвое больше. Но если только у меня получится, то и Сигрид, и ее отец увидят во мне мужчину, а не просто беглого раба.

Мысль о том, что я смогу завоевать благосклонность прекрасной Сигрид, если только почию кнорр, прочно засела у меня в голове, а желание найти брата стало казаться не столь важным. Тем утром я долго рассматривал разбитую лодку, размышляя, как приняться за дело. Удары из кузни смолкли, но я этого даже не заметил, как не заметил и тюленей, выплывших на мель и с любопытством поглядывающих на человека с трехногой собачонкой. Наконец я придумал решение: я надставлю борта.

Следующие дни я провел в море. Мы с Фенриром плавали вдоль берега, высматривая плавник, и за эти дни я хорошо изучил все бухты и заливы острова, а еще мы научились использовать прилив и отлив. Плыть против приливной или уходящей волны было бессмысленно, но я обнаружил, что, если следить за солнцем и помнить о времени, можно подгадать так, чтобы уходящая или прибывающая вода помогала лодке плыть.

В конце концов мы обнаружили огромный древесный корень и несколько толстых ветвей. Из них я начал тесать шпангоуты, или связи, как их называем мы, норвежцы. Их я собирался закрепить с внутренней стороны лодки. Затем я собирался наращивать борта, закрепляя доски на шпангоутах и скрепляя друг с другом длинными заклепками. Я пока еще не придумал, как нарастить киль, чтобы он был достаточно прочным, ведь все удары о мачту и корпус и все повороты отзывались в киле, он был позвоночником лодки. Но и этой задаче нашлось решение.

Я по-прежнему не бывал на Оркнейях нигде, кроме Гримсгарда и берега у дома Хуттыша, но помнится мне, что я и не хотел повидать больше. Мне было достаточно крыши над головой, еды на столе и осознания, что я свободен. Тот, кто отведал рабства, умеет ценить такие вещи превыше всего остального. Я даже не бывал в гавани и не видел тамошние корабли, по горло занятый своей работой, а кроме того, я опасался, что там могут оказаться норвежцы, знающие меня.

Поэтому, когда Гард, Грим и его сыновья однажды вечером надели плащи и поманили меня за собой, мне никуда не хотелось идти. Я начал было жаловаться на боль в ноге, но они и слышать меня не желали. В гавань тем утром зашел корабль, и поговаривали, что он привез

новости из Норвегии. Грим, конечно, понял, чего я опасуюсь. Он опустил ладонь мне на плечо и пообещал, что, если кто-то осведомится обо мне, он скажет, что я его родич. Тогда никто не осмелится назвать меня беглым рабом, ведь все понимают, что Грим и его люди не собираются отдавать без борьбы ни одного человека своего рода.

В тот вечер я узнал о Грима две вещи. Первая стала очевидной, когда мы остановились у сложенной из камня пирамиды, отмечавшей границу земель Грима, примерно на полпути между гаванью и Гримсгардом. Остановившись вместе со всеми, я увидел, что эта груда камней в рост человека – не просто веха в пути. С северной стороны на ней была сооружена приступка, а на ней установлен маленький деревянный крест. Грим сложил огрубевшие ладони, так что они как бы образовывали наконечник, и этот наконечник он поднес к бороде, строго глядя на Гарда, Хакона и Харека, чтобы те последовали его примеру. Затем он произнес какие-то слова, должно быть, он их когда-то слышал, но помнил только некоторые из них: «Gloria Patri... Maria... Sanctus». Произнеся эту молитву, он сделал неуклюжий знак рукой, прикоснувшись сначала к одному плечу, потом к другому, а потом ко лбу и груди. Гард и сыновья последовали его примеру. Потом они отвернулись от креста, Грим достал молот Тора, висевший на цепочке под его шерстяной рубахой, и по очереди провел им на все четыре стороны света.

До этого я и не догадывался, что Грим – христианин, и это мне вовсе не понравилось. Но я мудро держал язык за зубами.

Было еще одно, о чем я узнал тем вечером: как оказалось, я садился за стол Грима не только благодаря его гостеприимству и доброму сердцу, да и место у очага мне отвели не без задней мысли. Когда мы добрались до гавани, Грим положил мне руку на плечо, и так мы и шли вниз по тропинке между домов. Здесь было по меньшей мере десятков строений, сложенных из камня и крытых торфом, на берегу красовалась каменная пристань, неподалеку на якоре стояло несколько судов. По большей части это были небольшие рыболовные кнорры, как тот, который я чинил для Грима, но рядом с ними красовался и боевой корабль с резной головой дракона на носу. При виде его меня охватил страх, на мгновение я решил, что это тот самый корабль, на котором разбойники приплыли на торжище, но вскоре увидел, что этот корабль намного больше.

За пристанью раскинулась площадь с кострищем. Здесь пылал огонь, а вокруг костра стояли люди, слушая высокого мужчину в пропитанном жиром кожаном плаще, какие обычно в те времена носили мореходы. На нем была синяя туника с богатой вышивкой, на поясе висел кожаный кошель. Увесистый мешочек притягивал взгляды, и всем, пожалуй, подумалось, что в нем в досталь и золота, и серебра, ведь все в этом человеке, от туники и добротных сапог до расчесанных длинных волос, указывало на то, что он весьма богат. Кроме него, на площади был еще десяток чужаков, мужчин с обветренными лицами, с кружками в руках. Я заметил, что на корабле горит огонь в жаровне, так что остальные члены команды, похоже, оставались на борту.

Нам дали место у костра, и некоторое время мы только слушали. Я увидел, что лицо человека в плаще морехода изуродовано длинным шрамом, идущим поперек носа. В руке он держал большую глиняную кружку и делал большой глоток каждый раз, когда островитяне, собравшиеся вокруг костра, задавали ему очередной вопрос. Затем он проводил ладонью по светлой бороде и отвечал негромким голосом.

По большей части людей интересовала их родня в Норвегии, двоюродные братья и племянники, сыновья и дочери, которые обзавелись там семьей, но об этом чужак мог сказать немного. Зато он долго говорил о том, что в Норвегии нынче неспокойно. Несколько родов в Западной Норвегии восстали против Хакона ярла и его сыновей и отказались платить им дань. Ходили слухи, что один хёвдинг по имени Торфинн взял в плен нескольких воинов ярла и потребовал выкуп в размере десятилетней подати. Другие говаривали, что хёвдинги изгнали

Хакона ярла с его дружиной из Тронхейма, объединившись, чтобы отомстить за все обиды, причиненные им и их женщинам.

И вновь я услышал, что ярл Хладира силой брал женщин, куда бы ни направлялся. Люди у костра озабоченно качали головами от таких слухов, а когда воин с боевого корабля поднял руку и, возвысив голос, заявил, что Норвегии нужен мудрый и справедливый король, многие закивали. Такой, каким был Хакон, воспитанник Адельстейна, пробормотал Грим, он был добрым королем для старой Норвегии. Тут приезжий протянул руку на юг, к темно-синему вечернему небу над пастбищами Грима. Он знает претендента на престол, мудрого и отважного человека. Он ждет на юге, в Уэссексе.

Островитяне навострили уши, чего и добивался мореход. Но вдруг в свете костра появилось лицо Хуттыша, вставшего по другую сторону от нас. Он спросил, есть ли имя у этого претендента, и мореход ответил, что его зовут Олав, но многие зовут его Кракабен, Воронья Кость.

Раз уж Хуттыш заговорил, то и Грим не хотел отставать. Белобородый поднялся и заявил, что и он слыхивал об Олаве Вороньей Кости, но то были недобрые слова. О нем рассказывали даны, заходившие в гавань. Они называли его подлым морским разбойником.

Мореход пронзил Грима гневным взглядом, а тот подбоченился и наморщил нос, будто принюхивался к чужаку. Мгновение они стояли, сверля друг друга взглядами, но тут кто-то поднял кружку и провозгласил здравницу.

После того, как все выпили, о претенденте на престол больше не говорилось. Хоть островитяне и считали себя по-прежнему норвежцами, они не собирались кланяться конунгам. Их предкам уже пришлось покинуть страну из-за одного властолюбца, а память о жестокостях Харальда Прекрасноволосого была по-прежнему свежа, ведь люди рассказывали своим детям истории, а те пересказывали своим.

Некоторое время все пили. Но вот Грим вновь поднялся, и теперь мне стала понятна вторая причина, по которой он взял меня с собой.

– Вот Торстейн, о котором вы слышали, – сказал он, опустив ладонь мне на плечо. – Он – мой корабел.

Теперь все глаза обратились на меня. Многие кивнули, некоторые приветствовали меня, подняв кружки. Грим добавил, что сейчас я загружен работой, но если кому-то перед осенним ловом понадобится помощь умельца, им следует идти в Гримсгард.

Вновь люди вокруг костра закивали и пробормотали что-то утвердительное. Мореход в плаще наклонил голову набок: казалось, он изучает меня. Хуттыш подался вперед и сплюнул в огонь.

– Никакой он не *твой* корабел, – сказал он, кинув хмурый взгляд на Грима. – Или ты считаешь его своим рабом?

На это Грим смолчал, думаю, он слишком разозлился, чтобы найтись с ответом. Вместо этого ему быстро сунули в руки рог с пивом, и все, мужчины и женщины, вновь подняли здравницу.

Белобородый старик пил и, пожалуй, начал пьянеть, я заметил, что он немного осоловел и стал на удивление молчалив. Мне тоже поднесли пива, и хоть я прихлебывал с осторожностью, вскоре почувствовал хмель. Это пиво было того рода, которое варят островитяне из двухрядного ячменя, что зреет на залитых солнцем полях на юге Англии, напиток, сразу ударявший в голову, а затем в промежность. Но воздействие было очень разным: мысли в голове ворочались неохотно и медленно, но ниже пояса все было иначе. Не один островитянин был зачат во хмелю, как бы часто священники ни навевывались сюда и ни рассказывали, как должен вести себя человек, чтобы угодить Белому Христу и его отцу. Древние боги еще не ушли с островов, а их повадки были иными: никто из них не воротил носа от кружки пива или от женщины.

Большинство мужчин у костра уже знатно приложились к кружкам и дошли до того состояния, в котором пьяные мужчины наиболее раздражительны: достаточно пьяны, чтобы

полезть в драку из-за любой мелочи, но еще достаточно трезвы, чтобы не утратить власть над ногами и руками. И именно в эту минуту на площадь явился ярл острова со своими людьми. Я заметил его одним из первых: он выехал верхом из-за домов и поначалу остановился на некотором расстоянии от костра, чтобы его люди успели его догнать. Дружинников было восемь, все на конях. Мореход их увидел и поднял кружку в приветствии. Но Сигурд, сын Хлёдвира, ярл надо всеми Оркнейскими островами и их жителями, не ответил на приветствие.

Раньше я ярла не видел, так что Гард пихнул меня локтем и объяснил, кто это, чтобы я понял: назревают неприятности.

Сигурд спрыгнул с коня. Некоторое время он рассматривал нас, затем сплюнул на землю с явственным презрением и сказал несколько слов одному из сопровождающих, указывая на боевой корабль. Этого человека я уже видел, он однажды явился на Гримсгард и велел, чтобы Грим припас для сборщика податей вяленой рыбы и мяса, после чего Грим сидел за полночь и клял ярла и всю его родню. Ведь этот человек, с которым говорил ярл, был никем иным, как его сыном по имени Хунд, а островитяне прозвали его Щенком. В его повадке было что-то неприятное, будто он не шел, а крался и никак не мог выпрямиться во весь рост. Теперь он стоял рядом со своим отцом, на губах играла предвкушающая усмешка.

О Сигурде, сыне Хлёдвира, говорили, что он жаден и приказывает тайком резать скотину тех людей, которые отказываются платить ему подати. Это был крупный, толстый мужчина, на шее над линией ворота виднелся чирей. Говорили, что этот чирей менял цвет, когда ярл злился, и наливался красным цветом; как маяк предупреждает корабль об опасности, так и гнойник предупреждал людей вокруг. Грим, сидя у костра, налился злостью и начал рычать, и хоть Хакон попытался его успокоить, обняв отца за плечи, это не помогло. Ярла Грим иначе не называл, как разбойником и мерзавцем, ведь тот ничего не делал, лишь собирал подати, а со своими бедами островитяне управлялись сами, как умели.

Подойдя к костру, ярл встал, расставив ноги и засунув за пояс большие пальцы рук. Он вздернул подбородок, не говоря ни слова и уставившись на морехода в плаще. Его глашатаем стал Щенок:

– Сигурд, сын Хлёдвира, ярл Оркнейский, приветствует вас на островах. – Щенок сделал пару шагов вперед. – Это ваш корабль?

Мореход кивнул.

– Вы можете бросить якорь у нашего причала.

Мореход бросил взгляд на свой корабль, затем вновь повернулся к Щенку и ярлу.

– Да, – сказал он. – Как видите, мы уже здесь.

Щенок подошел еще ближе, шагнул между женщин и мужчин у кострища и шурясь стал рассматривать, сколько воинов осталось на корабле. Те, должно быть, поняли, что что-то затевается, несколько человек быстрым шагом спустились по сходням, кое-кто сжимал топор. Должно быть, Щенок испугался, он отпрянул к отцу и встал за его спиной. Сигурд, сын Хлёдвира, сказал что-то вполголоса своим дружинникам, те, откинув полы плащей, опустили руки на рукояти мечей и топоры у пояса; сам Сигурд также готов был вытащить свой меч, но мореход воскликнул:

– Не обнажай меча против меня! – Это прозвучало так, будто он боялся, что, если ярл вытащит меч, произойдет что-то страшное. – Ты могуч, Сигурд Оркнейский. Но я поклялся своему вождю, что не буду повиноваться никому, кроме него. Если ты поднимешь на меня меч... Мне придется убить тебя, ярл.

Из ножен, скрытых ранее под плащом, он вытащил длинный сакс. Я и раньше видел такие длинные острые ножи, но у нас дома, в Вингульмёрке, их почти не использовали, они были привычнее в дальних странах. У обычных ножей лезвие у кончика изгибается к спинке, но у сакса лезвие прямое, а спинка изогнута.

Сигурд, сын Хлёдвира, так и застыл, сжимая рукоять меча, глаза у него округлились. Он смотрел на морехода с саксом, на его команду, идущую с пристани, и нам показалось, что сейчас он повернется и уедет, но оказалось, что я недооценивал ярла.

– Я не поднимаю меч на чужестранцев, – заявил Сигурд, и меч скрылся под плащом. – Но заплатить подать ты должен. Десятую часть тех денег, что у тебя на поясе.

Сигурд указал на кожаный мешочек на поясе морехода, схватил сына за рукав и вытолкнул вперед. Щенок согнулся больше, чем обычно, не осмеливаясь взглянуть в глаза мореходу и пробираясь к нему меж людей у костра, он неотрывно смотрел на кошелек. Должно быть, мореходу надоело это зрелище, он вдруг сорвал кошелек с пояса и перекинул его через костер прямо к ногам ярла:

– Возьми, сколько хочешь, ярл. Будем считать, что мы расплатились и за следующую стоянку.

Конечно, ярл считал ниже своего достоинства наклоняться за кошельком. Один из его людей поднял его и подал господину. Ярл распустил завязки, заглянул внутрь и вытащил серебряную монету, блеснувшую в свете костра. Затем он запустил туда всю пятерню, вытащил еще пригоршню, отвернулся и пошел к своему коню. Щенок следовал за ним по пятам.

Когда ярл со свитой уехали, мы остались сидеть у костра. Мужчины продолжали пить, мореход вместе с ними. Должно быть, он устал или плохо умел пить, ибо вскоре от той твердости, с которой он встретил ярла, не осталось ни следа. Он пошел на пристань помочиться, залил и камни, и собственную штанину, потом, пошатываясь, вернулся к костру, издал громкий стон и мешком повалился на землю.

Достойным завершением вечера назвать такое было нельзя, но вскоре меня ожидало более неприглядное зрелище. Когда почти все мужчины уже осоловели от пива, люди начали расходиться по домам. В это время года ночи не бывают по-настоящему темными, так что даже упившиеся мужчины и женщины могли добраться к себе домой, не боясь оступиться и разбиться о камни. Над пустошами разнеслись звуки песен и пьяных здравниц. Наверное, я тоже опьянел, помню только, что вдруг оказался на ногах и пошел, держась одной рукой за плечо Гарда, а в другой я нес Фенрира. Не помню, чтобы мой песик был со мной, когда я уходил из усадьбы, должно быть, он нашел меня позже, идя по следу.

Мы остановились у каменной пирамиды. Там Грим долго размахивал руками, бессвязно бормоча, как он любит этот остров. Да, он любит каждую кочку, каждую травинку вокруг. Он любит небо у нас над головой, разве есть что-то прекраснее летнего неба над Оркнейями? Хакон кивнул, он, как обычно, во всем соглашался с отцом. Харек сидел прислонившись спиной к пирамиде. Похоже, он заснул.

В это мгновение мы заметили мохнатую фигуру, бредущую из гавани. Грим погрозил ей кулаком, но как-то по-умному окликнуть ее не смог, так что издал громкий рев. Услышав его, Хуттыш пошел быстрее, а Грим вновь взревел и направился ему навстречу.

Они сошлись недалеко от пирамиды. Хуттыш был мельче Грима, но оказалось, что он не менее выносливый в драке. Они набросились друг на друга, Хуттыш обхватил Грима за пояс и повалил на землю. Грим закричал от злости, поднялся и тут же получил прямой удар в лицо. Он отпрянул от Хуттыша, держась за нос, сквозь пальцы сочились струйки крови. Сыновья Грима не бросились на защиту, но этого ему и не требовалось. Он повернулся к коренастому противнику и отвесил ему удар прямо в челюсть. От этого Хуттыш покатился вверх тормашками, какое-то мгновение он не мог подняться и растянулся между кочками с закатившимися глазами. Но вот он вновь встал на ноги и ударил Грима в живот. Тот сложился вдвое и сблевал. Немного блевотины попало Хуттышу на волосы, и, похоже, Грим был очень доволен этим, расхохотался, тыкая пальцем в противника. Тут Хуттыш ухватил его за палец, но Грим завopil, что пальцы ломать нельзя, это подло. Хуттыш отпустил его и тут же схватил за грудки; они пихали друг друга туда-сюда, пока не натолкнулись на пирамиду и не свалились туда, где

была построена приступка, так что крест упал. Тут стариканы, похоже, решили, что пора остановиться, отпустили друг друга, кое-как поднялись на ноги, оправили одежду и обменялись злобными взглядами, а затем повернулись друг к другу спиной и разошлись.

На следующий день я опять работал в заливе Хутта. Самого Хуттыша я в тот день не видел, должно быть, он лежал и мучился от похмелья. Но дома тем вечером мне рассказали о его несчастной судьбе. Мало того, что у них с женой не было детей; восемнадцать лет назад, когда зимой на остров пришла лихорадка, его семье пришлось хуже всего. Хозяйка, ее сестра и все домочадцы умерли. С тех пор Хуттыш жил один.

Вечером того дня я увидел, как боевой корабль выходит в море, держа курс на юг. Сам я опять плавал в своей лодке, высматривая плавник. Мне был нужен кусок древесины, чтобы починить разбитый ахтерштевень. В тот день дул южный ветер, весла на корабле были убраны. Прямой парус трепетал на ветру, когда рулевой направлял корабль против течения. Мы с Фенриром причалили к Гримсхольму, одному из двух островков между самым большим островом Россэй и островом Боргарэй на юге. Там на берег выносило и ветви, и деревья целиком, я нашел длинный суковатый корень и принялся вытесывать из него балку.

Боевой корабль на полном ходу шел на юг. Вскоре над пенистыми волнами виднелся только парус, и я выбросил все это из головы. Ссоры вождей меня не касались, да и бывшая родина тоже. В тот день, когда норвежский берег скрылся из виду, я испытывал только радость, и такую же радость испытал сейчас, глядя, как боевой корабль исчезает на юге.

Вернувшись на берег у дома Хуттыша, я вновь услышал звон из кузни, но уже не обращал на него внимания.

До этих пор все мое время уходило на то, чтобы подгонять и обтесывать доски и куски древесины, но я не закрепил еще ни одну доску. Для этого требовались заклепки. Я собирался закрепить заклепками и килевую доску, но боялся, что она будет непрочной. Об этом следовало потолковать с Гриммом, но я не решался. Он кормит меня уже почти все лето, принимает в своем доме, а я возьму и расскажу ему, что его кнорр так и не сможет держаться на плаву? Так не годится. Нужно найти какой-то выход.

Я возился на берегу залива Хутта, пока не стемнело. Когда мы с Фенриром наконец-то приплыли домой и поднимались по склону к общему дому, я увидел, что Сигрид поджидает меня.

– Как ты поздно, – молвила она тихо.

Я ответил, что работы было много, я же обещал закончить кнорр к осеннему лову. Фенрир подковылял к ней, она по своему обыкновению присела на корточки и потрепала песика по загривку. Она гладила его, пока Фенрир, довольный лаской, не направился к полуоткрытой двери, через которую пробивался золотистый свет очага. Сигрид поднялась, разгладила подол платья узкими ладошками и улыбнулась мне.

Тем вечером мы ничего больше друг другу не сказали, да что еще можно было добавить к тому, что тринадцатилетняя девочка вот так ждала меня летним вечером. Впрочем, она всегда любила стоять на холме и смотреть на залив, на мелких китов, пускающих струи воды, на облака, плывущие за горизонт и иногда принимавшие форму зверей или каких-то вещей. Но я был рад видеть ее в тот вечер, а позже мне стало понятно, что именно благодаря таким кратким мгновениям я не погрузился в угрюмую тоску. Без них меня бы одолевали воспоминания, не давая мне покоя. Я бы тысячи раз заново переживал смерть своего отца, снова видел, как мальчику-рабу передо мной кромсают горло, ощущал бы боль от шрамов на шее и страдал при мысли о своей искалеченной ноге. Моя душа бы ожесточилась, терзаемая этими видениями. Мне предстояла долгая жизнь, и суждено было увидеть больше человеческой жестокости, чем многим другим. Но, к счастью, об этом я еще ничего не знал, и сегодня я благодарю богов за это.

На следующее утро я проснулся под завывания ветра. Но меня это не напугало, я быстро проглотил свою кашу и спустился на берег раньше, чем другие поднялись со своих лежанок,

застеленных соломой. Море покрылось белыми гребешками, но волны в заливе редко поднимались очень высоко, усадьба была удачно расположена. Остров защищал нас от ветра с севера, а на юге располагались острова Хаэй, Флотта и Рагнвальдсэй, разбивая волны с юга; Боргарэй и восточная часть нашего острова защищали нас от непогоды с востока. Подгоняемый юго-западным ветром, с рулевым веслом под мышкой и Фенриром, свернувшись у ног, я заскользил вдоль изрезанного побережья и вскоре уже заходил в залив Хутта. Обычно я плыл к земле на хорошей скорости и не спускал парус, пока до кромки воды оставался лишь один полет стрелы. Тем утром я вошел в залив точно так же и вскоре стоял на берегу, сжимая в одной руке топор, в другой – тесло, и набирался мужества перед предстоявшей мне работой: сначала нужно обтесать то место, где киль получил повреждение. Затем мне предстояло его нарастить.

Я долго рассматривал куски древесины, собранные мною тем летом. Среди них был корень дуба, несколько стволов берез, доски, выломанные мной из протекшей бочки, и обломки шестов, валявшихся у Грима. Ничто из этого не подходило для килевой доски. Я взялся за топор. Хакон одолжил мне его прошлым вечером, а я его как следует наточил. Каждый раз, когда я доставал этот топор, разговоры в общем доме стихали, а домочадцы с неудовольствием бросали взгляды на меня и на топор. Они ведь видели, что это боевое оружие, и у меня было такое чувство, что Грим им всем рассказал о человеческой крови, пролитой мной. Но никто не заговаривал об этом, во всяком случае, так, чтобы я слышал.

Когда я уже хотел взобраться в кнорр, я вдруг увидел это. На килевой доске лежала массивная железная скоба. Она была в копоти, словно выкована совсем недавно, и обхватывала древесину с трех сторон. Длинной она была почти с локоть, а по бокам были пробиты отверстия для заклепок.

Теперь я понял. Удары из кузни... Я заметил Хуттыша, он, как обычно, стоял между накладами торфа. Но теперь он поднял руку в приветствии и начал спускаться на берег в развевающемся на ветру мохнатом плаще. В то утро на нем был широкий пояс, на котором висели молоток и кожаная сумка.

Подойдя ко мне, он сначала взглянул на море, а его волосы, в которых уже пробивалась седина, развевались вокруг круглого лица. Потом он высморкался, уперся плечом в ахтерштевень и покрепче уперся в песок.

– Давай, берись там.

Он кивнул на борт лодки, я побежал туда, и, когда Хуттыш сказал «Поднимай, парень!», я приподнял лодку. В то же время Хуттыш сдвинул ахтерштевень. Весь кнорр заскрипел, а когда мы его опустили, Хуттыш взглянул вдоль планширя и недовольно рыкнул, так как киль не выпрямился до конца.

– Давай опять, – приказал он, и мы опять подняли лодку. В этот раз нам удалось сдвинуть ее так, что две части киля ровно состыковались.

– Теперь прыгай на борт и накладывай скобу, – сказал Хуттыш.

Я забрался в лодку. Скоба оказалась точно по размеру, она с лихвой охватывала весь поврежденный участок. Хуттыш протянул мне молоток и несколько заклепок, вытащив их из сумки на поясе. Они тоже были закопченными и совсем гладкими: они только что вышли из кузни. Я вбил их в отверстия на скобе. И вот киль готов, еще более прочный, чем раньше. Оставалось только закрепить доски обшивки, и кнорр мог выйти в море.

Я бы, конечно, поблагодарил Хуттыша, но, как только я протянул ему молоток, он повернулся и ушел. Весь этот день я размышлял над его поступками. Ведь я понял, что скобу выковал именно он, но почему он решил помочь Гриму? Я никому не обмолвился и словом о том, что произошло, ни Сигрид, ни кому другому в усадьбе. Но я твердо решил выяснить, почему Хуттыш повел себя так странно, и на следующий день еще до зари я столкнул лодку в море и поплыл к заливу Хутта.

Тем утром ветер был слабый, и мне пришлось грести. Понемногу с запада нагнало темные тучи, начался дождь. Когда лодка наконец ткнулась в берег, мы с Фенриром промокли до костей.

Обычно я не обращал внимания на дождь, во всяком случае, летом, когда погода была теплой. Так что, когда Хуттыш сначала появился между накладами торфа, а затем повернулся ко мне спиной и пошел вверх по склону, я последовал за ним по большей части из любопытства.

Оказалось, что хозяйство Хуттыша когда-то было очень большим. Мы с Фенриром миновали кучи торфа и увидели, что здешние места защищает от ветра довольно высокий холм. Я увидел валы земли, оставшиеся от трех длинных домов и двух строений поменьше. Тут и там из земли все еще торчали балки, и я понял, что много лет назад здесь был пожар.

На краю расчищенного пространства, которое, должно быть, когда-то было двором, стояли две хижины, крытые торфом. Больше всего они походили на два холмика, на крышах и стенах пробивалась трава. Из отверстия в крыше одной из них поднимался дымок, и оттуда вновь раздавался привычный звон от ударов.

Я нашел Хуттыша там, склонившегося над наковальней. Он стоял полуголый, волосатая спина усеяна каплями пота. Даже не взглянув на меня, он пробурчал, чтобы я брался за мехи. В горниле у него калились кусочки железа в палец длиной, он ухватил клещами один из них и принялся ковать острие и головку, так что я сразу понял, что он мастерит.

Я раздувал мехи до тех пор, пока горнило не раскалилось настолько, что от железа отлетали искры. Тогда Хуттыш велел мне передохнуть, и я сел. Кузня была невелика, жар горнила достигал стен, сложенных из торфа. Дым выходил из глиняной трубы, но все равно глаза мне ел дым. Хуттыш выковал четыре заклепки, сунул их в бочку с водой и выложил на плоский камень. Затем он взялся за новые заготовки, засунул их сначала в горнило, ухватив клещами, а потом насыпал сверху угля и начал качать мехи, осторожно, не спуская глаз с горнила.

– Смотри, – бормотал он. – Осторожно, осторожно... Не слишком сильно. Не слишком слабо.

Когда Хуттыш выковал еще четыре заклепки, мы вернулись на берег. Сделанного хватило, чтобы прикрепить нижнюю доску обшивки к вытесанным мною шпангоутам. Хуттыш побрел к себе, но в этот раз, прежде чем уйти, он повернулся ко мне:

– Завтра, парень! Завтра сделаем еще!

Этим вечером я опять не сказал ни слова о неожиданной помощи Хуттыша. Когда Грим спросил, как продвигается работа, я ответил только, что дело движется, но работы еще много. Я рассчитал, что, если Хуттыш поможет мне выковать заклепки, кнорр будет готов уже через несколько дней. Но мне хотелось удивить старого бонда.

На следующий день Хуттыш пустил меня к наковальне, а сам качал мехи и объяснял, что с железом надо обращаться почти как с живым существом, созданием, наделенным жизнью и собственной волей. Если я не буду осторожен, оно даст трещину. Если я нагрею его слишком сильно, оно сгорит. А если я недостаточно поработаю молотом, оно станет слабым. В этом отношении оно похоже на человека, сказал Хуттыш.

К концу дня я уже не выдержал и спросил его прямо. Мне нужно было понять, почему он помогает мне. Ведь он знал, что кнорр у него на берегу принадлежит Гриму?

– Я ищу примирения, – кратко ответил он, задумчиво кивнул и продолжил: – Я уже давно этого хочу. Мальчишками мы дружили.

– Но ты дрался с ним, – заметил я. – В ту ночь, когда мы шли из гавани.

Хуттыш глубоко вздохнул, почесал затылок и мрачно посмотрел в горнило:

– Когда я выпью... Я начинаю злиться, Торстейн. Таким уж я уродился.

Я взглянул на него. Никто не мог бы назвать его рослым. Но загривок был толстым, скошенным, как у быка, руки налиты силой, а на его округлом, выступающем животе мышцы, казалось, проходили под самой кожей.

– Ты смотришь на меня, – сказал Хуттыш, – и видишь, что я не похож на тебя. Это правда. Я не из норвежского рода. Я скотт. Эти острова... – он, шурясь, посмотрел на дверной проем, где лежал Фенрир, вывалив язык и тяжело дыша. – Не всегда они были норвежскими. Когда-то... До вас.

В последних словах не было упрека, лишь печаль, и казалось, она окутала его облаком, когда он вновь взялся за мехи. Я стал поворачивать заготовки в горниле, и мы долго хранили молчание.

В последующие дни Хуттыш показал мне, как железу и стали можно придавать форму огнем и молотом, и это искусство не раз пригодилось мне потом в моей долгой жизни. Конечно, я не стал искусным кузнецом, но теперь начал понимать, как должно выглядеть горнило и как надо работать – короткими промежутками, ведь металл быстро остывает, и его приходится нагревать заново. Хуттыш научил меня закаливать выкованные изделия, нам же не надо, чтобы заклепки сломались, когда судно будет в море. Еще он меня научил, как добывать железо прямо из земли под нашими ногами. На склоне холма чуть подалее от берега мы набрали торфа и жгли его на костре, пока не осталась красно-коричневая земля. Ее мы засыпали в глиняную печь. Внизу печи было отверстие, в которое мы вставили мехи, а когда красно-коричневая земля достаточно прогорела, мы подождали, пока пламя погаснет, и разгребли золу. На дне мы обнаружили слиток железа, который Хуттыш проковал несколько раз, убирая примеси. Такой способ он назвал «сыродутным», и этому искусству следовало бы научиться каждому мужчине.

Еще Хуттыш помог мне закрепить доски обшивки. Корабельный вар мы приготовили на берегу в котле, и теперь уже я чувствовал себя мастером, а седой скотт внимательно наблюдал, как я заливаю стыки досок вязкой массой. Затем мы согнули доски, закрепив их камнями и досками, а после вбили заклепки.

И вот пришел тот день, когда рыболовный кнорр Грима можно было спустить на воду. Лето клонилось к осени, и я уже замечал, что дни становятся короче, а ветер дует все чаще. За общим столом в Гримсгарде толковали об осеннем лове, мужчины плыли на запад и не возвращались, пока не заполняли уловом свои лодки вровень с банками. Потом рыбу выдерживали в рассоле или молочной сыворотке, а поскольку плодородной земли на островах почти не было, тем, кто не наловил достаточно рыбы, грозил голод. Эти слова повторяли за столом раз за разом, и после них Грим обычно спрашивал меня, как продвигается починка кнорра.

Когда я отплывал к Гримсгарду, Хуттыш остался на берегу. Я смутно надеялся, что он поплывет со мной, двое стариков помирятся, и их давняя вражда забудется. Но Хуттыш остался. Отплывая, я увидел его фигуру между грудями торфа. Когда я поднял парус, он уже исчез. Так что мы с Фенриром опять поплыли вдоль изрезанного берега, ведя за собой кнорр Грима. К моему огромному облегчению, вода в него, похоже, не просачивалась.

Дотащить кнорр до Гримсгарда было нелегкой задачей, и я вернулся домой только к ночи. Мне не хотелось будить людей в общем доме, так что мы с Фенриром заночевали в своей лодке. Ночи еще не были холодными, да к тому же я всегда возил с собой пару шкур.

Той ночью мне опять приснился Бьёрн. Мы плыли на моей лодке. Он сидел на корме, держа рулевое весло и устремив взгляд вперед, к носу судна. Я лежал будто в полусне, ощущал под рукой теплое тельце Фенрира, и меня терзало мерзкое чувство, будто я предал своего брата. Ведь мне следовало плыть на юг. Я должен был искать его, а не сидеть целое лето у чужого бонда. Бьёрн опустил взгляд, посмотрел на меня, а затем указал куда-то на море.

Когда я проснулся, этот сон не шел у меня из головы. Послышались приглушенные голоса и шелест шагов на песке, и Фенрир вспрыгнул на банку.

– Тс-с-с... Он спит.

Я поднялся и увидел на берегу Сигрид и Астрид. Они стояли у кнорра, узкие ладошки Сигрид гладили стыки досок. Но вот она заметила, что я проснулся, и улыбнулась, ее пышные рыжие волосы развевались на ветру. Вдруг она отвернулась и побежала вверх по склону.

– Отец! Отец!

Вышел Грим, облаченный в одну рубаху, но при виде кнорра он, как был, босоногий и без штанов, помчался к берегу. Добежав до кнорра, он сначала торопливо погладил свежие доски, а потом забрался на борт. Ветер подхватил полы рубахи, так что стал виден его голый зад, но Грим будто и не заметил этого, он ползал по кнорру, охваченный почти ребяческим восторгом.

– И ты закрепил киль? – восхищенно воскликнул он, и его лохматая голова вынырнула над планширем. – Торстейн Корабел, я перед тобой в долгу. Я бы созвал на пир весь остров, если бы осень не была так близко. Но мы все-таки это отпразднуем!

И в тот вечер мы праздновали. Грим отбил затычку у бочки с пивом, которую он припас к зимнему жертвоприношению, ведь он по-прежнему приносил жертвы, несмотря на Белого Христа и его крест, вернувшийся на свое место на пирамиде из камней. Но тут он наполнил кружки до самого края, и все получили свою долю.

Тот вечер я запомнил навсегда. Я пил осмотрительно, мне не хотелось, чтобы Сигрид видела меня пьяным или блюющим. Сама она, пожалуй, не привыкла к браге, и, когда мы просидели за общим столом до той поры, как Грим налил себе уже пятую кружку и по новому кругу завел рассказ о том, сколько рыбы они смогут теперь наловить, Сигрид взяла меня за руку и вывела наружу. Мы спустились на берег и стояли там, не говоря ни слова. Я чувствовал тоненькое девичье тело совсем рядом, больше всего мне хотелось крепко прижать ее к себе, но я не осмеливался. Трехногий Фенрир трепал клубок водорослей у кромки воды, и берег заливало светом убывающего месяца.

Вдруг я почувствовал руку Сигрид на шее. Сначала она погладила шрамы от рабского ошейника, а затем погладила меня по щеке и взглянула в глаза. Она всхлипнула, будто хотела сказать что-то о зле, оставившем на мне свои отметины. Но вместо этого подалась ко мне, поцеловала в щеку и умчалась обратно в дом.

Я остался на берегу, по-прежнему ощущая ее запах. Я подумал, что в это мгновение я счастлив. И если норны решили спрясти воедино наши две нити, мне нечего больше желать. Я чуял запах дыма от очага в доме, слышал голоса и смех и думал, что хочу остаться на этом острове. Здесь я в безопасности. На свободе.

Но дни мои на острове уже подходили к концу.

8

На юг

Год клонился к осени, и из каждого двора на острове мужчины отправлялись на рыбный лов. Возносились молитвы и Белому Христу, и Ньёрду, ведь те семьи, которые не получают богатый улов, ждала голодная зима. Поначалу кнорры отплывали на запад, чтобы попытаться счастья на отмелях у Южных островов, а если там улов будет скудным, они отправятся дальше в море. Но на том пути им грозили не только шторма, но и морские разбойники. Говаривали, что некоторые из них были родом издалека, в эти воды приплывали даже чернокожие, пограбить и захватить новых рабов. Так что рыбаки хорошо вооружались: лучше уж погибнуть в бою, чем оказаться в цепях. Той весной Грим с сыновьями купили тисовые луки в Шотландии, но они пролежали все лето и немного покоробились, так что меня попросили привести их в порядок до отплытия.

Сам я еще не знал, позволят ли мне остаться в усадьбе. Грим приютил меня, чтобы я починил его кнорр, но что со мной будет, когда они вернутся с ловли, я не знал. Я мог взять себе кусок земли, на острове было много ничейных земель. Я мог бы выстроить себе хижину или вырыть землянку, как Хуттыш. Если у островитян нашлась бы для меня работа, я бы попросил в уплату барана и несколько овец. А если мне удастся сберечь их зимой, овцы по весне окотятся. К тому времени после зимней непогоды рыбацьи лодки нужно будет смолить, менять проржавевшие заклепки, так что островитяне наверняка попросят меня о помощи. Я был твердо уверен, что работа для меня найдется, Хуттыш поведал, что в гавани обо мне идет добрая молва: люди считают, что я починил лодку Грима с таким мастерством, которое трудно ожидать от такого юноши, как я. Хуттыш, который не участвовал в рыбной ловле, считал, что меня на острове ждет обеспеченное будущее.

Летом я часто заговаривал с Хуттышем о Бьёрне. Худо тому, кто оторван от родичей, с этим он соглашался. Но молодые парни, идущие в викинги... Хуттыш всегда сплевывал, произнося это слово. Молодые парни, идущие в викинги, далеко не всегда возвращаются, говорил он, и мне казалось, что старик невысокого мнения о моем брате. Но я не прерывал его бормотания, не обращая особенного внимания на его слова.

В это время я бывал у Хуттыша каждый день. Он учил меня ремеслу кузнеца и хотел, чтобы я научился ковать не только заклепки, но и клинки мечей и наконечники копий. Я расспрашивал его о землях на юге, ведь в моей голове зрела мысль: я хочу найти Бьёрна и привезти его сюда. Когда он узнает, что произошло в Норвегии, он, конечно, поймет, что возвращаться туда неумно. Поэтому, думал я, мне надо поплыть на юг и искать его до следующей луны, пока еще не наступила зима. С приходом зимних штормов будет уже поздно.

Хуттыш считал, что я придумал глупо и мне стоит отказаться от таких мыслей. В Англии норвежцам не стоит ожидать доброго приема. Это все из-за данов, объяснил он. Датский король Свейн Вилобородый желает золота и серебра так, как другие мужчины желают женщин, и его опустошительным набегам нет конца. Но, по мнению Хуттыша, вести себя так – это все равно что срать в собственное гнездо, ведь даны, еще до правления Вилобородого, захватили половину Мерсии. Теперь Вилобородый грабил и англичан, и свой собственный народ – так, по крайней мере, говорили люди. Так что, если мой брат в прошлом году отплыл в Англию, вполне может быть, что его приняли за дана и прогнали прочь. Возможно, он отправился в Ирландию, там потомки норвежцев по-прежнему удерживали власть, а Этельреда люди презирали от всей души. А может быть, он переплыл канал и отправился в Валланд. Говаривали, что тамошний король с трудом оборонял границы от данов и ему всегда требовались воины, может быть, мой брат поступил к нему на службу.

Я гадал, каким образом Хуттыш знал столько всего о происходящем на юге. Но на седьмое утро после того, как островитяне-мужчины отправились на рыбную ловлю, он стоял на берегу, поджидая меня. На песке рядом с ним стояли два сундучка. В одном лежали шкуры и зимний плащ, в другом – молот и клещи. Погода выдалась холодная, дул северный ветер.

– Отвези меня в Судерланд, – сказал Хуттыш, пока я боролся с ветром, занесшим лодку бортом к берегу. Он ухватил лодку за нос и развернул, так что она опять смотрела в море. Он взобрался на борт, погладил Фенрира и сел на срединную банку. Только тогда он сказал, что зима на острове – не для него, слишком темные и долгие вечера. А в Судерланде живет его родня.

Я знал уже, что Северная Шотландия поделена на две части – Судерланд на западе, а к востоку от него, к юго-западу от Оркнейских островов, – Катанес. Именно вдоль восточного берега Катанеса я плыл, направляясь к Оркнейям, и путь туда был недолог. Хуттыш сказал, чтобы я возвращался на Гримсгард, собрал свои вещи и сказал женщинам, что отлучусь на несколько дней.

Старик остался в лодке, а я поднялся к дому и собрал свои вещи. Топор и мое верное тесло уже лежали в лодке, очень редко я оставлял их, отправляясь куда-нибудь. Но мне требовалось взять пищу и воду, рыбную снасть, если я вдруг попаду в штиль, и несколько шкур.

Пока я собирался, Сигрид стояла в двери и смотрела на меня. Ее сестра сидела в доме, латала сапог. Я спросил у нее, можно ли мне взять узелок зерна и несколько вяленых рыбин. Она только кивнула.

Когда я вышел, Сигрид стояла спрятавшись от ветра у стены дома.

– Что здесь делает Хуттыш? – требовательно спросила она.

– Я пообещал отвезти его в Судерланд, – ответил я. – Через пару дней вернусь.

Сигрид сделала несколько шагов навстречу мне, ветер тут же подхватил ее волосы. Ветер крепчал.

– Ты едешь на поиски своего брата. Вот что.

– Нет, – ответил я, но сам услышал колебание в своем голосе.

– И ты не вернешься, так ведь?

Мне хотелось сказать, что ей не стоит расстраиваться, я доплыву до Шотландии уже вечером этого дня, а затем вернусь домой, но вместо этого мой взгляд обратился на море, и я вновь подумал о Бьёрне. Я был всего лишь мальчишкой, а мысли мальчишек так непостоянны. Мне хотелось остаться с Сигрид. Но еще мне хотелось найти Бьёрна. Я и сам не знал тем утром, чего же все-таки хочу. А еще я не знал, что ответить Сигрид, так что повернулся к ней спиной и спустился к лодке. Хуттыш помог мне оттолкнуть лодку от берега, и мы отправились в путь.

Весь день дул северный ветер. Мы шли на хорошей скорости, и Хуттыш пробурчал, сидя на своей банке, что, если погода не изменится, мы доберемся до места до темноты. С юга проплывала земля: скалы, вздымавшиеся из моря, будто древние крепости, разрушенные временем и непогодой. Между ними виднелись поросшие травой ложбины. Кое-где в сушу врезались узкие бухты, там, на белых песчаных берегах, лежали тюлени, похлопывая плавниками на солнце. Когда мы проплывали мимо такой бухточки, Фенрир вдруг залаял, встав передними лапами на планширь. Он явно углядел что-то в воде: оказалось, это два тюленя. Они провожали меня своими черными глазами, пока мы проплывали мимо, и мне показалось, что они похожи на людей; это были воины из чертогов Ран, поднявшиеся на поверхность, чтобы следить за мной, и я будто ощутил, что меня вот-вот охватит холодная сеть, выволочет за борт и повлечет вглубь моря.

Мы действительно доплыли до Судерланда до темноты. Хуттыш молчал большую часть пути, но при виде одного залива он вдруг вскочил на ноги и показал на него, именно туда лежал наш путь! Ибо это была родовая земля Хуттыша. Этот залив они называли Язык, а вон там... Хуттыш стоял, держась за мачту, и указывал на берег. Там, на той отмели, он повстречал Ниам.

Не успел он произнести это, как опять плюхнулся на банку. Его будто охватила тоска, и он сидел съезжившись на средней банке, пока я правил лодку к берегу.

Когда мы зашли в залив, Хуттыш вновь поднял голову. По правую сторону от воды виднелись несколько строений, сложенных из торфа, и Хуттыш буркнул, мол, нам туда, это хутор его брата. Я могу заночевать у него. И не нужно думать о том, как забрать его отсюда, по весне брат отвезет его домой.

То была странная ночь, и я вполне мог бы обойтись без таких воспоминаний. Общий дом был просторным, но внутри было мрачно и сыро. Продолговатое строение делилось на две половины дощатой перегородкой; на одной половине жили люди, а на другой – несколько коров и коз. Оказалось, что Хуттыша ждали, его брат сварил особое пиво, как выяснилось, так он делал каждый год к приезду брата. Поначалу они сели у очага, каждый со своим бочонком, местные домочадцы собрались вокруг них, а они начали тихо беседовать на языке, который я не понимал. Меня к огню никто не пригласил, у двери стояла скамья, там я и уселся вместе с Фенриром. В доме была, наверное, дюжина человек, все невысокие и крепко сбитые, как Хуттыш. Они были одеты в мохнатые накидки, женщины постоянно бросали на меня взгляды, карие глаза горели ненавистью, и я почувствовал, что оказался среди подземных жителей, где мне не рады. Хуттыш очень быстро захмелел, свалился и заснул. Тогда один из мужчин принялся бить в бубен, женщина громко завывала, я испугался и ушел.

Ту ночь я провел в своей лодке. Я не спал и отчалил, лишь только забрезжило утро. Шел дождь. Мне в лицо дул ровный северный ветер, волны бились о нос лодки.

Весь тот день я греб, с приходом ночи руки у меня болели, а пальцы кровоточили. Но я был молод и вбил себе в голову, что меня ждет Сигрид. Так что я греб весь вечер и добрую часть ночи, пока силы вдруг не покинули меня; должно быть, я совсем измотался. Едва мог шевелить пальцами, но сумел ослабить узлы на парусе, поднял прямой парус и направил судно во тьму. Наверное, той ночью небо затянуло тучами, не помню, чтобы видел месяц или звезды, только огромную тьму, поглотившую меня, пока я сидел, сжимая окровавленной рукой рулевое весло, а Фенрир прижимался к моим ногам.

В этой темноте на меня вновь накатила глухая тоска. Пока я трудился над кнорром Грима, она меня не беспокоила, но теперь вернулась вновь. Я утратил власть над своими мыслями, один-одинешенек в огромном море, и не знал уже, куда мне бежать. Убийство отца, кровь раба-датчанина на моих ногах, Рос, насилующий Хильду – эти картины вставали перед моими глазами вновь и вновь. Я проклинал тьму, желая, чтобы поскорей наступило утро.

Позднее, повзрослев и став мудрее, я понял, что у всех людей в душе есть надлом. Мой заключался в том, что я время от времени погружался в мрачные мысли. Тогда я этого еще не понял, но я же был всего лишь мальчишкой. Хотя мое тело и превращалось понемногу в тело взрослого мужчины. Мне уже исполнилось четырнадцать лет, тот возраст, когда мальчика считают мужчиной. Мое тело менялось с ужасной скоростью, это продолжалось все то лето. Вначале я заметил, что у меня окрепли и выросли руки. Будто тонкие побеги превращались в толстые ветки. Плечи у меня стали на редкость мускулистыми, они росли и потом, пока я не стал совсем взрослым. На плечах проступили толстые вены, спускающиеся до запястий, и ладони тоже выросли, стали жесткими и мозолистыми. В то же время на моем теле росли волосы, пушок над верхней губой стал гуще и жестче. На подбородке и щеках появилась поросль, а лицо изменилось, стало более угловатым. Глаза будто ушли глубже в глазницы, скулы заострились, а челюсть стала шире. Поначалу эти изменения были почти незаметны, не так, чтобы что-то менялось каждый день; но я ведь и не рассматривал себя особо часто, лишь когда случайно взглядывал на свое отражение в спокойной воде.

К сожалению, не все изменения были к лучшему. Когда я был ребенком, я не знал той черной тоски, что до конца жизни преследовала меня, она появилась лишь с возмужанием. Нога, которую мне повредили в боине на торжище, так и не зажила до конца, и она не поспевала

за ростом всего тела. Она тоже росла, но не так, как левая. И все же я уже не хромал так сильно, лишь чуть заметно подволакивал ту ногу. Должно быть, мне помогла та сила, которая, как казалось, текла в моей крови. Но стать хорошим бегуном мне так и не было суждено.

С восходом солнца я обнаружил, что заплыл далеко на восток. Я оказался в проливе между материком и Оркнейями, путь до дома был недолгим. Я убрал парус и хотел плыть на веслах, но вдруг заколебался. Действительно ли мое место там, на островах? Разве мой дом – не полуостров в Вингульмёрке, где мы с Бьёрном выросли под присмотром отца и Ульфхама? А когда я поднял парус, чтобы отплыть вместе с Хуттышем, разве я не хотел найти своего брата? Я долго стоял, глядя на скалистый берег. Наверное, отсюда до устья Уза, реки, ведущей к Йорвику, не так много дней пути. Именно в Йорвике в конце концов оказывались парни, уплывшие из Норвегии, – по крайней мере, так сказал Харек. В этом городе жили тысячи норвежцев и данов, многие из них – юноши, пустившиеся по западному пути, но не нашедшие ни богатства, ни свободных земель. Найти Бьёрна будет сложно, но если я даже не попытаюсь, я предам и его, и память о нашем отце. И ведь никаких препятствий нет. Я свободен. Тут меня пронзила мысль: если бы не Сигрид, я бы вряд ли задержался на острове все лето, и я тут же почувствовал угрызения совести. Неужели я предал весь свой род из-за девчонки?

Но вскоре мой взгляд вновь обратился к островам. Она ждет меня. Может, мы оба слишком молоды, но если я докажу Гриму, что я достойный мужчина, если получу овец, выстрою дом, выберу землю... Может быть, через несколько лет Сигрид будет моей.

И все же: если я прямо сейчас отправлюсь на юг, то смогу вернуться на остров до зимы. Это вовсе не значит, что я покину острова навсегда.

Помню, как решительными рывками поднял парус и взял курс на юг. Фенрир коротко гавкнул, будто хотел мне напомнить, что я не один, он поддерживает мое решение. Когда я сел у руля, он вновь улегся у моих ног.

Но боги в тот день судили иначе. Может, Один заметил мою лодку и нагнал тучи с Северного моря. А может, то был Тюр, тот, кто даст мне оружие и поведет в бой, когда я встану в ряды эйнхериев Одина, может, он простер длань к мальчику с крохотной собачонкой, окруженным волнами, и велел ветру дуть сильнее. Как бы то ни было, ветер и течение объединились против меня. Волны разбивались о борта, взлетая брызгами над планширем, и становились все круче. По счастью, тем летом я сладил себе и фалблок, и новое рулевое весло, которое крепилось к правому борту, ведь без хорошего руля и надежного крепления для реи и паруса моя лодка не смогла быть достаточно устойчивой на волнах. Некоторое время я пытался держаться прежнего курса, но в конце концов пришлось признать, что это безнадежно, и, поскольку ветер только крепчал, я вскоре повернул на запад. Теперь пути к островам уже не было, иначе пришлось бы подставить борт судна под волны, и оно бы перевернулось. Единственно возможный курс был обратно, к северной оконечности Шотландии.

Ветер по-прежнему крепчал, и вскоре я потерял острова из виду. Небесный склон затянулся темными тучами. Я убрал парус, но, заметив, что теперь лодка гораздо сильнее переваливается на волнах, поднял его снова и прижался спиной к ахтерштевню, упершись ногами в задний шпангоут, а Фенрир забился в закуток под кормовой банкой.

Мы плыли весь день до поздней ночи. Ни одна звезда не указывала мне путь, тьма вокруг была густой как деготь. Я поделился с Фенриром остатками воды и прошептал молитву, прося богов, чтобы ветер побыстрее утих, и, должно быть, боги меня услышали: к рассвету ветер начал слабеть. Я оказался недалеко к западу от того залива, где остался Хуттыш со своей родней, но возвращаться туда мне не хотелось. Я проплыл мимо и неподалеку нашел маленькую бухточку, где и причалил. Между скал я нашел ручей и наполнил водой свою бочку. Потом я долго отдыхал, сидя на берегу, глядя на море, и думал, что, раз уж море и ветер пригнали меня сюда, это не просто так. До Англии можно доплыть и с запада, и, возможно, мне следует плыть именно туда. Я слышал, что с той стороны фарватер более защищен, и, когда мне пона-

добится вода, причалить будет проще. А если я не найду Бьёрна в Англии, смогу отправиться в Ирландию. С той же вероятностью он может оказаться и там.

После этого я несколько дней шел вдоль побережья на запад, и, когда линия берега свернула на юг, повернул и я. Теперь я находился в водах между Южными островами, выглядевшими как один огромный остров. Они создавали барьер между землей и яростным океаном на западе, благодаря чему путь к Ирландскому морю был гораздо безопасней. Но на Южных островах обитали враждебные кланы, говорил Хуттыш. Так что я решил обойти их стороной.

К югу от Южных островов тянулся берег, изрезанный бухтами и фьордами. Время от времени я заходил в один из них и нередко видел теснившиеся друг к другу дома. На берегу стояли местные жители, выглядывая, кто это к ним пожаловал. В таких случаях я разворачивался и плыл обратно, ведь если бы я только открыл рот, они бы сразу же поняли, что я норвежец, а я не знал, считают ли местные жители норвежцев друзьями или врагами. Но то были красивые места, с обширными пустошами и сосновыми рощами, а вода здесь была такой чистой, что я видел в глубине подо мной, как тюлени охотятся на косяки рыбы. Кое-где я замечал лодки, кнорры вроде тех, на которых островитяне с Оркнейских островов отправились на лов рыбы. Иногда с лодок меня окликали, но я не понимал ни слова. Я поднимал руку в приветствии и плыл дальше.

Один день сменялся другим. По пути я рыбачил, причаливал к необитаемым берегам и спал в лодке, а на заре уже отчаливал. Берег, хоть и изрезанный, вел меня на юг, и через шесть дней под парусом я увидел вдалеке на юго-востоке очертания земли. Шотландский берег был в основном бурым, а полоска земли на горизонте казалась совершенно зеленой. И Хуттыш, и Грим называли Ирландию «зеленым островом», так что я решил, что вижу именно ее. Скоро мне предстоит пройти пролив, такой узкий, что я смогу разглядеть ее получше, если повезет с погодой. К югу от этого пролива водное пространство расширялось, ведь я доплыл до Ирландского моря. В этом море располагался остров Мэн, и Грим был совершенно уверен, что там по-прежнему правят норвежцы.

Не знаю, что было причиной – течения или мое любопытство, – но меня понемногу сносило к берегу Ирландии, и вскоре я оказался недалеко от зеленого берега. То, что случилось дальше, должно быть, вплели в нить моей жизни сами норны, ведь это определило мою судьбу. В этом проливе есть скалистый мыс, он врезается в пролив в самом узком месте, и норвежцам этот мыс известен под названием Голова Тора. Вот я проплываю мимо этого мыса и вдруг вижу человека, стоящего у кромки воды. Он не один. По скалам карабкаются еще четыре человека, они направляются к нему, и в руках у них луки. Тут человек замечает меня, бросается в воду и исчезает. Долго-долго он остается под водой, я и не знал, что кто-то может так надолго задерживать дыхание. Но вот среди волн выныривает голова. В зубах человек сжимает что-то похожее на кошелек и изо всех сил плывет ко мне. Руки загребают воду как весла, тут в него попадает стрела, древко торчит из руки, но он не издает ни звука. Он продолжает плыть, и, должно быть, сам Один прикрывает его своим щитом, ведь в него не попадает больше ни одна стрела, и вскоре он оказывается уже вне досягаемости.

У меня не было намерения подбирать плывущего, ветер был попутным, и лодка быстро рассекала волны. Уплыть отсюда подальше казалось самым безопасным. Ведь что, если у нападавших спрятана в скалах лодка, что, если они отправятся в погоню? А вдруг этот человек совершил преступление? Верно, его преследовали именно поэтому?

Но что-то заставило меня ослабить шкоты. Беглец терял силы, плыл уже не так быстро, и я понял, что ему будет трудно добраться до лодки. Так что я вновь натянул шкоты, но не для того, чтобы сбежать. Я направил лодку поближе, не упуская из виду людей на берегу. Они кричали мне, и кричали по-норвежски. Если я подберу этого ублюдка, то я буду последним мерзавцем, они меня найдут и отрубят голову.

Я подогнал лодку вплотную к плывущему, и он уцепился за планширь. Закинул за борт колено, над бортом появилась голова – он по-прежнему сжимал в зубах кошелек. Я ухватил его за одежду и помог забраться, а затем развернул лодку и снова взял курс на юг. Вскоре Голова Тора скрылась за кормой, а угрозы людей на берегу утонули в шуме волн.

Беглец долго лежал на дне лодки, пытаясь отдышаться. Одет он был в свободные грязно-белые льняные штаны и голубую тунику. По горловине были вышиты цветы, и это выглядело очень странно на таком крепко сбитом мужчине. Он был босой, и я заметил, что на одной ноге не хватало двух пальцев. Угловатое лицо обрамляла темная кудрявая борода, и по этому лицу было видно, что человек видел много битв: один шрам пересекал лоб, один шел вниз по щеке, а один рассекал нижнюю губу возле уголка рта. На меня взглянули голубые глаза, и я не удивился, когда он заговорил со мной на моем родном языке.

– Ты откуда?

– Из Норвегии, – ответил я.

– Далеко же ты забрался.

До этих пор Фенрир сидел под кормовой банкой, но теперь, когда мы заговорили, он решил, что опасности нет, и вылез наружу. Сначала он гавкнул, будто заявляя свои права на эту лодку, а потом встал и потянулся мордой к незнакомцу.

– Твой пес? – спросил чужак.

– Да, – отозвался я.

– И как его зовут?

– Фенрир.

– А тебя? Как зовут тебя?

– Торстейн.

– У тебя говор как в Вике, – сказал незнакомец. – Я часто бывал в Вике, когда был помоложе. – Он закрыл глаза и вздохнул: – Те люди... Ты их видишь?

– Нет, они... Мы уже далеко уплыли.

На его губах появилась странная ухмылка. Он улыбался только половиной рта, как будто другая половина со шрамом закаменела.

– Меня зовут Хальвар. Мне нужна твоя помощь, Торстейн.

Его кошелек уже давно лежал на дне лодки, и он зашарил рукой, пытаясь его нащупать. В руке по-прежнему торчала стрела – это была левая рука, она безжизненно обвисла. Вторая рука поначалу казалась здоровой, но, когда он взялся за кошелек, я увидел рваную рану на внешней стороне у плеча. Должно быть, вода смыла кровь, но теперь она снова собиралась у края рукава и текла по пальцам.

– У тебя кровь, – заметил я.

– Да, – Хальвар глубоко вздохнул. – Знаю. Плыви дальше.

Вдруг я почувствовал удивительное облегчение оттого, что этот чужак сидит в моей лодке. Фенрир подошел к нему совсем близко и попытался слизать кровь с его руки. Хальвар не стал отпихивать его. Вместо этого он повернул голову ко мне и начал внимательно изучать: взгляд остановился на топоре и тесле, которые я накрепко привязал к банке перед собой. У самого Хальвара, похоже, оружия не было.

– В этом кошельке у меня серебро. – Он по-прежнему смотрел на топор. – Ты, конечно, можешь убить меня и забрать серебро себе. Но это было бы подлостью. А мне кажется, что ты не подлец.

– Нет, я не буду...

– Ты не пожалеешь, если поможешь мне. Я оплачу твои хлопоты серебром, но по-прежнему буду обязан тебе своей жизнью.

Эти слова означали гораздо больше, чем я мог тогда понять.

Остаток дня я плыл, пытаюсь подобраться ближе к шотландскому берегу. К вечеру северный ветер загнал нас в длинный залив. Мне показалось, что у бухты залива стоит хутор, так что я причалил недалеко от устья. Я собрал плавник и развел костер под прикрытием больших камней. Хальвар уже был на ногах. Мы перетянули его рану на правой руке, но в левой по-прежнему торчала стрела.

Я с самого начала подозревал, что Хальвар – викинг. Шрамы на лице и теле были следами от оружия, а кожаный пояс на боку был потерт, скорее всего, сюда он цеплял топор. Отец не раз предупреждал, чтобы мы держались подальше от таких людей, добавляя, что добра от них не жди. Но мы с Бьёрном с увлечением слушали истории сыновей бонда об их родичах, многие из которых отправились на запад и вернулись с историями о своих славных деяниях на далеких берегах. В то время мы мало думали о том, что эти люди грабили других, отнимали золото и серебро и убивали, когда им вздумается. Но теперь прямо передо мной стоял вот такой грабитель, и я не знал, что мне думать обо всем этом.

Хальвар сказал, что я должен протолкнуть стрелу дальше, чтобы наконечник вышел с той стороны. Вытащить назад ее не получится из-за зазубрин на наконечнике. Затем он пробрался между двумя камнями на берегу и протянул мне руку с торчащей стрелой. Другой рукой он снял пояс, свернул и зажал кожу зубами.

Никогда раньше я не видел, чтобы человек терпел боль так стойко, как Хальвар, да и позже такие люди попадались мне нечасто. Стрела засела над костью предплечья, под мышцами я мог нащупать наконечник. Мышцы дрожали у меня под пальцами, пока я, ухватившись за древко, проталкивал стрелу дальше, мимо сустава и сквозь кожу. Хальвар не говорил ничего, только тихо рычал будто зверь. Когда наконечник вышел наружу, он выплюнул свой пояс и, покосившись на стрелу, стал мне объяснять, что я должен срезать оперение, но ломать стрелу не надо, я должен вытащить ее целиком. Если на то будет воля Одина, он однажды пустит эту стрелу в своих врагов. Так что я ухватил стрелу сразу за наконечником и медленным уверенным движением протащил древко сквозь его руку.

Весь остаток вечера Хальвар просидел с закрытыми глазами. Не знаю, спал ли он или просто отдыхал. В одной руке он держал стрелу, в другой – свой кошелек, иногда его ноги подергивались. Мы с Фенриром укрылись от ветра за лодкой, и я не спускал глаз с чужака. Хальвар сам стащил с себя рубаху, отрезал от ткани несколько полос и перевязал свои раны. Теперь он сидел, полуголый, покрытый шрамами, а над нами сгушалась ночная тьма.

Какое-то время я раздумывал, не стоит ли оставить его и уплыть, но потом отбросил эти мысли. Не только потому, что бросать раненого было бы подлым поступком, я боялся, что он успеет накинуться на меня. Теперь он вооружен, он вполне может убить меня этой стрелой. Хотя этот человек таков, что сумеет прикончить любого и безо всякого оружия.

Когда он поднялся, было уже совсем темно. Я его не видел в кромешной тьме, ведь небо было затянуто тучами. Но я услышал шорох его шагов по песку. А потом журчание струи в воде.

– Я из Йомсборга, – произнес он внезапно. – Ты о нем слышал, Йостейн?

Он назвал меня неправильно, но я ничего не сказал на это. Он был не тем человеком, с которым легко разговаривать, скорее, из тех, которым привычнее говорить самим. Как и все в то время, я слышал много историй о йомсвикингах, плавающих повсюду и сражавшихся в чужих краях. Я знал, что они живут в Вендланде, в неприступной крепости, окружающей гавань с тремя сотнями боевых кораблей. Слышал я и то, что их вождь, по слухам, бессмертен, а отец его – сам Один. Имени вождя я не помнил. Возможно, потому, что я никогда по-настоящему не верил, что истории о яростных йомсвикингах – это что-то большее, чем легенды и сказки.

– Я ищу своих братьев, – прозвучал голос Хальвара. – Их взяли в плен после... некоторых разногласий.

Я вновь услышал шорох шагов. Хальвар уселся.

Ветер крепчал. Я встал и достал одну из своих шкур. У меня было две, вторую я отнес к Хальвару. Тот поблагодарил меня, когда я укрыл его шкурой.

– Ты хороший парень, – добавил он. – Хотя мне, пожалуй, лучше звать тебя мужчиной. Ты плывешь на собственной лодке, да и пес у тебя есть. Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– В этом возрасте я уже бился в своей первой битве. Где-то в Рогаланде. Я был с отцом.

Я не ответил. Меня бы не удивило, если бы Хальвар сказал, что стал воином в тот день, когда только родился.

– А ты, Йостейн, ты уже убивал?

Этот вопрос настиг меня, когда я возвращался к лодке. Я улегся, завернувшись во вторую шкуру с Фенриром в ногах. Отвечать не хотелось. Мне казалось, об этом лучше не говорить.

– Твое молчание – уже достаточный ответ, – сказал Хальвар. – Где это было? В Норвегии?

– Да.

– В битве?

– На нас напали.

– Это там тебя ранили? – Хальвар кашлянул. – Не сочти за хулу, парень, но я вижу, что ты подволакиваешь ногу.

– Да, там.

– А шрамы на твоей шее – это от рабского ошейника?

– Да.

Хальвар замолчал. Я слышал, как он ворочается, будто пытается тщательно все обдумать. Вдруг он сказал: «Жрать охота», а затем поднялся и принялся расхаживать по берегу. Я слышал, как он плещется у воды, вот он застонал и что-то проглотил.

– Если бы только мы могли заглянуть на хутор там, дальше... Нет, лучше не будем, так безопасней. Завтра утром поплывем дальше. У тебя в лодке есть снасти?

– Да.

– Тогда порыбачим по дороге.

– А куда...

– В Йорвик. Там большой рынок рабов.

Моей первой мыслью было, что это очень кстати, я ведь и сам собирался в Йорвик.

– Я тебе заплачу, – добавил он.

Я промолчал, вдруг сообразив, что с Хальваром туда, пожалуй, отправляться опасно. Его могут узнать. Ведь есть какая-то причина, почему те люди гнали его до самого моря. Должно быть, из-за чего-то, что он натворил.

– Ты собирался куда-то еще?

– Нет...

– Так ты просто плаваешь безо всякой цели?

– Нет, я... Я ищу своего брата.

– Норвежец из Вика? Он постарше тебя?

– Да. На пять лет.

– Ну так он в том возрасте, когда мужчины охотно хватаются за оружие. Так он отправился в поход? А ты поплыл на его поиски?

Я кивнул, хотя было слишком темно, чтобы мужчина у воды смог меня увидеть.

– Может случиться так, что ты найдешь его в Йорвике. Юнцы обычно отправляются туда. – Хальвар почавкал, сплюнул и выругался, песок опять заскрипел, он вернулся на свое место и сел, пробормотав: – Водоросли. Никудышная еда для мужчины.

Похоже, Хальвар попытался найти удобное положение там, за камнями, он застонал, баюкая руку. Наконец все стихло, я забрался в лодку и сел, пытаюсь разглядеть что-то над план-

ширем. Спать мне нельзя, я не доверял этому человеку. Но, может, то была неумная мысль, ведь если бы он хотел убить меня, он бы уже это сделал. Накатил сон, тело отяжелело, и я сомкнул веки.

9 Йорвик

Оказалось, что обогнуть Англию не так просто, и времени это занимает больше, чем я предполагал. Кое-где отлив был так силен, что нас тащило назад даже под парусом. Но погода выдалась хорошей, было совсем нехолодно, и по мере того, как мы продвигались на юг, бухточки, где мы устраивались на ночь, становились все теплее. На севере земля была бесплодной, и мы могли укрыться от ветра только на берегу, у скал, а здесь, на юге, увидели листовенные леса, тянущиеся вглубь страны. То был красивый вид: берега казались золотистыми от осенней листвы. По вечерам, вытащив лодку на берег и разведя костер, мы нередко сидели, глядя на воду, на парящих чаек и, если погода выдавалась ветреной, на листья, летящие по ветру. Только изредка мы перебрасывались парой слов. Хальвар держался вызывающе лишь в тот первый вечер, а на следующее утро, когда мы забрались на борт лодки, я вдруг увидел перед собой тихого, задумчивого человека. В кошельке у него были серебряные монеты, он показал мне их. Мне причитались две: одна – за то, что я доведу его до Йорвика, а вторая – за спасение его жизни. Поэтому одна монета уже лежала у меня в кошельке, я постоянно вытаскивал ее и рассматривал. На одной стороне виднелся выбитый рисунок, похожий на чью-то голову, вокруг этой головы шел какой-то узор. Хальвар сказал, что это письмена, но таких диковинных рун я никогда не видывал. Хальвар считал, что это монета с юга, из Миклагарда. Другие его монеты были такими же. Он знал людей, побывавших там с товаром, они привозили домой точно такие же монеты. Наверное, Хальвар побывал во многих странах, когда он смотрел на море, мне казалось, что в этих глазах отражается весь мир. Он спрашивал меня, как я оказался в Ирландском море, ведь я приплыл туда не прямо из старой Норвегии? Тогда я рассказал все, как есть, что лето провел на острове Россэй на севере, чинил кнорр, и что там есть люди, ждущие моего возвращения. На это Хальвар ничего не ответил. Просто повел плечами и стал смотреть на горизонт. Он нередко так сживал.

Мы обогнули королевство Уэльс и вскоре миновали западный мыс Корнуолла. Здесь нас встретил сильный ветер, и мне пришлось грести целые сутки и еще одну ночь. Когда мы наконец смогли причалить, Хальвар похвалил мое искусство морехода. Он заявил, что у меня, должно быть, в жилах течет соленая кровь самого Ньёрда, ведь даже седобородые шкиперы, доплывшие до Гренландии, не смогли бы лучше управлять лодкой.

По дороге на юг мы все чаще видели усадьбы на берегу, но казалось, что людей там было мало. Это меня удивляло. Несколько дворов, встретившихся нам на пути, казались заброшенными. Скотины я тоже не заметил. Сначала Хальвар не хотел ничего говорить, но вскоре мы увидели несколько пепелищ, и тогда он, кивнув, поведал мне, что это дело рук «великого воинства». По большей части то были даны, сказал он, а вел их Свейн Вилобородый. Попадались среди них и норвежцы. Они уже давно воевали с Этельредом, а там, где бьются воины, крестьяне убегают. Вот так и получилось, что эти дворы оказались заброшены. Этельред – злой человек, добавил он. Говаривали, что он иногда впадает в ужасный гнев, и тогда его воины отправляются в набеги и берут в плен всех данов, попадающихся на пути. Они хватают мужчин, женщин, детей и вешают их безо всякой пощады.

Вечерами мы сходили на берег, а иногда разбивали лагерь неподалеку от заброшенных домов. Над такими местами висела мертвая тишина, а однажды я набрел на труп в кустах. От него остались одни кости, птицы склевали всю плоть с черепа. Я пошел туда, чтобы найти подходящее дерево для луков себе и Хальвару, ведь здесь попался тис, прямые, прочные стволы. Я срубил одно дерево, а когда вернулся в лагерь, вытесал две заготовки для лука и

положил сушиться у костра. Хальвар похвалил мою работу и пообещал купить мне хорошую тетиву, когда приедем в Йорвик. Про труп я ему не сказал.

Англию и Валланд разделяет длинный канал. Там нас застал штиль, и нам пришлось несколько дней идти на веслах. Казалось, Хальвар почти не замечает своих ран, иногда он промывал их морской водой, а пару раз почистил отверстия от стрелы, выдавил гной и кровь и прижег их раскаленным угольком из костра. Он был невероятно вынослив.

Теперь мы сидели на средней банке плечом к плечу, гребли каждый одним веслом, и вскоре оставили за кормой западную сторону канала. Мы шли так, что южный берег был на виду, так что я заметил, что канал сужается. Хальвар сказал, что эти воды опасны. Здесь в любой момент можно натолкнуться на грабителей. Королевство, которое когда-то было основано изгнанником Хрольвом Пешеходом, осталось теперь позади. К югу от нас земля франков, а они славились как жестокие и беспощадные люди. Хальвар с большим чувством рассказал о кресте Белого Христа, который франки поднимают, когда казнят своих пленников. Они считают, что тех, кто чтит других богов, надо подвергнуть очищению болью. Поэтому они часто сжигают пленников живьем или разрывают их живыми на куски.

Так что на юге мы причаливать не стали. В Англии люди более похожи на людей, считал Хальвар. С ними можно разговаривать. Так он и собирался поступить, как только мы доберемся до Йорвика.

От восточного мыса Уэссекса мы пошли прямо на север. Прошло шестнадцать дней с начала нашего путешествия, начался новый месяц. Тепло, встретившее нас, когда мы поплыли из Ирландского моря на север, однажды ночью унеслось со штормом, а когда мы проснулись, землю покрывал иней. Казалось, Хальвар встревожился. Он начал бормотать себе под нос, а когда мы оттолкнули лодку от берега, замешкался, прежде чем взобраться на борт.

– Надо торопиться, – сказал он. – У меня не так много дней в запасе.

Я не понял, что он имеет в виду, но, как и раньше, ничего не спросил. У него, должно быть, есть свои причины торопиться. Да и я был не прочь побыстрее добраться до города. Последнее, что я сказал Сигрид, – это то, что я обернусь за пару дней. Тогда она мне не поверила. А теперь мне пришло в голову, что ей и не хотелось, чтобы я возвращался. Не знаю, почему я так подумал, но, возможно, мои мысли о том, чтобы остаться жить на острове и взять ее в жены, были всего лишь нелепой мечтой. И все же я скучал по ней. И надеялся, что она тоже по мне скучает, и хотел побыстрее вернуться обратно.

Мы плыли двое суток без перерыва, причаливая к берегу лишь затем, чтобы набрать воды и дать Фенриру размять лапы. Хальвар дал мне поспать ночь на третьи сутки, а когда я проснулся, мы плыли по реке. Хальвар сидел на кормовой банке, держа руль, рубаха была покрыта инеем.

– Это Уз, – сказал он и указал рукой на широкую синюю реку. – Через день мы будем в Йорвике.

Я уже знал, что Уз – это река, соединявшая Йорвик с морем, но никогда не думал, что она может быть такой длинной. Я еще никогда не углублялся на сушу больше чем на полдня пути от побережья, а теперь мы быстро неслись, подгоняемые легким восточным ветром, и берег моря уже скрылся из виду. Вокруг тянулась плоская местность, поросшая лесом, но лес то и дело уступал место заплаткам полей, на которых колыхался утренний туман. Кое-где мы видели пасущихся овец и коров, а рядом – кучки домов и стога сена. Мы проплыли мимо рыбака на реке, тянущего свою сеть. Вскоре мы увидели еще несколько таких, мужчин в узких лодочках, вытаскивающих сети и верши в камышах у берега реки. Должно быть, они привыкли к чужакам: когда мы проплывали мимо, они едва поднимали на нас глаза.

Мы причалили к мысу, где река набросала груды плавника и веток. Ветер поменялся, и нам вновь пришлось брать за весла. Мы устали и проголодались, но еды не было. Хальвар отсоветовал мне рыбачить здесь. Мы слишком близко к городу, пояснил он. А в таких городах,

как Йорвик, и мясо, и рыба заражены червями. Если я не хочу заразиться, надо есть только яблоки и ягоды или хорошо проваренную кашу. Он знал человека, заразившегося червями, один из них вышел из его носа, пока тот спал, а потом он чах и чах, пока через несколько дней не умер в корчах.

Я послушался совета Хальвара. Когда мы приедем в город, он купит нам фруктов – так он мне пообещал. Я получу свою оплату, а если согласен подождать, держа наготове весла и парус, он заплатит еще монету. Об этом мы раньше не договаривались, но мне понравилась мысль, что я смогу вернуться на Оркнейские острова с целыми тремя монетами. Я покажу их Гриму. Тогда он поймет, что я – мужчина, умеющий позаботиться о себе, а когда наступит время, смогу позаботиться и о его дочери.

На следующий день я увидел, что река меняет цвет. Глубокий синий цвет все больше переходил в серый, чем выше по реке мы поднимались, а вскоре изменился и запах. Над берегами поднималась вонь, вонь испражнений и мочи. Но это была не та вонь, что можно почуять у хлева или на торжище в Скирингссале. То был какой-то горький запах, будто где-то там гнила плоть.

К этому времени мы уже находились в сутках пути от моря, и от этой мысли я испытывал беспокойство. Раньше я всегда жил недалеко от моря. Море было центром моего существования, и, где бы ни жил, я всегда находился рядом с морем. «Море связывает людей», – сказал как-то отец. Тогда он вычертил несколько линий в золе у очага и показал нам с Бьёрном, как выглядит норвежское королевство. Там были Вик, Западное побережье и земли трёндов. Еще острова в Северном море и норвежские владения в Ирландском море и Ирландии, в холодном океане на севере лежала Исландия, а далеко на западе – Гренландия. Все эти места, куда можно было доплыть на корабле, принадлежали норвежцам. А вот в глубине норвежских земель местности оставались пустынными, и добраться туда было нелегко. Поэтому там правили свои вожди, и те земли вряд ли можно было назвать королевством, которое когда-то объединил Харальд Прекрасноволосый.

По мере того как мы поднимались вверх по реке, нам стали чаще встречаться люди. То были рыбаки, ставившие верши у берега, пастухи с большими стадами овец, столько овец я никогда раньше не видел, дома с высокими бревенчатыми крышами. Мы слышали пение кузнечных молотов, видели, как вокруг домов бегают и играют дети. От леса здесь не осталось и следа, по всей земле расстилалась поля. Я почувствовал себя как в ловушке, окруженный сушей и всеми этими людьми.

– Не бойся, – сказал Хальвар, который, наверное, заметил, что мне неуютно. – Говорить буду я.

Я кивнул. Вдалеке появился дым, но не отдельный столб дыма, а будто туман, поднимающийся от земли.

– Я знаю, где продают рабов. Мы пойдем прямо туда. Держись рядом со мной, Йостейн. Тогда будешь в безопасности.

– Торстейн, – сказал я. – Меня зовут Торстейн. Хальвар звал меня Йостейном с тех самых пор, как я вытащил стрелу из его руки, но мне не хотелось его поправлять. До этого мгновения. Не знаю, почему мне вдруг стало так важно мое имя. Может, заговорил страх. Если со мной что-то случится в этом городе, я, по крайней мере, хочу, чтобы меня помнили под настоящим именем.

– Торстейн, говоришь? – Хальвар обдумывал мои слова, глядя на пастбище слева от нас, где паслись несколько больших лошадей. – Я думал, Йостейн. У меня есть друг, которого зовут Йостейн.

Я не ответил, и Хальвар потянулся за теслом. Мы заранее договорились, что он возьмет его на время, ему не хотелось ходить по Йорвику совсем без оружия. Мне останутся топор и нож. Фенрира я привяжу на веревку. По словам Хальвара, в Йорвике находились типы, не

брезговавшие ловить и поедать собак, ведь там встречались люди со всех концов мира. А еще там можно было найти все, чего только можно пожелать и чего можно бояться. Да, по пути Хальвар поведал мне многое об этом городе. О римлянах, выстроивших крепость, ту крепость, которая возвышалась над всеми строениями, о ярмарке рабов и о живых зверях, которых сюда привозили издалека, из Византии халифатов, где обитали колдуны с пламенем вместо сердца и воины с изогнутыми мечами.

Еще он мне поведал о том, как во все времена могущественные люди сражались, чтобы стать правителями Йорвика. Этот город сулил неслыханные богатства, ведь торговцы здесь беспрекословно платили подати. Английские, датские и норвежские хёвдинги проливали кровь своих воинов, чтобы получить власть в этом городе, и сам Эйрик Кровавая Секира пал в бою здесь неподалеку, сжимая в одной руке мешок с собранными податями, а в другой – меч.

Йорвик был построен у слияния двух рек, и к северу от устья возвышалась древняя крепость, построенная римлянами. Когда мы уже приблизились к городу, Хальвар стал на удивление молчалив. Парус наполнял легкий южный ветер, и мы медленно подплывали к бревенчатым причалам, построенным на берегах реки. Теперь запах стал просто невыносим, воздух наполнился шумом голосов, кудахтаньем, мычанием и ударами молотов из несчетных кузниц. Поначалу я не видел города, парус заслонял мне вид. Но вскоре Хальвар опустил рею, так что мы медленно плыли по течению; река Фос оказалась по правую руку от нас, а Уз тек на расстоянии нескольких полетов стрелы на север, а затем сворачивал к западу. Я замер на кормовой банке, потеряв дар речи, и Хальвар, обернувшись ко мне, улыбнулся.

– Да, – сказал он. – Знаю. Много домов, правда?

Никогда я не видел столько построек сразу. Они усеивали оба берега, и, похоже, поселение тянулось дальше на север, я не мог разглядеть, где кончается город. Причалов было по меньшей мере тридцать, и у всех теснились рыбацьи кнорры и боевые корабли. Некоторые из них хозяева вытащили на глинистый берег, а от причалов вдоль и поперек шли улицы, вымощенные досками.

Йорвик был заложен на мысу, образованном слиянием рек Уз и Фос, а крепость находилась примерно в середине этого мыса. Я раньше никогда не видывал крепостей и поэтому не понял сразу, что это такое. Для меня это были просто высокие каменные стены, поднимавшиеся над крышами домов, а на этих стенах стояли воины, вооруженные длинными копьями. Над стенами возвышались длинные шесты, на них развевались белые флаги.

Мы причалили там, где река поворачивала к западу, к югу от римского моста. До этого мы уже миновали три бревенчатых моста, но этот древний мост перед нами был сложен из камня, а его опоры поросли речной травой и зеленой плесенью. Отсюда нам была видна западная часть крепости: каменная стена выходила прямо к берегу реки и, наверное, когда-то соединялась с мостом, но позже стену у моста проломили, чтобы проложить улицу.

Поскольку свободного места у причалов не было, нам пришлось вытащить мою лодку на глинистый берег. Здесь торчал шест, и мы привязали лодку к нему. Вонь тут стояла тошнотворная, и я заметил, что мы стоим на глине, смешанной с костями рыбы и животных. В воде плавали испражнения, и, пока мы собирали вещи, готовясь отправиться в город, на ближайший причал взошла молодая девушка и выплеснула содержимое своей лохани в воду, прямо за нашей кормой. В нос ударил кислый запах мочи.

Я смотал веревку, повесил на плечо, а на одном конце сделал петлю, которую накинул на шею Фенриру. Хальвар заткнул за пояс тесло, я – топор и нож. Еще мы взяли луки без тетивы, те, которые я смастерил по дороге, а на поясе висели кошельки. Не успели мы подняться от берега реки, как из-за домов выскочил мальчишка. Хальвар потряс своим кошельком и кивнул на лодку; мальчишка запрыгнул на борт. Он посторожит, объяснил Хальвар. Теперь можно идти.

Йорвик отвечал всем моим ожиданиям, и даже больше. Здесь я впервые увидел чернокожего: он встретился нам прямо у домов на берегу. За ними была широкая улица, и по ней шел чернокожий человек, довольно скалясь, ведя на веревке раба. Меня вдруг охватила смесь страха и ненависти, но ненависти было больше. Позднее я узнал, что чернокожие любили покупать рабов, казалось, больше ничем другим они и не занимались. Кожа у них черная как ночь, но одеваются они в синие длинные рубахи, а голову обматывают синими платками, и именно поэтому мы их называем «синими людьми»¹. Еще я в первый раз увидел здесь человека со сточенными зубами, то было позже этим же вечером, и услышал о войне, из-за которой опустела Западная Англия.

Постройки походили на те, что я видел в Скирингссале. Чаще всего дома сколачивали из потрескавшихся корабельных досок. Остроконечные крыши крыли досками, корой или камышом – казалось, что местные кидают на крышу все, что только под руку попадет, лишь бы от дождя защищало. Дома стояли кучно, и проходы между ними были такими узкими, что там едва мог пробраться один человек. В этих проходах валялись кучи навоза, рыбьих костей и устричных ракушек. Именно от этих куч шла та ужасная вонь, и от них к улицам сочились ручейки коричневатой жижи.

Хальвар пояснил, что мы сошли на берег недалеко от рынка рабов, так что туда мы и направляемся. Я старался держаться позади него, ведь навстречу нам шла уйма людей, столько человек за раз я никогда не видывал. То были покрытые шрамами воины, у пояса красовался меч, а на руках – серебряные наручи, торговцы с круглыми животами и тяжелыми кошельками, женщины, тащившие кур и корзины с капустой, луком и репой; и все они шагали мимо нас с Хальваром, будто нас и не существовало. Так сделали и мы, шли мимо этих людей, будто это деревья в лесу. Не поднимали рук в приветствии, не спрашивали, как их зовут, какого они рода. Некоторые встречались со мной глазами, но лишь на краткий миг, а потом проходили мимо.

Улица, по которой мы шли, привела нас к крепостной стене. Фенрир натянул веревку. Он все время вертел головой, привлеченный разными звуками: голос в переулке, клетка с квохчущими курицами, смех женщин. Здесь везде были запахи и звуки, и, должно быть, для моего пса это было чересчур, так что он наконец улегся и отказался идти дальше. Пришлось взять его на руки.

Путь от причалов к рынку рабов был недолог. Мы свернули налево там, где дощатая улица пересеклась с широкой, вымощенной камнем дорогой, а та нас вывела к кузне, где на гвоздях висели рабские ошейники различных размеров, пошире и поуже. Вдруг меня охватил страх, и я бы обернулся и убежал к лодке, если бы Хальвар не ухватил меня за руку.

– Вон, смотри. – Он указал рукой на конец дороги, и там стояли они. Мужчины. Женщины. Несколько детей. Похоже, руки у них были связаны за спиной, их вывели на помост, возведенный у крепостной стены.

До помоста было еще не так близко, и я воспротивился, когда Хальвар потащил меня туда. Люди увидят шрамы у меня на шее, они поймут, что я сбежал. Помню, мне вдруг представилось, что Хальвар хочет продать меня, что он все это время меня обманывал, и приехал сюда вовсе не в поисках своих братьев по оружию, а для того, чтобы получить еще немного серебра. Но Хальвар обнял меня за плечи и прошипел:

– Во имя Одина, парень! Мне нужно туда. А ты держись меня, понял? – Он кивком указал на переулок за пару домов от нас, где стояли два парня, поглядывая в нашу сторону. – Они видели наши кошельки. Если ты уйдешь один, тебе конец.

То был 994 год по исчислению христиан, и английский конунг сделал все, чтобы в городах, подобных этому, торговля рабами шла беспрепятственно. В тот день я этого еще не знал,

¹ Здесь автор делает ошибку. Раньше чернокожих действительно называли *bláttenn* – «синие люди», но это потому, что в языках древних скандинавов не было разницы между синим и черным. Ср. имя конунга – Харальд Синезубый. – *Прим. пер.*

но все дело было в халифатах далеко на юге, они взвинчивали спрос, из-за чего в те времена рабы стали самым выгодным товаром. Свободные люди в тех краях считали себя господами, и все их существование зависело от того, достаточно ли рабов гнут на них спины. Из-за этого цены росли, а подати Этельреда увеличивались. Конечно, ученые монахи нашептывали ему, что так неправильно, что все мужчины и женщины равны перед Богом, но он явно не прислушивался к ним. Ибо теперь, когда мы приблизились к помосту, я увидел, что вдоль стены тянется целый ряд подобных. И каждый из них окружали мужчины и женщины, разглядывая связанных людей.

Сейчас я и не вспомню, сколько рабов было в тот день на помостах. Пятьдесят или сто, может быть, и больше. Помосты возвышались на сажень над вымощенной камнем площадью, и мы с Хальваром начали проталкиваться к ним сквозь толпу. Мы не спускали глаз с рабов, ведь Хальвар надеялся увидеть здесь своих братьев по оружию, а мне вдруг пришло в голову, что среди них мог оказаться и Бьёрн.

Когда мы обошли все помосты, Хальвар, глубоко вздохнув, опустил тяжелую ладонь мне на плечо, и мы пошли дальше по каменной улице. Мы миновали несколько навесов, где были выставлены на продажу куры в клетках, а также вяленое мясо, рыба и груды последних осенних яблок. Но хотя мы давно ничего не ели, Хальвар и взглядом не удостоил это изобилие. Мы всё шли и вскоре дошли до конца каменной улицы. Здесь стена образовывала угол, так что нам пришлось свернуть направо. В этой части города дома выглядели по-другому. Выстроенные из камня, они были очень старыми. В углу стены был устроен помост, очень похожий на те, мимо которых мы недавно прошли, но я сразу понял, что здесь ничего не продают. На помосте стояла виселица, вокруг нее собралась большая толпа. Ладонь Хальвара вновь опустилась мне на плечо, и вдруг он усилил хватку.

– Хель! – выругался он при виде троих связанных мужчин, которых вывели на помост. На их обнаженных телах виднелись отметины от кнута и каленого железа. – Стой здесь, – велел Хальвар. – Никуда не уходи.

С этими словами он начал протискиваться сквозь толпу ближе к помосту.

До сих пор я не видел, как вешают людей, и было бы лучше, если бы я и тогда этого не увидел. Хальвар затерялся в толпе, а к краю помоста вышел человек в плаще с капюшоном и начал что-то говорить, поглядывая в обрывок пергамента в руках. С ним вышли еще двое: лысый монах и палач, огромный детина, облаченный в грязную кожаную тунику. Он накиннул петлю на голову первого пленника и заставил его встать на скамейку. Веревку натянули, монах наклонился и выдернул скамейку.

Из всех способов отнять жизнь у человека повешение – один из худших. Человек, болтающийся в петле, теряет власть над телом. Сначала он пытается найти опору для ног, но вскоре его движения превращаются в судорожные подергивания, и тут начинается «танец висельника». Мышцы ног и солнечного сплетения сокращаются; каждый мускул, до самых пальцев ног, напрягается и расслабляется в рассогласованном ритме. Часто опорожняется кишечник, осужденный хватает воздух ртом, как рыба без воды, глаза закатываются, и, когда его наконец настигает смерть, тело висит, раскачиваясь на веревке, как кусок мяса.

Палач с монахом вздернули всех троих, и каждый раз толпа встречала муки осужденных ликованием. Последний из них был ненамного старше меня, и, когда ему на шею надевали петлю, он боролся изо всех сил. Когда все трое были мертвы, их вынули из петли, отрубили головы и водрузили на колья. Предполагаю, что дальше их должны были носить по улицам всем на погляд, но тут передо мной вновь возник Хальвар. Он весь пылал от злости, но рука его не тянулась к оружию, он просто стоял, отвернувшись от эшафота, и взгляд его был мрачен.

– Хель заведи их всех, – пробормотал он, плюнул на землю и пошел прочь.

Недалеко от рынка рабов мы нашли харчевню. В ней сидели несколько мужчин такого же вида, что и Хальвар, крепкие воины со шрамами, загорелые и бородатые.

Мы с Хальваром уселись за одним из двух свободных столов. Другие гости заняли четыре стола, и казалось, что они – одна компания. На всех были похожие выцветшие ржаво-красные туники, а когда мы с Хальваром уселись, они отвели от нас взгляды и снова завели прерванный разговор, как мне показалось, по-норвежски.

Хальвар положил на стол кусочек серебра. Это была не монета, просто сплюснутый кусочек безо всякой чеканки. Не прошло много времени, как рядом с ним уже стояла кружка пива. Ее Хальвар осушил в три огромных глотка. Подавальщик стоял у торца стола с бочонком под мышкой и тут же наполнил кружку вновь, Хальвар осушил и эту и пошел по третьему кругу. Только теперь он, казалось, немного успокоился, сделал пару глотков и отодвинул кружку, уставившись перед собой пустым взглядом.

Фенрир по-прежнему сидел у меня на руках. Подавальщик принес мне миску с мясом и жилами, но я отказался, помня слова Хальвара о том, что здесь все заражено червями и прочей дрянью. Хальвар пробормотал подавальщику принести нам несколько яблок. Но только что собранных и без червей. Потом он опустошил свою кружку.

Один из воинов поднялся и подошел к нам. Поначалу он стоял у торца и изучал нас с усмешкой на губах. Нечасто я встречал людей такого пугающего вида. Борода была заплетена в косичку, на передних зубах выпилены бороздки, а совершенно лысую голову уродовал страшный шрам, будто у него содрали кожу на темени, а потом торопливо приметали назад.

– Норвежцы? – спросил он.

Хальвар отцепил от пояса тесло и положил на стол перед собой:

– Кто спрашивает?

– Зовусь я Орм. Вы приехали за рабами? – спросил он, кивая в сторону распахнутой двери.

Хальвар плюнул на пол.

– Идите к нам, выпьем вместе.

Хальвар повел плечами и тяжело вздохнул, потом поднялся и пересел к Орму и его товарищам.

Нельзя сказать, чтобы их беседа была сердечной. Хальвар уже начинал пьянеть, а Орм все подливал ему из бочонка на столе. Хальвар забыл на столе свой кусочек серебра, когда мы пересаживались, но я сгреб его в кулак, ведь мне совсем не хотелось, чтобы эти люди выманили его у нас. Намерения у них бесчестные – это я понимал отлично. Они подождали, пока Хальвар выпьет еще две кружки, а потом опять начали расспрашивать, какое дело привело его в Йорвик. Тогда Хальвар ответил, что приехал, чтобы найти своих друзей. При этих словах его обуяла ужасная злоба, он ударил кулаком об стол и зашипел, что смерть на виселице – это позорная смерть. Казалось, что эти слова произвели особое впечатление на Орма и его друзей, они стихли, обменявшись взглядами, кое-кто беспокойно заерзал на скамье, другие схватились за ножи.

– Если ты говоришь, что в «танце висельника» чести нет, так, может, вы с друзьями считаете, что лучше топор в руках палача, а удар надо встречать прямым взглядом? – спросил Орм.

– Да, – ответил Хальвар, тыкая пальцем в мужчин за столом. – Теперь... теперь вы знаете, что я за человек.

То были последние осмысленные слова, произнесенные Хальваром в тот вечер. После его ответа люди в харчевне поняли, что он из йомсвикингов, ведь повсюду было известно – они всегда требовали, чтобы их казнили сидя, и с вызовом смотрели палачу в глаза. В то время еще существовали братства воинов, не служивших ни одной стране и ни одному королю, и из них самым известным было братство йомсвикингов. Поэтому Орм с товарищами прекратили пить, но Хальвар не выпускал кружку. Я не знал, что тому причиной – разочарование из-за того, что

он не нашел своих собратьев, или его невоздержанность, но никогда я еще не видывал, чтобы человек так быстро вылил в себя столько пива.

Где-то на шестой кружке Хальвар догадался отдать мне свой кошелек, предупредив, чтобы я хорошенько его берег, но, отхлебнув от седьмой кружки, он облокотился на стол и опустил голову на руки. Теперь взгляды за столом обратились на меня и на кошелек на столе. Но тут Хальвар поднял голову и вдруг выпрямился.

– Вы... – он обвел сидящих пальцем. – Я... Я знаю, кто вы такие. Вы... Вы разорили весь Уэссекс!

– Мы воины, – сказал Орм. – Свейн Вилобородый и Олав, наш вождь...

– Как братья, – перебил его Хальвар. – Я слышал... Они как братья.

– Уже нет. – Орм потянулся к бочонку и вновь наполнил кружку Хальвара. Я подивился, сколько Хальвар может выпить. Пиво было крепким. Сам я дошел лишь до половины первой кружки, но уже чувствовал, что в голове зашумело. На столе стояло огромное блюдо, в нем были лепешки и яблоки. Не пива мне хотелось, а еды.

– Ешь, – произнес парень рядом со мной и подтолкнул ко мне блюдо.

– Да, – сказал Орм, – Ешь давай. Мы были бы последними мерзавцами, если бы не предложили еды йомсвикингу. Хотя ты, может, и не йомсвикинг? Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

Орм подлил пива мне в кружку и улыбнулся, показав подпиленные зубы:

– Как тебя зовут?

– Торстейн.

– Ты когда-нибудь убивал людей, Торстейн?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, когда его задал Хальвар, не хотелось и сейчас. Но я кивнул. Тогда Орм повернулся к Хальвару:

– Этот мальчик, кто он такой?

– Он... – Хальвар утер пиво с бороды. – Он – корабел.

– Корабел? – Орм откинулся на скамье и поднял свою кружку. – Тогда мы пьем за тебя, Торстейн.

Все подняли кружки и выпили. Хальвар сделал еще несколько глотков. Я никак не мог понять, почему он пьет так много, и мне не нравилось, как Орм опять, совершенно не стесняясь, посмотрел на кошелек. Я взял его со стола и прицепил к своему поясу, а потом принялся жевать яблоко.

Тут Орм начал рассказывать о том, как они с товарищами все лето разъезжали по Уэльсу, Уэссексу и Мерсии, грабя все селения на своем пути. Они то и дело поднимали кружки, возглашая здравницы, и казалось, что они весьма горды своими набегами. Теперь их вождь, Олав Трюггвасон, заключил договор с конунгом Этельредом, а Свейн Вилобородый уплыл домой в Ютландию. Конунг данов затаил злобу, ведь когда Олав заключил договор с Этельредом, ему пришлось пойти против данов и поклясться, что он будет сражаться с ними, если они вновь примутся разбойничать в Англии.

Я стал размышлять над тем, что рассказал Орм. Если они разоряли Уэльс, Уэссекс и Мерсию, неудивительно, почему мы видели так мало лодок в море и почему усадьбы стояли в запустении. Они обратили в рабство много валлийцев, похвалялся Орм, а нескольких они только что продали на рынке прямо у харчевни. Он вытащил несколько серебряных монет из сумки у себя на поясе и показал нам. Это были динары, монеты из страны «синих людей». Рабов купил чернокожий, им там, на юге, всегда мало.

Со временем я узнал, что другие народы считают нас, северян, жестокими людьми, говорят, что все мы на севере хотим только убивать и отбирать у других их добро и женщин. То, что мы – такие же люди, как и прочие, и что среди нас есть и хорошие, и плохие, было забыто. То, что мы – не один народ, едва ли упоминали. На юге нас знали лишь как викингов, и мы

стали для них карой, посланной их великим могущественным Богом. Впрочем, ничего удивительного, пожалуй, в этом не было, если бы я сам встречал лишь таких людей, как Орм и другие, что сидели в харчевне, я бы тоже решил, что все северяне – это воплощенное зло. Теперь Хальвар настолько опьянел, что уже не мог сидеть прямо, он навалился всем телом на стол, и я понял, что, если Орм с товарищами захотят отнять у меня серебро, им сейчас ничто не помешает. Поэтому я обхватил Хальвара и вздернул его на ноги. Орм осведомился, почему это мы так внезапно решили уйти. Я объяснил, что нам надо найти кое-кого, а он в ответ пожал плечами и пробормотал, что всем нам надо кого-то найти.

Мне удалось дотащить Хальвара до лодки. Я спрятал кошелек под свернутыми шкурами в закутке под кормовой банкой. Потом снял парус с реи и хорошенько, с головой, укрыл пьяного. Тесло я положил ему под мышку, на случай, если кто-нибудь все-таки его заметит и сочтет незасторженным ограбить пьяного. Хальвар тогда наверняка проснется, решил я, придет в ярость и так задаст грабителям, что от них только ключья полетят. Мне казалось, он не тот человек, который позволит себя ограбить, и неважно, сколько он выпил.

Может, к тому времени я и сам захмелел. Одну кружку я все-таки одолел, а я ведь был молод, да и пиво в Йорвике варили забористое. Может, именно пиво придало мне храбрости, и я вновь побрел между домами в компании одного Фенрира.

Поначалу я вернулся к рынку рабов и постоял некоторое время, притворяясь, будто приглядываю за козами в загоне, а сам то и дело косился на помосты, где торговали рабами. Некоторых продавали и уводили через толпу зевак, и тогда на помост тут же выгоняли новых. Какая-то женщина закричала, пока покупатель уводил девочку, наверное, то была ее дочь. Но работарговец пнул ее в живот, она скрючилась и затихла.

Долго выдержать это я не мог. Там было слишком много боли, а воспоминания о тяжести собственного ошейника еще не давали мне покоя. Я юркнул в какой-то переулок и вышел на рынок, где продавали самые отборные товары в Йорвике. О некоторых из них я только слышал – шафран и другие пряности, – а еще там предлагали шелк, и горностаевый мех, и жемчуг – торговцы сидели, скрючившись над своими крохотными весами. Похоже, эти люди приехали не из моих краев, у них были черные волосы, смуглая кожа, а носы – как здоровенные клювы. Там, где прилавки заканчивались, я набрел еще на одну дощатую улицу и, пройдя по ней, вновь оказался у городской стены. Я пошел вдоль нее и вышел ко второй реке, поуже. Должно быть, это Фос, подумал я, глядя на несколько широких плоскодонок, пришвартованных к причалам. На борту одной из них стояли двое широкоплечих мужчин со светлыми бородами и плели верши.

Я спросил у них, не видали ли они человека, едва достигнувшего двадцати лет, по имени Бьёрн.

– Он похож на меня, – добавил я. Они ответили с жестким выговором, который отличает выходцев из Рюге, что такого они не видели. Но обещали, что будут высматривать.

– Это твой брат? – спросил один. Я ответил утвердительно. – Может, он у шлюх, – предположил он, указывая вниз по реке.

Это было откровенное оскорбление, но меня оно не задело. Даже если бы я нашел брата в объятиях самой грязной шлюхи в городе, я бы только возблагодарил Одина, его сыновей и норн в придачу за то, что они вновь сплели нити наших жизней.

Я пошел по узкой улице вдоль реки и вскоре услышал смех женщины и громкий голос мужчины, судя по выговору, то был дан. Я повернул между двумя домами и вышел на очень маленькую площадь, вернее, просто перекресток, на котором стояли несколько скамей. На них сидели мужчины и женщины, и те женщины были одеты в широкие платья с таким глубоким вырезом, что груди чуть ли не вываливались наружу. На углу одного дома прямо рядом со мной стояла бочка, а подле нее – двое мужчин. Один из них зачерпнул оттуда кружкой, навер-

ное, пиво, подумал я. Второй наклонился к Фенриру и попытался подозвать его, прищелкнув пальцами.

И вновь я стал высматривать кого-то со светлыми волосами и бородой, я думал, что такие должны быть родом из моих мест и понимать мой язык. На этот раз я подошел к мужчине, сидевшему на скамье. Одной рукой он держал кружку, к которой то и дело прикладывался, а другой шарил под платьем девицы, сидевшей рядом.

– Я ищу одного человека, – сказал я. – Бьёрн, он похож на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.